

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2021

№ 56

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

А.В. Ложникова (Томск, Россия) –
главный редактор, ответственный секретарь
Р.А. Эльмурзаева (Томск, Россия) –
заместитель главного редактора
Н.В. Додонова (Томск, Россия) –
секретарь редакции
Д.М. Хлопцов (Томск, Россия)
Е.В. Нехода (Томск, Россия)
А.А. Земцов (Томск, Россия)
Н.И. Кичко (Томск, Россия)
И.В. Муравьев (Томск, Россия)
Т.В. Счастная (Томск, Россия)
Е.А. Пчелинцев (Томск, Россия)
М.А. Сорокин (Томск, Россия)
А.Л. Богданов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of Tomsk State University
Journal of Economics*

A.V. Lozhnikova (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief, Executive Editor
R.A. Elmurzaeva (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
N.V. Dodonova (Tomsk, Russia) –
Editorial Secretary
D.M. Khloptsov (Tomsk, Russia)
E.V. Nekhoda (Tomsk, Russia)
A.A. Zemtsov (Tomsk, Russia)
N.I. Kichko (Tomsk, Russia)
I.V. Muravyov (Tomsk, Russia)
T.V. Schastnaya (Tomsk, Russia)
E.A. Pchelintsev (Tomsk, Russia)
M.A. Sorokin (Tomsk, Russia)
A.L. Bogdanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

М.А. Боровская (Москва, Россия)
М.И. Зверяков (Одесса, Украина)
В.Н. Шимов (Минск, Беларусь)
С.Ф. Серегина (Москва, Россия)
Ф. Хуберт (Берлин, Германия)
Э. Дрансфельд (Дортмунд, Германия)
С.В. Чернявский (Москва, Россия)
И.К. Шевченко (Ростов-на-Дону, Россия)
Роберто Бруни (Кассино, Италия)
С.А. Жиронкин (Томск, Красноярск,
Кемерово, Россия)
И.В. Розмаинский (Санкт-Петербург,
Россия)
С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
С.Н. Левин (Москва, Россия)

*Editorial Council
of Tomsk State University
Journal of Economics*

M.A. Borovskaya (Moscow, Russia)
M.I. Zveryakov (Odessa, Ukraine)
V.N. Shimov (Minsk, Belarus)
S.F. Seregina (Moscow, Russia)
F. Hubert (Berlin, Germany)
E. Dransfeld (Dortmund, Germany)
S.V. Chernyavskiy (Moscow, Russia)
I.K. Shevchenko (Rostov-on-Don, Russia)
R. Bruni (Cassino, Italy)
S.A. Zhironkin (Tomsk, Krasnoyarsk,
Kemerovo, Russia)
I.V. Rozmainsky (Saint Petersburg,
Russia)
S.G. Kirdina-Chandler (Moscow, Russia)
V.A. Kryukov (Novosibirsk, Russia)
S.N. Levin (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА

Цитленок В.С. Об исходном методологическом принципе экономических исследований профессора Александра Петровича Бычкова	6
---	---

МЕТОДОЛОГИЯ

Гончарова К.С. Проблема социально-экономической дифференциации пространства в аспекте региональной неолиберальной политики	21
Пацала С.В., Горошко Н.В. Современная пространственная структура машиностроения России	37
Заздравных А.В., Бойцова Е.Ю. Big Data как фактор входа на отраслевые рынки	50
Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Парадоксы экспорта институтов технического регулирования на пространство ЕАЭС	67

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Краснов О.С., Салихов В.А. Влияние кластеров на экономическое и социально-экологическое развитие горнопромышленных регионов и на переход к новым технологическим укладам	81
---	----

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Калабина Е.Г., Газизова М.Р. Эйджизм: основные направления исследований в современных условиях	97
---	----

ФИНАНСЫ

Восканян Р.О. Развитие системы защиты от недружественных сделок слияния и поглощения	109
Чернявский С.В., Шутов О.Л., Астахова И.А. Проблемы совершенствования механизма изъятия природной ренты в интересах собственника ресурса	119
Оганян Д.А., Даниловских Т.Е. Методические подходы к оценке финансового состояния лизинговых компаний	128
Али-Аскяри С.А. Механизм оценки непрерывной деятельности и осмотрительности через призму рисков в системе внутреннего и внешнего контроля организации	138

МЕНЕДЖМЕНТ

Адова И.Б., Ибрагимов Г.Н. Феномен корпоративного гражданства в научных исследованиях российских ученых	142
Юдина С.В., Мингазова О.Н. О предпосылках и основаниях исследования инновационного предпринимательства	167

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Лукьянин А.Д. Трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг: причины, факторы и последствия	178
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. К вопросу экологизации национальной и региональных инновационных систем в контексте низкоуглеродной экономики	193
Григорьева М.Г., Барсик М.К., Ткаченко Л.И. Проблемы измерения масштабов теневой экономики и пути их решения	207
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	223

CONTENTS

TO THE CENTENNIAL OF THE BIRTH OF ALEKSANDR PETROVICH BYCHKOV

Tsitlenok V.S. Professor Aleksandr Bychkov's Methodology of Economic Research	6
--	---

METHODOLOGY

Goncharova K.S. The Problem of Socioeconomic Differentiation of Space in the Aspect of Regional Neoliberal Policy	21
Patsala S.V., Goroshko N.V. The Modern Spatial Structure of Mechanical Engineering in Russia	37
Zazdravnykh A.V., Boitsova E.Yu. Big Data as a Factor of Industry Market Entry	50
Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Paradoxes of the Export of Technical Regulation Institutions to the EAEU Space	67

SIBERIA MACRO-REGION

Krasnov O.S., Salikhov V.A. The Impact of Clusters on the Economic and Socio-Ecological Development of Mining Regions, and on the Transition to New Technological Modes	81
--	----

LABOUR ECONOMICS

Kalabina E.G., Gazizova M.R. Ageism: The Main Directions of Research in Modern Conditions	97
--	----

FINANCE

Voskanyan R.O. Development of a Protection System Against Hostile Mergers and Acquisitions	109
Chernyavskiy S.V., Shutov O.L., Astakhova I.A. Problems of Improving the Mechanism of Natural Rent Extraction in the Interests of the Resource Owner	119
Oganyan D.A., Danilovskikh T.E. Methodological Approaches to Assessing the Financial Condition of Leasing Companies	128
Ali-Askiari S.A. A Framework for Assessing Going Concern and Prudence Through the Prism of Risks in the Organization's Internal and External Control	138

MANAGEMENT

Adova I.B., Ibragimov G.N. The Phenomenon of Corporate Citizenship in Russian Scientific Research	152
Yudina S.V., Mingazova O.N. On the Background and Basis for Innovative Entrepreneurship Research	167

WORLD ECONOMY

Lukyanin A.D. Transformation Processes of the World Securities Market: Causes, Factors, and Consequences for the Republic of Belarus	178
---	-----

DISCUSSIONS

Yashalova N.N., Ruban D.A. On Greening National and Regional Innovation Systems in the Context of a Low-Carbon Economy	193
Grigorieva M.G., Barsiq M.K., Tkachenko L.I. Problems of Measuring the Scale of the Shadow Economy and Ways to Solve Them	207

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	223
---	-----

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА

УДК 330.101.8; 330.8
DOI: 10.17223/19988648/56/1

В.С Цитленок

ОБ ИСХОДНОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БЫЧКОВА

В связи со 100-летием со дня рождения почетного работника высшей школы Российской Федерации, ректора Томского государственного университета, многолетнего заведующего кафедрой экономической теории ТГУ профессора Бычкова Александра Петровича проведено исследование о роли методологического принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в создании нового экономического знания, которое он осуществлял более 50 лет. Исследование проблемы реализации методологического принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в научно-экономических работах Александра Петровича построено на последовательном решении следующих задач: 1) обоснование значения рассматриваемого методологического принципа в процессе производства нового научного знания; 2) анализ реализации данного принципа в его исследованиях по теоретическим и праксиоматическим проблемам собственности, товарного производства и рынка, воспроизводства национального продукта и факторов экономического роста. Создание нового научно-экономического знания Александр Петрович постоянно осуществлял на основе всего комплекса принципов диалектико-материалистического познания объективной реальности, среди которых необходимость непрерывного взаимодействия научно-экономического знания и экономических субъектов в процессе их деятельности, фиксируется методологическим принципом единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов. Диалектическое единство двух подходов достигается через взаимодействие двух типов когнитивных связей: прямых и обратных. Прямая связь существует между основным подходом и взаимодополняющим, а обратная – между взаимодополняющим подходом и основным. В зависимости от объекта познания один из подходов становится основным, а второй – вспомогательным. При исследовании макросистемных объектов и их множеств функцию основного выполняет абстрактно-априорный подход, а при исследовании внутрисистемных процессов, структур, институтов – конкретно-праксиоматический. Использование принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов позволило Александру Петровичу создать новое экономическое знание о сущности отношений собственности, товарного производства и рынка, экономического роста и одновременно показать их особенности в экономиках СССР и России периода 1950–2009 гг.

Ключевые слова: *методология, принципы, единство, подходы, абстрактно-априорный, конкретно-праксиоматический, исследование, новое знание*

Введение

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения почетного работника высшей школы РФ, ректора Томского государственного университета, многолетнего заведующего кафедрой экономической теории ТГУ профессора Бычкова Александра Петровича.

Одной из его доминирующих базовых компетенций являлась высокая способность к теоретической и практико-ориентированной формам экономической научно-исследовательской деятельности.

Он успешно решал многие проблемы экономической теории: теории развития общественного способа производства и теории собственности [1, 2], теории товарного производства [1], теории воспроизводства национального дохода [3], теории аграрных производственных отношений и взаимодействия форм собственности в хозяйстве СССР [4–7].

Основным объектом на начальном этапе его научных исследований были аграрные производственные отношения и формы собственности в сельском хозяйстве СССР, их взаимодействие с предприятиями государственной формы собственности и государственными органами экономического управления.

Со второй половины 90-х гг. XX в. и до 2009 г. включительно основной проблемой исследования становится развитие формирующейся российской социально ориентированной рыночной экономики, её хозяйственного механизма, прежде всего, национального рынка, его основных сегментов: товарного, наемных работников и капитала. В контексте характеристики факторов развития товарного рынка исследуются особенности ценообразования, объясняются причины высокой инфляции, выясняется зависимость темпов роста уровня и качества жизни населения от устойчиво-опережающего роста национального дохода.

Если содержание научного вклада Александра Петровича в развитие экономической теории активно обсуждается [8, 9], то исследования методологической платформы созданного им нового знания пока отсутствуют.

Целью данной статьи является исследование значения методологического принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в формировании Александром Петровичем Бычковым нового научно-экономического знания.

Её достижение потребовало решения следующих задач:

- обоснования значения методологического принципа диалектического единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в процессе формирования нового знания;
- реализация данного принципа в исследовании отношений собственности;

– реализация данного принципа в исследовании товарного производства и рынка;

– реализация данного принципа в исследовании воспроизводства национального дохода и экономического роста.

Исследование основано на изучении основных научных публикаций А.П. Бычкова по проблемам экономической теории [1–7]. Для оценки изменений содержания его вербальной модели социально-справедливой национально-государственной экономической системы использовались фундаментальные работы 1968 г. [7], 2002 г. [1], 2009 г. [3]. Особенность последних двух работ состоит в том, что они опубликованы в виде двух частей оригинального курса лекций по экономической теории для студентов специальности «экономическая теория», в которых наиболее полно реализован методологический принцип единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в формировании нового научно-экономического знания.

Обсуждение решаемых задач

Методология экономической теории – это множество образующих когнитивную систему исходных мировоззренческих, гносеологических, эвристических и инструментальных принципов, которыми руководствуется экономист при создании нового научно-экономического знания с минимальными затратами сил и времени.

Формирование и выделение методологии в особую подсистему научно-экономического знания произошло в период индустриального капитализма и стало стремительно развиваться на этапе доминирования транснационального капитала [10–13].

В современной экономической методологии существует несколько конкурирующих направлений, каждое из которых построено на сочетании общих и частных гносеологических принципов в зависимости от выбранного объекта исследования. Принцип единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов относится к группе общекогнитивных принципов.

Экономическая методология одновременно является частью общей методологии формирования научного знания и частью экономической теории как теория методов эффективной научной экономической деятельности, основная функция которой – обеспечение устойчивого взаимодействия между абстрактно-априорным и конкретно-праксиоматическим аспектами научно-экономического знания.

Кроме того, функциями экономической методологии являются:

– разработка когнитивных (гносеологических, эвристических, праксиоматических и инструментальных) принципов научного объяснения экономической реальности;

– разработка критериев достоверности получаемого нового экономического знания;

– разработка способов использования нового знания для изменения элементов, звеньев и институтов экономической реальности.

Выявление закономерностей формирования и реализации принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в исследованиях профессора А.П. Бычкова позволит приблизить решение проблемы создания нового достоверного теоретического и праксиоматического знания, чтобы ускорить процесс формирования социально ориентированной российской инновационно-рыночной экономики.

Методологической платформой исследований А.П. Бычкова являются принципы материалистической диалектики: признание существования объективных законов развития экономической формы жизнедеятельности геоантропного социума, реализующихся через субъектно-субъективную, носящую вероятностный характер деятельность конкретного экономического субъекта, группы субъектов, в которой существенные причинно-следственные связи реализуются через множество случайных процессов.

Основной принцип его методологической платформы остается неизменным на протяжении всей исследовательской деятельности: системная реализация прямых и обратных когнитивных связей между абстрактно-априорным и конкретно-праксиоматическим подходами при формировании нового экономического знания.

В зависимости от характера и масштаба объекта исследования один из подходов этого единства становится основным, а второй – взаимодополняющим. При этом связь «основной подход – взаимодополняющий подход» будет прямой, а связь «взаимодополняющий подход – основной подход» – обратной.

Абстрактно-априорный подход используется в качестве основного при исследовании общесистемных объектов, макросистем или их множеств, а конкретно-праксиоматический подход – в процессе производства нового экономического знания о состоянии реальной экономики, её подсистем, уровней, сторон и институтов в определенный период времени. Полученное новое знание о конкретных экономических процессах, субъектах, институтах включается в существующую систему абстрактно-априорного знания.

Новое конкретно-праксиоматическое знание анализируется для выявления характера связей неизвестных ранее процессов, состояний в предмете исследования. При анализе и обобщении выявленных новых фактов на основе процесса абстрагирования обобщенные факты трансформируются в новые или дополняют ранее созданные категории общей экономической теории. При этом обобщение на более высоком уровне абстрагирования происходит с использованием достоверной информации, взятой из результатов, полученных исследователями практико-ориентированных видов научно-экономического знания: экономики промышленности, экономики сельского хозяйства, экономики торговли, экономики финансов и экономик многих других видов общественно-трудовой деятельности.

Исходным мировоззренческим априорным постулатом экономических исследований Александра Петровича является утверждение о едином че-

ловеческом знании, которое отражает существующее единство мира природы и человеческого общества при всем их многообразии и противоречивости [1, с. 7]. Поэтому экономическая теория как составное звено науки о развитии призвана объяснить фундаментальные основы реального социально-экономического процесса воспроизводства материальных основ жизни людей в современном обществе [1, с. 5], предметом которой являются закономерности общественного воспроизводства социально-экономических условий жизни человеческого общества во взаимодействии со всеми сферами человеческой деятельности [1, с. 22], которые, в конечном счете, определяют и социальные условия жизни на каждом этапе развития человеческой истории [1, с. 24].

Исследуя феномен собственности, Александр Петрович определяет её как интегральную, общесистемную категорию экономической теории, в которой зафиксировано экономическое отношение между людьми, характеризующую определенную общественную форму присвоения условий воспроизводства производимых благ в данном обществе [1, с. 140]. Отношения собственности определяют их носителей – экономических субъектов общественного производства, которых он разделяет на «полных» и «частичных».

Под влиянием научно-технического и производственно-экономического прогресса доля «полных индивидуальных собственников сокращается при росте «частичных». К «частичным собственникам» Александр Петрович относит тех экономических субъектов, которые «распоряжаются лишь частью факторов производства и произведенной продукции. Такими экономическими субъектами являются совместные учредители фирм, акционерных компаний. Их статус частичного индивидуального собственника определяется долей в совместном капитале фирмы. Вместе с тем они «объединены воспроизводственным процессом в целостные коллективы фирм, акционерных компаний и других форм хозяйствования, через которые и реализуется их собственность в виде доходов [1, с. 143–144].

Таким образом, при определении общесистемной категории «собственность» он применяет принцип единства абстрактно-априорного и конкретно-практического подходов, используя для объяснения сущности данного объекта в качестве основного абстрактно-априорный подход, а при исследовании этого феномена в экономиках СССР и РФ – конкретно-практический.

Анализируя отношения собственности в российской экономике, Александр Петрович приходит к выводу, что их принципиальная тождественность с отношениями собственности в смешанной экономике реализуется с учетом национальных особенностей: 1) активного участия государства в формировании крупных акционерных компаний; 2) широкого распространения частных предприятий в розничной торговле; 3) создания общественных предприятий, представленных унитарными крупными государственными предприятиями, коллективными сельскохозяйственными предприятиями, народными предприятиями, когда все их работники являются акционерами с предельным числом акций в 2% [1, с. 147].

Системный анализ научного вклада Александра Петровича в развитие теории собственности на примере экономик СССР и РФ дан в статье [8].

Он доказывает, что доминирование отношений частно-государственной собственности является объективной основой становления российской социально ориентированной инновационно-рыночной экономики.

Существенное изменение в оценке Александром Петровичем значения частной формы собственности в работах постсоветского периода относительно работ периода 60–80-х гг. XX в. можно рассматривать как результат постоянного сопоставления содержания фундаментальных категорий экономической теории с реальными экономическими процессами, происходившими в национальных экономиках Западной Европы, США, СССР и РФ второй половины XX в., когда успешное развитие СССР в 1960–1970-х гг. стало основанием для формирования в качестве долгосрочной стратегической цели государственной политики создание материально-технической базы коммунизма к концу 1980 г., а коммунистического общества – в ближайшем будущем [14, с. 335]. В реальности вместо движения к достижению поставленной цели – распад СССР в начале 1990-х гг., образование российского федеративного государства с радикально трансформирующимися отношениями собственности.

Поэтому изменение прежней априорной оценки не только частной, но и государственной формы собственности произошло благодаря глубокому и устойчивому убеждению Александра Петровича в экзистенциальной природе методологического принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов при производстве нового научного знания. «Только отпавляясь от сущего в жизни, можно определять тенденции должного, а должное не должно подавлять сущее» [1, с. 5–6].

Он приходит к выводу, что «в современной (смешанной) экономике нет абсолютного господства частной или общественной форм собственности. Обе формы, сохраняясь в относительно чистом виде, в реальном процессе воспроизводства благ переплетаются, образуя взаимодействие “смеси” частных и общественных отношений собственности... “частная собственность становится все менее частной” (П. Самуэльсон). В этом смысле можно сказать и об общественной собственности, что она становится все менее общественной. Противопоставление одной формы собственности другой в теории преодолевается. Важно, чтобы реализация и частной и общественной собственности... служили благополучию человека и общества» [1, с. 144].

Исследуя проблему товарного производства и рынка, Александр Петрович в качестве исходного постулата берет реальный факт их многовекового существования в аграрном и промышленном глобальных способах производства. Для объяснения этого феномена используются две категории абстрактно-априорного подхода: общественный характер трудовой деятельности гео-антропного социума и процесс дифференциации видов этой деятельности по мере роста численности населения, степени его изобретательности, накопления производственных знаний, орудий и предметов

труда. «Многовековое развитие общественного разделения труда объективно ведет ко все большему усилению взаимосвязи и взаимозависимости в общественном производстве между производителями и потребителями материальных благ, обуславливая рост обмена результатами своей деятельности между людьми» [1, с. 77]. Второй категорией этого подхода является априорное утверждение о существовании экономически обособленных субъектов производства и потребления, «порождаемых отношениями собственности» [1, с. 78].

Анализируя реальный процесс развития товарного производства в пределах капиталистической экономики, Александр Петрович приходит к выводу, что «общество переходит на рельсы рыночной экономики. Товарное производство становится основной формой хозяйства» [1, с. 80].

Поскольку непрерывность товарного производства обеспечивается непрерывностью обмена товаров, то формой его организации становится рынок. Как экономическая категория рынок, по определению Александра Петровича, – это «совокупность экономических отношений между людьми в процессе обмена, совершаемых в форме купли-продажи» [1, с. 117], функции которого – координация структуры и видов товарного производства, выявление масштаба, структуры потребностей общества и создание возможности для их удовлетворения.

Рассматривая механизм функционирования рынка, Александр Петрович выделяет его основные элементы: цену, спрос и предложение, конкуренцию. «Совокупность этих элементов и их взаимодействие и определяют условия функционирования рынка...» [1, с. 120].

Основной функцией конкуренции как элемента рыночного механизма является регулирование (упорядочение) процессов конечного ценоформирования, структуры и объемов поставляемых на рынок товаров. Он дает ей категориальное определение как «свободной формы экономического состязания между производителями и потребителями за получение для себя наибольшего дохода (прибыли) от реализации материальных и денежных ресурсов» [1, с. 130].

Как конструктивная сила развития рыночной экономики конкуренция одновременно порождает деструктивные социально-экономические эффекты: безработицу, рост экономического неравенства между различными социальными группами населения и внутри них, активное применение нелегитимных и криминальных (недобросовестных) методов межсубъектного взаимодействия.

При этом отдельных реальных рынков совершенной и несовершенной конкуренции в экономике нет, «...их не было и нет» [1, с. 119].

Объективная потребность общества в том или ином товаре определяется на локальном рынке его ценой, формируемой в процессе конкуренции между продавцами при стабильном уровне спроса. На уровне национальной экономики цена товара определяется как средняя суммы цен данного товара на локальных рынках с учетом доли товара, продаваемого на каждом из них. В конечном счете, на величину цены влияет «весь процесс

воспроизводства, включая непосредственно производство товаров... а также вся совокупность социально-экономических условий жизни человека в данной стране» [1, с. 93].

Таким образом, конкретная величина цены определяется действием всех факторов товарного производства, каждый из которых ограничен действием остальных. «Каждый из факторов не абсолютен, а относителен в своем влиянии на уровень цены, и его значение в теоретическом анализе может быть выяснено лишь при так называемых “прочих равных условиях”. Однако в реальной жизни эти “прочие равные условия” скоротечны. Отсюда и сложность проблемы ценообразования, и относительность теоретических построений о цене – от классиков до современных концепций» [1, с. 96].

Александр Петрович доказал, что основная функция рынка – быть механизмом самоорганизации и саморегулирования товарного производства [1, с. 131].

Исследуя систему общенационального рынка, Александр Петрович наряду с его общими (генетическими) характеристиками определяет группу факторов, влияющих на формирование его национальных особенностей. К таким факторам он относит: 1) численность населения; 2) международную привлекательность национального рынка; 3) национальный режим внешнеэкономических отношений и государственную внешнеэкономическую политику; 4) структуру национального производства и степень международной открытости рынка; 5) достигнутый уровень реальной рыночной свободы продавцов и покупателей [3, с. 39–44]. При этом эффективность функционирования национального рынка находится в прямой зависимости от эффективности государственной антимонопольной политики.

Анализируя российский товарный рынок 90-х гг. XX в., Александр Петрович объясняет его кризисное состояние катастрофическим снижением производства промышленных и сельскохозяйственных товаров, приходом в связи с их отсутствием на рынке товаров зарубежных поставщиков, что подорвало финансовую устойчивость национальной экономики и стало одним из решающих факторов государственного денежного дефолта 1998 г. Более чем двукратное снижение в этот период денежных доходов населения привело к существенному сокращению рыночного товарного спроса при одновременном скачкообразном росте товарных цен. В 1996 г. относительно 1990 г. цены увеличились в 4 658 раз [3, с. 55].

Институт рынка не может быть единственным регулятором национальной экономики, поскольку его монополия в процессе саморегулирования становится фактором разрушения структуры социальных отношений национально-государственной системы, Он воспроизводит в расширенном масштабе социальное неравенство, не гарантирует безопасность неконкурентоспособным социальным группам населения, стимулирует процесс неограниченной концентрации капитала, не обеспечивает удовлетворения общенациональных потребностей в стабильности внешней природной среды и в рациональном использовании природных ресурсов, не удовлетворяет

ет общенациональной потребности в экономической, политической и оборонной внешней безопасности.

Поэтому национально-государственной экономической системе необходим интегральный общенациональный регулятор социально ориентированной рыночной экономики, обеспечивающей устойчивое расширенное воспроизводство её национального дохода через достижение соответствия его оборота в физической форме с оборотом в денежной форме (по рыночной цене) [1, с. 135].

При обсуждении проблем расширенного воспроизводства национально-продукта Александр Петрович основывается на принципах теории факторов экономического роста, которая построена на использовании абстрактно-априорного подхода в качестве основного. Как категория теории воспроизводства национального продукта экономический рост – «это необходимость увеличения реального ВВП в его количественном и качественном выражении в целях удовлетворения растущих потребностей населения в личном и производственном потреблении» [3, с. 6]. Он доказывает, что в экономическом росте как категории теории расширенного воспроизводства личностный фактор следует рассматривать основным (доминирующим), поскольку он «был и остается главным творцом экономического роста», а рост его качества «должен быть главной заботой государства и всех сфер социально-экономической жизни общества... Только в этом направлении экономический рост принимает социально-экономический характер и служит повышению уровня жизни населения» [3, с. 12]. Он считает, что реальной основой и источником устойчивого экономического роста является расширенное воспроизводство национального дохода [3, с. 21–38].

Дальнейшее обсуждение проблем расширенного воспроизводства национального дохода осуществляется с позиций конкретно-праксиоматического подхода на примере экономики РФ.

Расширенное воспроизводство национального дохода должно быть ориентировано на обеспечение инновационной направленности экономического развития. Соответственно необходим опережающий темп роста наукоемких производств при стабильных темпах развития природоресурсодобывающих предприятий. «Пока в стоимостном выражении 1/3 производимого ВВП России приходится на сырьевые отрасли. Необходимо существенное уменьшение их доли в структуре производства национального дохода. Нельзя превращать страну в сырьевой придаток развитых стран» [3, с. 57].

На внутринациональном рынке необходимо повысить долю российских товаров. «Россия имеет все возможности, чтобы на внутреннем рынке страны преобладала в основном продукция отечественного производства» [3, с. 57].

Для устойчивого роста национального дохода стратегическое значение имеет снижение темпов инфляции. Несмотря на существенный рост национального дохода в первом десятилетии XXI в., в экономике страны темпы инфляции остаются относительно высокими, сохраняется зависимость де-

нежной системы от доллара, от поставок наукоемких товаров из развитых стран, от цен на мировом энергетическом рынке.

Материальной основой расширенного воспроизводства национального дохода являются инвестиции. «Экономический рост происходит только тогда, когда валовые инвестиции превышают сумму амортизационных отчислений, т.е. когда в инвестициях присутствует вновь созданная стоимость» [2, с. 33].

Решающее значение имеет не только величина инвестиционных ресурсов, но и их аккумуляция на долгосрочном стратегическом направлении. Для российской экономики таким направлением является переход на интенсивный тип расширенного воспроизводства, т.е. на режим инновационного развития. Для чего необходимо: «сосредоточить средства консолидированного бюджета и прибыли всех отраслей на инвестициях инновационного развития экономики с соответствующей инфраструктурой и институтами управления этими процессами, создавать материальную и общественную мотивацию инновационной деятельности на всех стадиях воспроизводства» [3, с. 35]. Конечной целью «инновационного развития страны... должен стать творец всех инноваций – ЧЕЛОВЕК» [3, с. 35].

В контексте проблем расширенного воспроизводства национального дохода это означает осуществление максимально возможной его социализации через направление значительных материальных и финансовых ресурсов в отрасли гуманитарного комплекса и на рост реальных денежных доходов всех социально-статусных групп населения. Соответственно, одной из приоритетных целей национальной социальной политики должно стать устойчивое повышение денежных доходов населения через: «1) повышение удельного веса заработной платы в ВВП страны...; 2) введение нормативов почасовой заработной платы, которая в месячном исчислении должна обеспечивать работнику необходимый для достойной жизни заработок; 3) переход к принципу определения размера пенсии долей относительно заработной платы, полученной работником, как правило, за последние 3 года работы» [3, с. 58].

Таким образом, переход на интенсивный тип расширенного воспроизводства национального дохода обеспечивает устойчивое развитие национально-государственной социально ориентированной инновационно-рыночной экономики.

Результаты

Исходя из априорного мировоззренческого утверждения о едином человеческом знании, отражающем существующее единство мира природы и человеческого общества, основываясь на методологическом принципе единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиологического подходов, Александр Петрович приходит к выводу, что предметом экономической теории являются закономерности общественного воспроизводства социально-экономических условий жизни человеческого общества во вза-

имодействии со всеми сферами человеческой деятельности, определяющие, в конечном счете, условия жизни на каждом этапе его истории.

В теории собственности он объяснил экономическую сущность феномена «собственность» как экономического отношения между людьми по поводу формирования субъектов производственной деятельности. Если первичной формой организации экономических субъектов была индивидуальная собственность, то под влиянием развития производительных сил, роста размеров первичного производственного звена возникла потребность в соответствующих субъектных формах организации их использования. Ими становятся партнерства, акционерные фирмы, частно-государственные предприятия при сохранении исходной индивидуальной собственности. Александр Петрович доказывает, что их дальнейшее развитие будет определяться снижением доли «полных индивидуальных собственников», ростом доли «частичных собственников» с последующей их интеграцией, при которой одновременно происходит социализация частной формы собственности и индивидуализация государственной формы.

При исследовании отношений собственности в российской экономике в качестве основного подхода используется конкретно-праксиоматический, а в качестве взаимодополняющего – абстрактно-априорный, что позволило ему установить особенности российских отношений собственности: 1) доминирование в экономике частно-государственных корпораций; 2) интенсивное распространение частных предприятий в розничной торговле и в других видах сферы личных услуг; 3) доминирование предприятий государственной формы собственности в оборонном сегменте производства; 4) функционирование предприятий коллективной формы собственности в сельском хозяйстве, в примышленном производстве товаров личного потребления.

Объясняя генезис товарного производства и рынка, он приходит к выводу о существовании устойчивой тенденции развития рыночного характера национально-государственных экономических систем. Вместе с тем им названы и негативные эффекты спонтанного развития товарно-денежных отношений в условиях доминирования транснационального капитала: высокий темп концентрации производственных, финансовых ресурсов, национального богатства у небольшой по численности социальной группы, подрывающей механизм устойчивого развития в доминирующих национально-государственных системах и в мировой экономике, развитие нелегитимных и криминальных методов межсубъектного взаимодействия внутри национальной экономики и на межгосударственном уровне.

Разрушая структуру социальных отношений, современная транснациональная капиталистическая экономика не обеспечивает удовлетворения потребностей общества в стабильной природной среде, в рациональном использовании природных ресурсов, способствует росту национально-государственного эгоизма и межгосударственных экономических конфликтов.

В теории факторов экономического роста Александр Петрович обосновал особое значение личностного фактора, поскольку человек был и остается главным творцом экономического роста.

Исследование проблем расширенного воспроизводства национального дохода он проводил на основе доминирования конкретно-праксиоматического подхода. Это позволило доказать, что в социально ориентированной национальной рыночной экономике опережающими темпами должна развиваться подсистема «наукоемкое производство – высокие реальные доходы населения – отрасли воспроизводства человеческого капитала».

Экономическим исследованиям Александра Петровича свойственны социальный гуманизм и оптимизм.

Таким образом, реализуя методологический принцип единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в своих более чем 50-летних исследованиях, Александр Петрович Бычков создал новое социально полезное экономико-теоретическое знание, которое лично применил в сегменте российского производства человеческого капитала.

Заключение

Методология экономического научного исследования, являясь подсистемой общей методологии производства нового научного знания, основывается на её общесистемных принципах. Однако большинство из них, кроме принципов, отражающих законы когнитивно-логического мышления, модифицируются, имеют различную степень значимости в зависимости от характера объектов исследования.

Одним из таких базовых общенаучных принципов исследования является принцип единства научного знания и реальности как объекта этого знания. Однако степень единства, считающегося аксиомой у представителей технического знания, естествознания, становится проблемой для таких отраслей знания, как математика, теоретическая физика, философия. Противоречива оценка значения принципа единства и в среде современных экономистов-методологов.

Вся история развития экономической теории, начиная с периода первой индустриальной революции, и до настоящего времени, сопровождалась множеством дискуссий между реальными создателями новых экономических знаний и представителями экономической методологии. Дискуссии велись и ведутся по проблемам источника и механизма создания нового экономического знания: сама экономическая действительность или абстрактное представление экономиста-теоретика об этой реальности. Спор этот все еще далек от завершения. Ведется дискуссия и о функции экономической методологии: дающая «рецепты» экономисту-исследователю или только анализирующая и сопоставляющая методологию создателей нового экономического знания. При этом проблема о степени связи создаваемого нового знания с реальностью, о способах изучения экономистом потребностей реальности не обсуждается. Российский экономист-методолог И.А. Болдырев считает, что «понимание того, как реально устроена и функционирует современная экономическая наука во всей своей сложно-

сти, устранение информационных асимметрий, повышение теоретической культуры экономистов – вот те труднейшие задачи, которые экономическая методология сегодня стремится решить» [13, с. 19–20]. Таким образом, все актуальные проблемы экономической методологии оказываются в закрытом экономико-теоретическом пространстве.

Поэтому обсуждение значения центрального принципа общенаучной методологии – «единство теории и практики» в форме «единство абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов» как принципа экономической методологии необходимо продолжать.

Изучение опыта применения методологического принципа единства абстрактно-априорного и конкретно-праксиоматического подходов в научно-экономических исследованиях профессора А.П. Бычкова показывает, что созданное им на основе последовательной реализации этого принципа новое экономико-теоретическое знание способствует решению проблемы становления российской социально ориентированной инновационно-рыночной экономики.

Литература

1. *Бычков А.П.* Введение в экономическую теорию : курс лекций. Ч. 1: Общие основы теории экономического развития. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 156 с.
2. *Бычков А.П.* Реализация социалистической собственности в системе производственных отношений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 160 с.
3. *Бычков А.П.* Экономическая теория : курс лекций. Ч. II: Воспроизводство на уровне страны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 104 с.
4. *Бычков А.П.* Экономические основы дифференциальной ренты при социализме // Труды ВВПИ. 1956. Т. 11. С. 36–48.
5. *Бычков А.П.* Социалистическая система сельского хозяйства. Л. : ВВПИ, 1956. 64 с.
6. *Бычков А.П.* Колхозная собственность и перспективы её развития. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1962. 94 с.
7. *Бычков А.П.* Экономические связи колхозов с социалистическим государством и развитие отношений собственности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 472 с.
8. *Ложникова А.В., Хлопцов Д.М., Бычков А.Ю., Черняк М.Э., Андреева И.Е.* О научной школе «Собственность и экономические отношения» первого доктора экономических наук в г. Томске А.П. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 54. С. 319–330.
9. *Беляев В.И.* Институционализация социально-трудовых отношений в контексте взаимодействия производительных сил и производственных отношений: ориентация на расширенное воспроизводство рабочей силы, развитие и рост // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 37–57.
10. *Блауг М.* Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М. : НП журнала «Вопросы экономики», 2004. 416 с.
11. *Ананьин А.И.* Структура экономико-теоретического знания. М. : Наука, 2005. 244 с.
12. *Хаусман Д.М.* Введение в экономическую методологию // Философия экономики. М. : Институт Гайдара, 2012. С. 47–51.
13. *Болдырев И.А.* Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений. URL: www.docvilwer.yandex.ru/view/133611062 (дата обращения: 21.07.2021).

14. Программа КПСС-1961 // XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М. : Госполитиздат, 1962. С. 229–335.

Professor Aleksandr Bychkov's Methodology of Economic Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 6–20. DOI: 10.17223/19988648/56/1

Vladimir S. Tsitlenok, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladim.tsitlenok@yandex.ru

Keywords: methodology, principle, unity, approaches, abstract a priori, concrete praxiomatic, research, new knowledge.

In connection with the 100th anniversary of the birthday of Professor Aleksandr Bychkov, the honorary worker of the Higher School of the Russian Federation, rector of Tomsk State University, long-term head of the TSU Department of Economic Theory, a study was conducted on the role of the methodological principle of the unity of the abstract a priori and concrete praxiomatic approaches in the creation of new economic knowledge, which he carried out for more than 50 years. The study of the problem of implementing this methodological principle in Bychkov's works is based on the consistent solution of the following tasks: (1) substantiation of the significance of the methodological principle in the process of producing new scientific knowledge, (2) analysis of the implementation of this principle in Bychkov's works on theoretical and praxiomatic problems of property, commodity production, the market, reproduction of the gross national product, and factors of economic growth. Professor Bychkov constantly created new economic knowledge based on the entire set of principles of dialectical-materialistic cognition of objective reality, among which the necessity of continuous interaction of scientific and economic knowledge and its use by economic entities in their activities was fixed in the principle of the unity of the abstract a priori and concrete praxiomatic approaches. The dialectical unity of the two approaches is achieved through the interaction of two types of connections: direct and reverse. There is a direct relationship between the main and mutually complementary approaches, and a reverse relationship between the mutually complementary and main ones. Depending on the object of cognition, one of the approaches becomes the main one, and the second becomes the auxiliary one. In the study of macrosystem objects and their sets, the abstract a priori approach performs the function of the main one, while in the study of intra-system processes, structures, institutions, the concrete praxiomatic one. The use of the principle of the unity of the abstract a priori and concrete praxiomatic approaches allowed Professor Bychkov to create a new economic knowledge about the essence of property relations, commodity production, and the market, about the factors of economic growth, and at the same time to show their features in the economies of the USSR and RF in the period from 1950 till 2009.

References

1. Bychkov, A.P. (2002) *Vvedenie v ekonomicheskuyu teoriyu* [Introduction to Economic Theory]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bychkov, A.P. (1990) *Realizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti v sisteme proizvodstvennykh otnosheniy* [Realization of Socialist Property in the System of Industrial Relations]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Bychkov, A.P. (2009) *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Pt. II. Tomsk: Tomsk State University.
4. Bychkov, A.P. (1956) *Ekonomicheskie osnovy differentsial'noy renty pri sotsializme* [Economic foundations of differential rent under socialism]. *Trudy VVPI*. 11. pp. 36–48.
5. Bychkov, A.P. (1956) *Sotsialisticheskaya sistema sel'skogo khozyaystva* [Socialist System of Agriculture]. Leningrad: VVPI.

6. Bychkov, A.P. (1962) *Kolkhoznaya sobstvennost' i perspektivy ee razvitiya* [Kolkhoz Property and Prospects for Its Development]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Bychkov, A.P. (1968) *Ekonomicheskie svyazi kolkhozov s sotsialisticheskim gosudarstvom i razvitie otnosheniy sobstvennosti* [Economic Relations of Collective Farms with the Socialist State and the Development of Property Relations]. Tomsk: Tomsk State University.

8. Lozhnikova, A.V. et al. (2021) The Property and Economic Relations Scientific School of Aleksandr Bychkov, the First Doctor of Economics in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 54. pp. 319–330. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/54/19

9. Belyaev, V.I. (2021) Institutionalization of Social and Labor Relations in the Context of Interaction of Productive Forces and Relations of Production: Orientation on Expanded Reproduction of the Work Force, Development and Growth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 53. pp. 37–57. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/53/4

10. Blaug, M. (2004) *Metodologiya ekonomicheskoy nauki ili kak ekonomisty ob'yasnyayut* [Methodology of Economic Science or How Economists Explain]. Moscow: NP zhurnala “Voprosy ekonomiki”.

11. Anan'in, A.I. (2005) *Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya* [Structure of Economic and Theoretical Knowledge]. Moscow: Nauka.

12. Hausman, D.M. (ed.) (2012) *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of Economics]. Translated from English by N. Avtonomova et al. Moscow: Institut Gaydara. pp. 47–51.

13. Boldyrev, I.A. (2011) Ekonomicheskaya metodologiya segodnya: kratkiy obzor osnovnykh napravleniy [Economic methodology today: a brief overview of the main directions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii – Journal of the New Economic Association*. 9. pp. 47–70. [Online] Available from: www.docvilwer.yandex.ru/view/133611062 (Accessed: 21.07.2021).

14. 22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union. (1962) *XXII s'ezd KPSS. Stenograficheskiy otchet* [22nd Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. pp. 229–335.

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 332.02, 332.1

DOI: 10.17223/19988648/56/2

К.С. Гончарова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

В работе, основываясь на методах качественного ретроспективного и причинно-следственного анализа текстов научных статей, опубликованных по тематике исследования в реферативных базах данных публикаций отечественных и зарубежных учёных, установлено, что к настоящему времени неолиберальная концепция стала глобальной парадигмой универсального (экономического, социально-демографического, культурного, экологического и др.) развития большинства государств мира. При этом было определено, что одним из ключевых положений данной концепции является дерегулирование процесса распределения ресурсов (государственного невмешательства в экономику), что на практике, в процессе реализации государственной региональной политики, привело к повсеместному росту социально-экономической дифференциации территорий. Последнее, в свою очередь, вступает в противоречие с заявленными целями глобального (в документах ООН, Всемирного банка и других международных организаций) и регионального развития, предполагающих сокращение уровня неравенства между странами и внутри них. Исходя из результатов проведенного анализа, авторы исследования предполагают, что в настоящее время, в рамках господствующей неолиберальной парадигмы, решение приоритетов выравнивания социально-экономического пространства является спорным. Теоретическая значимость результатов выполненного исследования состоит в расширении теоретико-методологических представлений о процессе социально-экономической дифференциации территорий, рассматриваемой в аспекте реализуемой неолиберальной политики.

Ключевые слова: социально-экономическая дифференциация, фрагментация пространства, неолиберализм, неолиберальная политика, «тэтчеризм», «рейганомика», цели устойчивого развития

Введение

Как на глобальном (ЦУР ООН), так и региональном (государственные нормативно-правовые акты) уровнях одной из приоритетных целей социально-экономического развития является сокращение уровня дифференциации между странами и внутри них. Выполнение данной цели должно способствовать повышению качества экономического роста (путем более рав-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021–2023 гг.

номерного распределения его результатов между экономическими агентами), стабильности государственного развития (в том числе благодаря сплоченности общества), а также уровня жизни населения. Однако, как показывает практика, декларируемая цель, вследствие непрерывного роста дифференциации, находится в противоречии с глобальной парадигмой неолиберального развития, принятой в качестве модели государственного управления в большинстве стран мира. Ключевым положением последней является невмешательство государства в функционирование рынка, в том числе и условия распределения его результатов – основы неравенства.

Таким образом, *целью* настоящего исследования являлось раскрытие проблемы роста социально-экономической дифференциации локальных территорий в аспекте приоритезации на глобальном и региональном уровнях неолиберальной модели пространственного развития.

Основным *методом*, используемым в работе, являлся качественный ретроспективный и причинно-следственный анализ текстов научных статей, опубликованных по тематике исследования в реферативных базах данных, публикаций отечественных и зарубежных учёных (eLIBRARY, Scopus, Web of Science). Используемые методы позволили раскрыть основные закономерности и следствия развития рассматриваемых в работе процессов и явлений: с одной стороны, концепции неолиберализма, с другой – явления социально-экономической дифференциации территорий (в контексте рассматриваемой концепции).

Также *информационной базой* исследования выступали данные Федеральной службы государственной статистики, представленные в статистическом бюллетене «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» за 2007–2020 гг. (максимальный период, за который бюллетени выложены на сайте rosstat.gov.ru), содержащем сводную информацию о муниципальных образованиях, сформированных в субъектах Федерации в соответствии с ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

Результаты

В исторической ретроспективе становления неолиберализма, ставшего к настоящему времени доминирующей на глобальном уровне мировоззренческой парадигмой, можно выделить ряд этапов, представленных на рис. 1.

Первый этап, охватывающий первую половину XX в., характеризуется формированием *теоретико-методологических основ* неолиберализма. Так, принято считать, что основные принципы неолиберализма были обозначены в качестве реакции научного сообщества на кризисные явления в политике и экономике – Великой депрессии и надвигающейся Второй мировой войны [2], которые уже не могли быть объяснены и разрешены в рамках прежней теоретической парадигмы. При этом сам термин «неолиберализм» был введен в научный оборот в 1938 г. на «Коллоквиуме Липпмана»

по одной версии французским промышленником и экономистом Л. Марлио [3], по другой – немецким социологом и экономистом А. Рюстовым [4]. Коллоквиум был организован философом Л. Ружье на базе Международного института интеллектуального сотрудничества для обсуждения направлений обновления ключевых идей либерализма [3]. Тот факт, что коллоквиум проводился в Институте, созданном Комиссией международной интеллектуальной кооперации Лиги Наций (в 1926 г.) [5], преобразованном в 1945 г. в ЮНЕСКО [6], говорит о изначально глобальном подходе предлагаемой концепции.

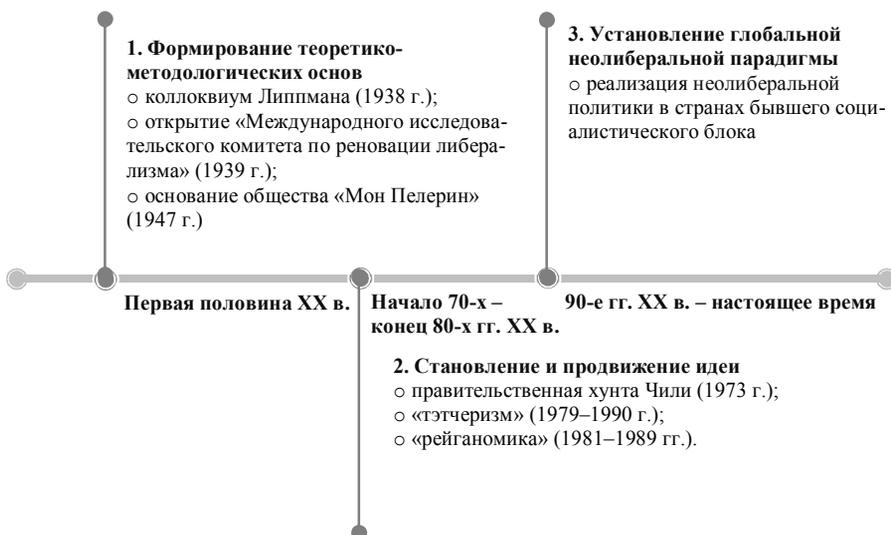

Рис. 1. Этапы формирования нелиберальной концепции развития

Помимо У. Липпмана, Л. Марлио, А. Рюстова, в коллоквиуме также приняли участие ведущие философы и экономисты Европы и Америки: Ф. фон Хайек (Австрия, Великобритания), В. Ойкен (Германия), В. Рёпке (Германия) [4], Л. фон Мизес (Австро-Венгрия, США), Р. Арон (Франция), Л. Ружье (Франция), Ж.Л. Рюэф (Франция) [7], Л. Боден (Франция) [8] и др. Результатами коллоквиума стали формулировка ключевых положений нелиберализма, а также открытие в июле 1939 г. «Международного исследовательского комитета по реновации либерализма» (CIRL) [8] и основание в апреле 1947 г. Ф. фон Хайеком общества «Мон Пелерин». В то же время, по замечанию А. Brennetot, до начала 1950-х гг. «неолиберализм» в основном оставался французским термином, используемым для обозначения авторов, связанных с этим движением» [3, с. 32].

Следующий заметный этап становления и продвижения концепции «неолиберализма» в литературе часто ограничивается периодом с начала 70-х по конец 80-х гг. XX в. [9, 10]. Он характеризуется началом *практической реализации нелиберальных идей в государственной политике отдельных стран мира*. В обозначенный период нелиберальная политика

пришла на смену социальному интернационализму и концепции государства всеобщего благосостояния [11].

Данный этап связан, с одной стороны, с возникшими в 1970–1980-х гг. кризисами (нефтяного кризиса (1973 г.) и отказом от Бреттон-Вудского соглашения (1971–1978 гг.)), с другой – началом практического внедрения сформулированных ранее теоретико-методологических положений неолиберализма в реализуемую социально-экономическую политику стран – Чили (Правительственная хунта Чили, 1973–1990 гг.), Великобритании («тэтчеризм», 1979–1990 гг.), США («рейганомика», 1981–1989 гг.). В более умеренном виде (в отличие от Великобритании и США) неолиберальная социально-экономическая политика также была проведена в Канаде, Новой Зеландии, Германии, Нидерландах, Франции, Италии и Швеции [12]. Помимо названных развитых капиталистических стран, идеи неолиберального государственного управления активно внедрялись и в странах третьего мира. Как отметил в своём исследовании N. Brenner, «после долгового кризиса начала 1980-х годов неолиберальные программы реструктуризации были распространены во всем мире благодаря усилиям США и других государств “большой семерки” по подчинению периферийных и полупериферальных государств дисциплине рынков капитала. Бреттон-Вудские учреждения, такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) – Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), впоследствии были преобразованы в агентов транснационального неолиберализма и были мобилизованы для институционализации этого расширения рыночных сил и коммерциализации в третьем мире посредством различных программ структурной перестройки и жесткой бюджетной экономии» [12, р. 350].

Третий этап, начавшийся в 90-х гг. XX в. и действующий по настоящее время, характеризуется *установлением глобальной неолиберальной парадигмы*. Этап связан с распадом СССР и активным внедрением неолиберальной политики в странах бывшего социалистического блока («План Бальцеровича» в Польше (1990 г.), приватизация государственных и муниципальных предприятий РСФСР (1991 г.), либеральные реформы РСФСР (1992 г.) и т.д.).

Таким образом, на протяжении всего XX в. неолиберальная концепция активно эволюционировала от абстрактно-утопической идеи, представляющей альтернативу кейнсианству, до глобальной системы социально-экономического развития большинства государств мира. В настоящее время неолиберализм в различной степени и формах преобладает в стратегических программах действий национальных правительств и международных организаций. Более того, современный неолиберальный подход охватывает также сферы права [13, 14], культуры [15, 16], образования [17] и пр.

Рассмотрим основные *положения неолиберальной парадигмы*. Первоначально они касались, с одной стороны, финансово-экономического дерегулирования [18] при активной государственной поддержке и защите конкуренции [4, 12, 19], с другой – масштабной приватизации государственной и муници-

пальной собственности [10], и, как следствие, отказа государства от прямого предоставления значительной части социальных услуг (полная передача услуги или передача услуги на аутсорсинг) [11, 20]. Со временем указанные положения трансформировались и расширились, приоритезируя финансовую сферу над экономической (т.е. уход от экономической модели развития, основанной на производстве, к инвестиционно-спекулятивной модели) [18]; интересы крупных компаний над общественными [21]; прибыль как оценку деятельности всех сфер жизни общества: политической, экономической, социальной и духовной [12, 21].

К настоящему времени исследователи выделяют следующие последствия реализации обозначенных выше положений нелиберализма (рис. 2).

Во-первых, формирование глобальной вертикально ориентированной идеологии национального развития отдельных государств (следствие активной поддержки ценностей и идей нелиберальной концепции международными организациями и руководством транснациональных корпораций) [3, 10] при сохранении и дальнейшем усилении полицентрических тенденций в системе международных отношений [12].

Во-вторых, постепенное изменение, включая *сокращение функций государства*. В настоящее время данный аспект уже затронул организационную, социальную и охранную функции (в различных государствах в разной степени) [11].

В-третьих, коммерциализация всех сфер жизнедеятельности общества [12, 18], в том числе и дегуманизация человеческой деятельности, её сведение к материально-производственным возможностям конкурирующего между собой человеческого капитала. В данном аспекте W. Brown замечает, что «все участники рынка превращаются в небольшие капиталы (а не в собственников, работников и потребителей), конкурирующие друг с другом» [21, р. 36]. В свою очередь, из-за необходимости постоянной оценки конкурирующих между собой объектов и структур образовалась тотальная ориентация на показатели (подмена онтологического гносеологическим) [3, 21].

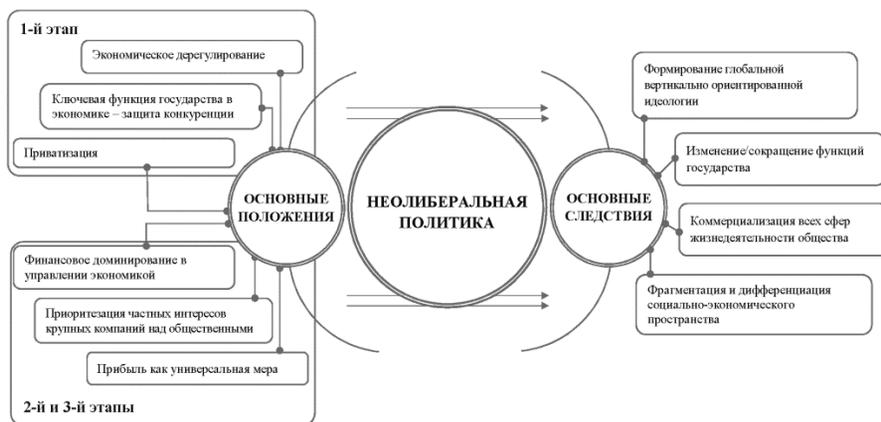

Рис. 2. Основные положения и следствия нелиберальной политики

В-четвертых, вместе с процессами глобализации и повсеместной конкуренции усиливаются антагонистические процессы фрагментации социально-экономического пространства. Это касается населения в целом [22], политических партий [19], городов [18] и т.д. Причиной указанных процессов являются, с одной стороны, увеличение форм и количества самоорганизованных локальных обществ и рост зависимости от них индивидов и их групп, с другой – прогрессирующий рост дифференциации [23, 24]. Согласно докладу о мировом неравенстве, подготовленному международной лабораторией неравенства (world inequality lab), «в 2016 году доля национального дохода, приходящаяся на 10% лиц с самыми высокими заработками (верхняя дециль по уровню доходов), составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде и около 55% в Африке южнее Сахары, Бразилии и Индии. На Ближнем Востоке, являющемся, по нашим оценкам, регионом с самым высоким уровнем неравенства, верхняя дециль получала 61% национального дохода» [25]. В докладе отмечается, что в большинстве стран мира рост дифференциации населения по уровню доходов начался в 80-х гг. XX в. – в период практической реализации неолиберальных идей в социально-экономической политике отдельных государств. Следует заметить, что оба процесса – самоорганизации и дифференциации – находятся во взаимосвязи, а их следствием является рост социального напряжения и уязвимости населения [3, 10, 24]. Как замечает в данном аспекте J. McGuigan, комментируя работу М. Фуко «Рождение биополитики», «неолиберализм не ограничивается экономикой и государственной политикой в общепринятом смысле, но он представляет собой схему социального переустройства и дизайн для изменения поведения личности» [26, р. 7].

Вообще в социально-гуманитарных исследованиях проблема фрагментации социально-экономического пространства в последнее время стала одной из центральных. При этом особое внимание уделяется локальным территориям как основополагающей форме самоорганизации населения.

В большинстве работ, исследующих обозначенную проблему в аспекте неолиберального подхода (исследования W. Brown [21], S. Musterd и W. Ostendorf [9], P. Smets и T. Salman [27] и других авторов), *под пространственной фрагментацией понимается* процесс возрастающей дифференциации социально-экономического развития внутри территории или между их группами, возникшими вследствие реализуемой на федеральном уровне политики сокращения, полного прекращения или перенаправления в отдельные типы поселений (например, приоритезация развития городских поселений перед сельскими) государственных расходов и услуг. Одним из ключевых следствий пространственной фрагментации МО является стимулирование развития процессов их конкуренции за необходимые для выживания ресурсы (включая и нематериальные, например, трудовые). Отметим, что указанное следствие имеет решающее значение в анализе сущности явления «локальная территория» (административно-территориальное образование), которая в результате развития неолиберальной идеологии становится хозяйствующим субъектом и товаром [18, 26, 28].

Следует заметить, что дифференциация между локальными территориями рассматривается в литературе, в основном, в контексте классической дихотомии различий уровней жизни в городских и сельских поселениях [9, 29], а исследования дифференциации внутри них направлены на анализ степени раздробленности пространства, чаще городского, достигающей в настоящее время отдельных жилых комплексов («gated community») [27].

В первом случае (межтерриториальной дифференциации), анализируя реализуемую политику, учёные указывают на приоритизацию городского развития в ущерб развитию сельских территорий, в данном аспекте N. Brenner и N. Theodore говорят о процессе *урбанизации неолиберализма* (the Urbanization of Neoliberalism) [12]. При этом ключевое значение в последнем придаётся региональной социально-экономической политике, направленной на создание и активную поддержку развития агломераций – одного из важнейших элементов неолиберальной системы. Так, например, в России необходимость решения подобной задачи неоднократно ставилась на уровне высших органов государственной власти (предложения о создании «*полосов модернизации*» (высказаны Президентом Д.А. Медведевым [30]), «*точек роста*», концепции «*агрессивного развития инфраструктуры*» (заместителя Председателя Правительства М.Ш. Хуснуллина [31, 32]), приоритетной поддержке 20 городов (председателя Счётной палаты А.Л. Кудрина [33]), новых городов в Сибири (министра обороны С.Х. Шойгу [34]), а также закреплена в нормативно-правовых актах [35–37].

При этом следует отметить, что одним из следствий обозначенной пространственной политики стало перманентное сокращение сельских территорий. С 2010 г. удельный вес последних в общем объеме муниципальных образований сократился на 1,3%. В наибольшей степени это коснулось регионов Северо-Западного и Центрального федеральных округов ((–) 7,2 % и (–) 3,4 % соответственно) [1]. В то же время за рассматриваемый период удельный вес городских округов в МО увеличился: в среднем по России – на 0,9 % (в СЗФО – 1,8 %, ЦФО – 1,6 %, ПФО – 0,8 %, СКФО – 0,7 %, УрФО – 0,6 %, СФО – 0,4 %, ЮФО – 0,4 %; только в ДВФО удельный вес городских округов сократился на 0,05 %) [1].

Аналогичные результаты (нарастающей урбанизации) реализуемой неолиберальной политики получены и в других странах мира – Украине, Японии, Мексике, Чили [38–41].

Во втором случае авторы акцентируют внимание на том, что дифференциация внутри территориальных образований объясняется не только и не столько объективной необходимостью обеспечения безопасности (путём создания закрытых домовых территорий), сколько фактическими различиями в уровнях доходов групп населения (и, соответственно, различиями между возможностями оплаты жилищно-коммунальных услуг). Так, по замечанию P. Smets, «увеличение числа закрытых сообществ может быть объяснено растущей важностью частной собственности на жилье, растущей социокультурной дифференциацией и переносом ответственности правительства на более низкие и более высокие уровни городского

управления, а также на полугосударственных и частных субъектов и субъектов гражданского общества» [23, р. 3]. Результатом указанного процесса являются: социально-культурная сегрегация населения и его анкловизация [10, 23, 27, 42]; углубление проблемы диспропорциональности городского развития, заключающейся, с одной стороны, в уходе от городского планирования, ориентированного на открытость и взаимодействие сообществ, с другой – в росте спекулятивных мероприятий в сферах градостроительства и землепользования [12, 18].

Также в рамках исследований внутритерриториальной социально-экономической дифференциации осуществляется анализ участия граждан в бюджетном процессе локальных территорий – партиципаторного (инициативного) бюджетирования. Принято считать, что данная практика впервые была реализована в конце 80-х гг. XX в. в Бразилии, в муниципалитетах Санту-Андре (штат Сан-Паулу) и Ипатинга (штат Минас-Жерайс), а также городах Порту-Алегри, Сантус, Пирасикаба и Жуан-Монлевади [43]. Несмотря на то, что положительных результатов в Бразилии удалось добиться только в одном городе – Порту-Алегри, в конце 90-х гг. XX в. на Конференции по населенным пунктам (Хабитат II), организованной ООН, данная практика получила международное признание [44] с рекомендацией её широкого распространения в других странах, в том числе при помощи средств Всемирного банка [45]. В опубликованной в 1997 г. работе советника по городскому финансированию Центра ООН по населенным пунктам К.-Х. Кима [46] указывались следующие ключевые преимущества внедрения данной практики: активизация процесса привлечения частного бизнеса в управление городским хозяйством; децентрализация и сокращение бюджетных расходов центрального правительства; мобилизация дополнительных средств (домохозяйств) в сферу жилищно-коммунального хозяйства; эффективное, справедливое и оперативное предоставление жилищно-коммунальных услуг, исходя из финансовых возможностей граждан [47]. Всё перечисленное в работе К.-Х. Кима вполне соответствует основным положениям неолиберальной модели успешного развития территории, соответственно, в аспекте практики партиципаторного бюджетирования уровень дифференциации территорий также обуславливается различиями в финансовых возможностях их жителей выделять дополнительные (сверх уплачиваемых налогов) средства на поддержание и развитие объектов инфраструктуры.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, неолиберальная концепция была предложена как альтернатива кейнсианскому подходу к решению глобальных социально-экономических и политических кризисов первой половины XX в. Несмотря на то, что её основные положения были сформулированы в рамках Французской классической либеральной школы, её основное развитие в середине XX в. связано, прежде всего, с австрийской (Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек) и западногерманской (В. Ойкен, В. Рёпке, А. Рюстов) шко-

лами. Начиная со второй половины XX в. ключевые теоретические положения концепции стали реализовываться на практике первоначально в странах Запада и третьего мира, затем, после распада СССР, – в странах бывшего социалистического блока. К настоящему времени неолиберальную парадигму можно обозначить как глобальную, так как её основные положения реализуются в социально-экономической политике большинства государств мира.

Во-вторых, в результате практической реализации основных положений неолиберализма парадигма пространственного развития территорий была преобразована, как на глобальном, так и локальном уровнях. В первом случае она заключалась в формировании глобальной вертикально ориентированной идеологии национального развития отдельных государств (в виде деятельности международных организаций и транснациональных корпораций), во втором – в процессе фрагментации социально-экономического пространства внутри стран (вплоть до локальных территорий).

В-третьих, реализуемая государственная неолиберальная политика, заключающаяся в максимизации полномочий органов местного самоуправления по фактическому жизнеобеспечению и развитию локальных территорий без обеспечения соответствующего данным задачам финансирования, привела в большинстве стран мира к деградации и исчезновению части городов и еще большего количества сельских поселений. Однако часть территорий (в основном, агломеративного типа) получила дополнительные ресурсы для своего развития (миграционный приток из соседних поселений, связанное с этим развитие инфраструктуры и привлечение средств из федерального бюджета и т.д.).

В-четвертых, одним из наиболее опасных последствий неолиберальной пространственной политики, заключающейся, помимо прочего, в дерегулировании процесса распределения ресурсов, является рост социально-экономической дифференциации территорий и стран. Несмотря на то, что решение данной проблемы (усиления степени дифференциации) заявлено как один из приоритетов глобального развития, в рамках неолиберальной парадигмы, на наш взгляд, его реализация представляется весьма сомнительной.

Литература

1. *Формирование* местного самоуправления в Российской Федерации. Электронная версия статистического бюллетеня. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (дата обращения: 14.09.2021).
2. Lynch C.R. «Vote with your feet»: Neoliberalism, the democratic nation-state, and utopian enclave libertarianism // *Political Geography*. 2017. Vol. 59. P. 82–91. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.03.005>
3. Brennetot A. The geographical and ethical origins of neoliberalism: The Walter Lippmann Colloquium and the foundations of a new geopolitical order // *Political Geography*. 2015. Vol. 49. P. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2015.06.007>
4. Невский С.И. Политика порядка для послевоенной экономики: немецкая экономическая наука и теория ордолиберализма в 1939–1945 гг. // *Terra Economicus*. 2021. № 19 (2). P. 58–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-58-76

5. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. СССР и Международный институт интеллектуального сотрудничества. К вопросу о становлении многостороннего культурного взаимодействия (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) // Клио. 2013. № 6 (78). С. 108–111.

6. ЮНЕСКО. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171012/1506718911.html> (дата обращения: 09.09.2021).

7. Jennings J. Beacon of Liberty Amid Depression. Standpoint. 2009. URL: <https://standpointmag.co.uk/beacon-of-liberty-amid-depression-february-09-jeremy-jennings-liberalism-paris/> (дата обращения: 09.09.2021).

8. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 446 с.

9. Sako M., Ostendorf W. Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion / ed. by Yuri Kazepov. P. 342. DOI: 10.1002/9780470694046.CH8

10. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронюв. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 180.

11. Wendy L., McLean H. Neoliberalism, Urban. International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition) / ed. Audrey Kobayashi. Elsevier, 2020. P. 359–364. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10675-4>

12. Brenner N., Theodore N. Cities and the Geographies of “Actually Existing Neoliberalism” // Antipode. Project: Neoliberal Urbanism. 2002. Vol. 34 (3). P. 349–379. DOI: 10.1111/1467-8330.00246

13. Дзуриндин И. Гуманитарная интервенция – инструмент неолиберализма и глобализма // Обозреватель – Observer. 2009. № 2(229). С. 84–94.

14. Овчинников А.И. Новеллы ювенальной юстиции в контексте идеологии глобализма и неолиберализма // Юридический мир. 2011. № 2. С. 26–30.

15. Ильин А.Н. Потребительская культура и неолиберализм // Свободная мысль. 2020. № 6 (1684). С. 125–138.

16. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Неолиберализм как дегуманистическая идеология // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2021. № 1-2 (39). С. 38–45.

17. Романов П.С. Высшее образование и академические библиотеки США в переходный период неолиберализма // Инновационные технологии в современном образовании : сборник материалов VII Международной научно-практической интернет-конференции. Королев, 12 декабря 2019 года. Королев : Общество с ограниченной ответственностью «Научный консультант», 2019. С. 433–437.

18. MacLaran A., Kelly S. Neoliberalism: The Rise of a Bad Idea // Neoliberal Urban Policy and the Transformation of the City. London : Palgrave Macmillan, 2014. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137377050_1

19. Kashwan P., MacLean L.M., García-López G. A. Rethinking power and institutions in the shadows of neoliberalism: (An introduction to a special issue of World Development) // World Development. 2019. Vol. 120. P. 133–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.026>

20. Cahill D. «Actually existing neoliberalism» and the global economic crisis // Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work. 2010. Vol. 20, is. 3. Pp. 298–316. DOI: 10.1080/10301763.2010.10669405

21. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism’s Stealth Revolution. Cambridge, Massachusetts. London : Zone Books, 2015. DOI: 10.2307/j.ctt17kk9p8

22. Adduci M. Neo-Liberalism, Mining and Labour in the Indian State of Odisha: Outlining a Political Economy Analysis // Journal of Contemporary Asia. 2017. DOI: 10.1080/00472336.2016.1277252

23. *Peer S.* Gated «communities» – their lifestyle versus urban governance // 45th Congress of the European Regional Science Association: «Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society». 23–27 August 2005. Amsterdam. The Netherlands, European Regional Science Association (ERSA). Louvain-la-Neuve.

24. *Jessop B.* Liberalism, neoliberalism and urban governance: a state-theoretical perspective // *Antipode*. 2002. Vol. 34 (3). P. 452–472. DOI: 10.1111/1467-8330.00250

25. *Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G.* Доклад о неравенстве в мире. Основные положения. 2018. С. 5. URL: <https://wir2018.wid.world/> (дата обращения: 19.09.2021).

26. *McGuigan J.* The Neoliberal Self // *Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research*. Capitalism: Current Crisis and Cultural Critique. 2014. Vol. 6, is. 1. P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.3384/cu.2000.1525.146223>

27. *Peer S., Salman T.* Countering Urban Segregation: Theoretical and Policy Innovations from around the Globe // *Urban Studies*. 2008. Vol. 45, is. 7. P. 1307–1332. DOI: <http://www.jstor.org/stable/43197827>

28. *Bislev S.* Globalization, State Transformation, and Public Security // *International Political Science Review // Revue internationale de science politique*. Vol. 25, № 3: The Nation-State and Globalization: Changing Roles and Functions. Les États nationset la globalisation: Roles et fonctions en mutation. 2004. P. 281–296. DOI: <https://www.jstor.org/stable/1601668>

29. *Spoor M.* From Interventionism to Neo-Liberalism. 1995. DOI: 10.1007/978-1-349-23864-4_8

30. *Заседание* президиума Государственного совета «О повышении роли регионов в модернизации экономики России». 11 ноября 2011 года. Хабаровск. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/13477/work> (дата обращения: 20.09.2021).

31. *Хуснуллин* посчитал избыточным число регионов в России // РБК. 27.04.2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/04/2021/60880a649a7947f20699662> (дата обращения: 20.09.2021).

32. *В правительстве* планируют потратить на «агрессивное развитие инфраструктуры» около 22 трлн рублей за 9 лет. 26.04.2021. Forbes Media. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/427779-v-pravitelstve-planiruet-potratit-na-agressivnoe-razvitie-infrastruktury> (дата обращения: 20.09.2021).

33. *Кудрин:* России необходимо создать 20 крупнейших агломераций // ТАСС. ПМЭФ. 2.06.2021 г. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (дата обращения: 20.09.2021).

34. *Сергей Шойгу* – о новых городах в Сибири // РБК. 6.09.2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (дата обращения: 20.09.2021).

35. *Указ* Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289> (дата обращения: 20.09.2021).

36. *Распоряжение* Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/all/120647/> (дата обращения: 20.09.2021).

37. *Проект* Федерального закона «О городских агломерациях» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 01/05/09-20/00107906) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.09.2020). URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_razrabotalo_paket_zakonoproektov_o_razviti_i_gorodskih_aglomeraciy_i_mezhmunicipalnogo_sotrudnichestva.html (дата обращения: 20.09.2021).

38. *Наролина Ю.В.* Социально-экономическое положение и тенденции развития сельских территорий Воронежской области // *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 4 (43). С. 61–67.

39. Hisano S., Akitsu M., McGreevy S. R. Revitalising rurality under the neoliberal transformation of agriculture: Experiences of re-agrarianisation in Japan // *Journal of Rural Studies*. 2018. Vol. 61. P. 290–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2018.01.013>

40. Peña-Azcona I., García-Barríos R., García-Barríos L., Ortega-Argueta A., Elizondo C. The unruly complexity of conservation arrangements with Mexican rural communities: Who really funds the game? // *Journal of Rural Studies*. 2021. Vol. 87. P. 112–123. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.08.027>

41. Torres R., Azócar G., Rojas J., Montecinos A., Paredes P. Vulnerability and resistance to neoliberal environmental changes: an assessment of agriculture and forestry in the Biobio region of Chile (1974–2014) // *Geoforum*. 2015. Vol. 60. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.12.013>

42. Lesutis G. Spaces of extraction and suffering: Neoliberal enclave and dispossession in Tete, Mozambique // *Geoforum*. 2019. Vol. 102. P. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2019.04.002>

43. Abers R. From Ideas to Practice. The Partido dos Trabalhadores and Participatory Governance in Brazil // *Latin American perspectives*. 1996. Is. 91, vol. 23, № 4. P. 35–53.

44. 25 вопросов об инициативном бюджетировании : учеб. пособие / В.В. Вагин, Е.А. Тимохина и соавт. М., 2017. 46 с.

45. Предварительный доклад Конференции Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ХАБИТАТ II). Стамбул, 3–4 июня 1996 г. С. 218. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.165/14> (дата обращения: 08.09.2020).

46. The United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development. HABITAT III. 17–20 October 2016. Speakers. Kyung Hwan Kim. URL: <http://habitat3.org/the-conference/programme/speakers/kyung-hwan-kim/> (дата обращения: 09.09.2020).

47. Kim K.-H. Improving local government finance in a changing environment // *Habitat International*. 1997. Vol. 21, is. 1. P. 17–28. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0197-3975\(96\)00037-9](https://doi.org/10.1016/S0197-3975(96)00037-9)

The Problem of Socioeconomic Differentiation of Space in the Aspect of Regional Neoliberal Policy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 21–36. DOI: 10.17223/19988648/56/2

Kseniya S. Goncharova, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Keywords: socioeconomic differentiation, fragmentation of space, neoliberalism, neoliberal politics, Thatcherism, Reaganomics, sustainable development goals.

The article was prepared within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

Based on the methods of qualitative retrospective and cause-and-effect analysis of the texts of scientific articles on the research topic published in the abstract databases of domestic and foreign researchers' publications, the author infers that by now the neoliberal concept has become a global paradigm of the universal (economic, socio-demographic, cultural, ecological, etc.) development of most states of the world. The author determines that one of the key provisions of this concept is the deregulation of the resource allocation process (state non-interference in the economy), which in practice, in the process of implementing the state regional policy, led to a widespread increase in the socioeconomic differentiation of territories. The latter, in turn, contradicts the declared goals of global (in the documents of the UN, the World Bank, and other international organizations) and regional development: these goals imply a reduction in the level of inequality between countries and within them. Based on the results of the analysis, the author of the study suggests that today, within the framework of the

dominant neoliberal paradigm, the decision on the priorities of the leveling of the socioeconomic space is controversial. The theoretical significance of the results of the research lies in the expansion of theoretical and methodological ideas about the process of socioeconomic differentiation of territories considered in the aspect of the implemented neoliberal policy.

References

1. Rosstat.ru. (2020) *Formirovanie mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Formation of local self-government in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (Accessed: 14.09.2021).
2. Lynch, C.R. (2017) "Vote with your feet": Neoliberalism, the democratic nation-state, and utopian enclave libertarianism. *Political Geography*. 59. pp. 82–91. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.03.005
3. Brennetot, A. (2015) The geographical and ethical origins of neoliberalism: The Walter Lippmann Colloquium and the foundations of a new geopolitical order. *Political Geography*. 49. pp. 30–39. DOI: 10.1016/j.polgeo.2015.06.007
4. Nevskiy, S.I. (2021) Order policy for the post-war economy: German economic science and the theory of Ordoliberalism in 1939–1945. *Terra Economicus*. 19 (2). pp. 58–76. (In Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-58-76
5. Bogolyubova, N.M. & Nikolaeva, Yu.V. (2013) SSSR i Mezhdunarodnyy institut intellektual'nogo sotrudnichestva. K voprosu o stanovlenii mnogostoronnego kul'turnogo vzaimodeystviya (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) [USSR and the International Institute for Intellectual Cooperation. On the issue of the formation of multilateral cultural interaction (based on the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation)]. *Klio – Clio*. 6 (78). pp. 108–111.
6. RIA Novosti. (2017) *UNESCO*. [Online] Available from: <https://ria.ru/20171012/1506718911.html> (Accessed: 09.09.2021). (In Russian).
7. Jennings, J. (2009) Beacon of Liberty Amid Depression. *Standpoint*. [Online] Available from: <https://standpointmag.co.uk/beacon-of-liberty-amid-depression-february-09-jeremy-jennings-liberalism-paris/> (Accessed: 09.09.2021).
8. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.
9. Musterd, S. & Ostendorf, W. (2005) Social Exclusion, Segregation, and Neighborhood Effects. In: Kazepov, Yu. (ed.) *Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion*. Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9780470694046.CH8
10. Kaldor, M. (2015) *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [Kaldor M. New and old wars: organized violence in a global era]. Translated from English by A. Appolonov, M. Dondukovskiy. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
11. Wendy, L. & McLean, H. (2020) Neoliberalism, Urban. In: Kobayashi, A. (ed.) *International Encyclopedia of Human Geography*. Second Edition. Elsevier. pp. 359–364. DOI: 10.1016/B978-0-08-102295-5.10675-4
12. Brenner, N. & Theodore, N. (2002) Cities and the Geographies of "Actually Existing Neoliberalism". *Antipode*. 34 (3). pp. 349–379. DOI: 10.1111/1467-8330.00246
13. Dzurindin, I. (2009) Gumanitarnaya intervensiya – instrument neoliberalizma i globalizma [Humanitarian intervention: an instrument of neoliberalism and globalism]. *Obozrevatel' – Observer*. 2 (229). pp. 84–94.
14. Ovchinnikov, A.I. (2011) Novelly yuvenal'noy yustitsii v kontekste ideologii globalizma i neoliberalizma [Novels of juvenile justice in the context of the ideology of globalism and neoliberalism]. *Yuridicheskii mir*. 2. pp. 26–30.
15. Il'in, A.N. (2020) Potrebitel'skaya kul'tura i neoliberalizm [Consumer culture and neoliberalism]. *Svobodnaya mysl'*. 6 (1684). pp. 125–138.

16. Polomoshnov, A.F. & Polomoshnov, P.A. (2021) Neoliberalizm kak degumanisticheskaya ideologiya [Neoliberalism as a dehumanistic ideology]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1–2 (39). pp. 38–45.

17. Romanov, P.S. (2019) [Higher education and academic libraries in the United States in the transitional period of neoliberalism]. *Innovatsionnye tekhnologii v sovremenom obrazovanii* [Innovative technologies in modern education]. Proceedings of the VII International Internet Conference. Korolev. 12 December 2019. Korolev: Nauchnyy konsul'tant. pp. 433–437. (In Russian).

18. MacLaran, A. & Kelly, S. (2014) Neoliberalism: The Rise of a Bad Idea. In: MacLaran, A. & Kelly, S. (eds) *Neoliberal Urban Policy and the Transformation of the City: Reshaping Dublin*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137377050_1

19. Kashwan, P., MacLean, L.M. & García-López, G. A. (2019) Rethinking power and institutions in the shadows of neoliberalism: (An introduction to a special issue of World Development). *World Development*. 120. pp. 133–146. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.05.026

20. Cahill, D. (2010) “Actually existing neoliberalism” and the global economic crisis. *Labour & Industry*. 20 (3). pp. 298–316. DOI: 10.1080/10301763.2010.10669405

21. Brown, W. (2015) *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. Cambridge, Massachusetts; London: Zone Books. DOI: 10.2307/j.ctt17kk9p8

22. Adduci, M. (2017) Neo-Liberalism, Mining and Labour in the Indian State of Odisha: Outlining a Political Economy Analysis. *Journal of Contemporary Asia*. DOI: 10.1080/00472336.2016.1277252

23. Peer, S. (2005) Gated “communities” – their lifestyle versus urban governance. *45th Congress of the European Regional Science Association: Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society*. Amsterdam, the Netherlands. 23–27 August. Louvain-la-Neuve: European Regional Science Association (ERSA).

24. Jessop, B. (2002) Liberalism, neoliberalism and urban governance: a state-theoretical perspective. *Antipode*. 34 (3). pp. 452–472. DOI: 10.1111/1467-8330.00250

25. Alvaredo, F. et al. (2018) *Doklad o neravenstve v mire. Osnovnye položeniya* [World Inequality Report. Basic provisions]. [Online] Available from: <https://wir2018.wid.world/> (Accessed: 19.09.2021).

26. McGuigan, J. (2014) The Neoliberal Self. *Culture Unbound*. 6 (1). pp. 223–240. DOI: 10.3384/cu.2000.1525.146223

27. Peer, S. & Salman, T. (2008) Countering Urban Segregation: Theoretical and Policy Innovations from around the Globe. *Urban Studies*. 45 (7). pp. 1307–1332. DOI: <http://www.jstor.org/stable/43197827>

28. Bislev, S. (2004) Globalization, State Transformation, and Public Security. *International Political Science Review – Revue internationale de science politique*. 25 (3). pp. 281–296. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/1601668>

29. Spoor, M. (1995) *From Interventionism to Neo-Liberalism*. DOI: 10.1007/978-1-349-23864-4_8

30. Kremlin.ru. (2011) *Zasedanie prezidiuma Gosudarstvennogo soveta “O povyshenii roli regionov v modernizatsii ekonomiki Rossii”* [Meeting of the Presidium of the State Council on Increasing the Role of Regions in the Modernization of the Russian Economy]. 11 November. Khabarovsk. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/13477/work> (Accessed: 20.09.2021).

31. RBC. (2021) *Khusnullin poschital izbytochnym chislo regionov v Rossii* [Khusnullin considered the number of regions in Russia to be excessive]. 27 April. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/27/04/2021/60880a649a7947fb20699662> (Accessed: 20.09.2021).

32. Forbes Media. (2021) *V pravitel'stve planiruyut potratit' na “agressivnoe razvitie infrastruktury” okolo 22 trln rubley za 9 let* [The government plans to spend about 22 trillion rubles over 9 years on “aggressive infrastructure development”]. 26 April. [Online] Available

from: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/427779-v-pravitelstve-planiruet-potratis-na-agressivnoe-razvitie-infrastruktury> (Accessed: 20.09.2021).

33. TASS. (2021) *Kudrin: Rossii neobkhodimo sozdat' 20 krupneyshikh aglomeratsiy* [Kudrin: Russia needs to create 20 largest agglomerations]. 2 June. [Online] Available from: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990> (Accessed: 20.09.2021).

34. RBC. (2021) *Sergey Shoigu – o novykh gorodakh v Sibiri* [Sergei Shoigu: on new cities in Siberia]. 6 September. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (Accessed: 20.09.2021).

35. Russian Federation. (2020) *Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. № 474 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020, No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289> (Accessed: 20.09.2021).

36. Russian Federation. (2021) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r (red. ot 23.03.2021) "Ob utverzhenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Order of the Government of the Russian Federation of 13.02.2019 No. 207-R (Revised on 23.03.2021) "On Approval of the Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025"]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/120647/> (Accessed: 20.09.2021).

37. Russian Federation. (2020) *Proekt Federal'nogo zakona "O gorodskikh aglomeratsiyakh"* (podgotovlen Minekonomrazvitiya Rossii, ID proekta 01/05/09-20/00107906) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 04.09.2020) [Draft Federal Law "On urban agglomerations" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia, project ID 01/05/09-20/00107906) (not introduced in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 04 September 2020)]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_razrabotalo_paket_zakonoproektov_o_razvitiy_gorodskih_aglomeratsiy_i_mezhmunicipalnogo_sotrudnichestva.html (Accessed: 20.09.2021).

38. Narolina, Yu.V. (2018) Socio-Economic Situation and Trends in the Development of Rural Areas of the Voronezh Region. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. 4 (43). pp. 61–67. (In Russian).

39. Hisano, S., Akitsu, M. & McGreevy, S.R. (2018) Revitalising rurality under the neoliberal transformation of agriculture: Experiences of re-agrarianisation in Japan. *Journal of Rural Studies*. 61. pp. 290–301. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.01.013

40. Peña-Azcona, I. et al. (2021) The unruly complexity of conservation arrangements with Mexican rural communities: Who really funds the game? *Journal of Rural Studies*. 87. pp. 112–123. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.08.027

41. Torres, R. et al. (2015) Vulnerability and resistance to neoliberal environmental changes: an assessment of agriculture and forestry in the Biobio region of Chile (1974–2014). *Geoforum*. 60. pp. 107–122. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.12.013

42. Lesutis, G. (2019) Spaces of extraction and suffering: Neoliberal enclave and dispossession in Tete, Mozambique. *Geoforum*. 102. pp. 116–125. DOI: 10.1016/j.geoforum.2019.04.002

43. Abers, R. (1996) From Ideas to Practice. The Partido dos Trabalhadores and Participatory Governance in Brazil. *Latin American Perspectives*. 91 (23):4. pp. 35–53.

44. Vagin, V.V. et al. (2017) *25 voprosov ob initsiativnom byudzhetrovanii: ucheb. posobie* [25 questions about initiative budgeting: textbook]. Moscow: Filin".

45. UN. (1996) *Predvaritel'nyy doklad Konferentsii Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy po naselelennym punktam (KhABITAT II)* [Preliminary report of the United Nations Conference on Human Settlements (HABITAT II)]. Istanbul. 3–4 June 1996. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/CONF.165/14> (Accessed: 08.09.2020).

46. UN. (2016) *The United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development*. HABITAT III. 17–20 OCTOBER 2016. Speakers. Kyung Hwan Kim. [Online] Available from: <http://habitat3.org/the-conference/programme/speakers/kyung-hwan-kim/> (Accessed: 09.09.2020).

47. Kim, K.-H. (1997) Improving local government finance in a changing environment. *Habitat International*. 21 (1). pp. 17–28. DOI: 10.1016/S0197-3975(96)00037-9

УДК 332.13+338.45+911
DOI: 10.17223/19988648/56/3

С.В. Пацала, Н.В. Горошко

СОВРЕМЕННАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МАШИНОСТРОЕНИЯ РОССИИ

За последние десятилетия существенную трансформацию претерпели факторы, определяющие функционирование отечественного машиностроения. Изменились условия, тенденции развития и пропорции отрасли, между тем широко доступных публикаций, отражающих региональную структуру производства машиностроительной продукции в разрезе основных уровней иерархии экономического районирования, практически нет. Целью данного исследования является анализ основных пространственных пропорций размещения машиностроительного производства на территории России. Основными методами исследования были выбраны анализ статистических материалов, характеризующих региональную структуру машиностроительных производств, и картографический. В результате исследования были выявлены основные пространственные особенности машиностроительного производства в нашей стране на современном этапе, показана структура производства продукции отрасли в разрезе макрорегионов, экономических районов, федеральных округов и субъектов Федерации. Выявлены регионы-лидеры по стоимости произведенной продукции и факторы, определяющие их позиции. На основе расчетов коэффициентов локализации, душевого производства и специализации определены регионы, для которых отрасль играет профилирующую (специализирующую) роль.

Ключевые слова: региональная экономика, региональная структура машиностроительного производства, пространственные пропорции машиностроения России

Введение

В любой индустриально развитой стране машиностроение выступает в качестве важнейшей отрасли экономики. Ее надежное и устойчивое функционирование определяет материало- и энергоёмкость национального хозяйства, производительность труда, техническую и экологическую безопасность производства, и, наконец, экономическую безопасность государственной экономики в целом. Все эти индикаторы являются важнейшими условиями социально-экономического развития страны.

В последние годы факторы, определяющие развитие отечественного машиностроения, претерпели существенную трансформацию. Новая волна кризисных явлений в российской экономике, сопровождаемая значительными изменениями внешних условий (введение экономических санкций странами Запада, политика импортозамещения и запрет импорта многих видов машиностроительной продукции, девальвация отечественной валюты и др.) фактически обозначила новый этап в развитии отрасли.

Все это обуславливает актуальность изучения основных тенденций развития отечественного машиностроения. Сегодня нет недостатка научных

работ, направленных на изучение текущего состояния отрасли, проблем и перспектив ее развития. Наряду с этим совершенно отсутствуют публикации, раскрывающие основные особенности пространственной организации машиностроительных производств в нашей стране на современном этапе развития отрасли, региональную структуру выпуска продукции. Актуальность всестороннего хозяйственного (в том числе пространственного) анализа машиностроения обуславливает и возрастающий в обществе запрос на диверсификацию структуры обрабатывающих производств в российских регионах [1].

В вузовских учебных изданиях, рекомендованных для подготовки студентов экономических и географических специальностей, при характеристике географии тех или иных отраслей национальной экономики можно обнаружить лишь громоздкий набор фактов об их отраслевой структуре, факторах размещения и важнейших центрах производства. Между тем вопрос о географической структуре отраслей, их важнейших пространственных пропорциях, региональных лидерах производства остается не раскрытым. А ведь среди отраслей промышленного производства машиностроение выполняет функцию локомотива поступательного развития, формируя инновационное ядро в триаде отраслей индустриальной авангардной тройки (наряду с электроэнергетикой и химической промышленностью). В данном исследовании авторы предприняли попытку восполнить этот пробел.

Все это определило цель исследования – выявление основных пространственных пропорций размещения машиностроительного производства на территории России. Основными методами исследования были выбраны анализ статистических материалов, характеризующих региональную структуру машиностроительных производств, представленных в статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики, и картографический.

Методологической проблемой исследования явился выбор основных территориальных элементов для рассмотрения пространственных пропорций. Если выбор субъектов РФ в этом качестве был очевиден, то выбор регионов районирования более высокого иерархического уровня поставил авторов перед проблемой выбора таковых. Выбор был сделан в пользу экономических районов, выделенных в Общероссийском классификаторе экономических регионов [2], поскольку, по мнению профессионального сообщества, границы федеральных округов мало соответствуют реальным принципам экономического районирования и не учитывают экономико-географические особенности территории [3, 4].

Основная часть

Проблемы территориальной организации населения и хозяйства стоят в современной России крайне остро. Для их преодоления необходима специальная государственная политика, требующая представления о пространственной картине отдельных отраслей национального хозяйства, понима-

ния основных закономерностей и пропорций их размещения. Экономико-географы под пространственной структурой промышленности понимают ее морфологию в двухмерном пространстве, которую характеризуют точки, линии, поверхности, а также их соотношения, указывая, что «пространственная структура» – это «геометрия промышленности» [5, с. 195]. Вопрос пространственных взаимоотношений останется за рамками нашего исследования, которое ограничивается выявлением основных пропорций в производстве машиностроительной продукции в границах современных регионов страны, ее экономических районов и зон.

Машиностроение относится к числу наиболее распространенных в территориальном отношении отраслей хозяйства. Это объясняется и большим развитием в машиностроении специализации и кооперации, оказывающих значительное влияние на размещение производства, и повсеместным использованием его продукции, а также разнообразием факторов размещения ввиду наличия огромного числа отраслей и подотраслей.

Предприятия отрасли имеются в большинстве регионов России, оказывая существенное влияние на развитие социальной инфраструктуры и состояние региональных и российского рынков труда. В силу своей трудоемкости важная роль отводится машиностроению в обеспечении занятости, особенно в региональной экономике. Для регионов, обладающих избыточным предложением на рынке труда, эта отрасль зачастую выступает в роли «спасательного круга», обеспечивая его стабильность.

Машиностроение является ведущей отраслью современного производства, оказывая решающее влияние на научно-технический прогресс в других отраслях хозяйства, динамику развития наукоемких и инновационных технологий в экономике, реализуя такие направления современной научно-технической революции, как комплексная автоматизация и электронизация производства. Около 70 % всех глобальных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы приходится на долю машиностроения [6]. В мире не существует высокоразвитых стран, не обладающих высокоразвитым машиностроением [7–9].

Удельный вес машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности России в 2019 г. составил 18,7 %. В тридцати семи регионах этот уровень был выше среднего по стране, достигая максимальных значений в ряде субъектов Центральной, Северо-Западной России и Среднего Поволжья (рис. 1). В таких развитых регионах страны, как Москва, Московская область, Республика Татарстан, доля машиностроения колеблется в среднероссийском коридоре 15–20 %. Эти значения существенно ниже, чем в ведущих промышленно развитых державах планеты, где доля производства машин и оборудования в структуре обрабатывающей промышленности составляет 30–50 % [10].

В четырёх субъектах РФ удельный вес машиностроения в структуре обрабатывающих производств превышает 50 % (Бурятия, Ульяновская, Калининградская и Калужская области), а еще в одиннадцати регионах страны эта доля превышает 30 %. В Республиках Алтай и Тыва, в Ненец-

ком автономном округе и на Сахалине машиностроительные производства сегодня вообще отсутствуют.

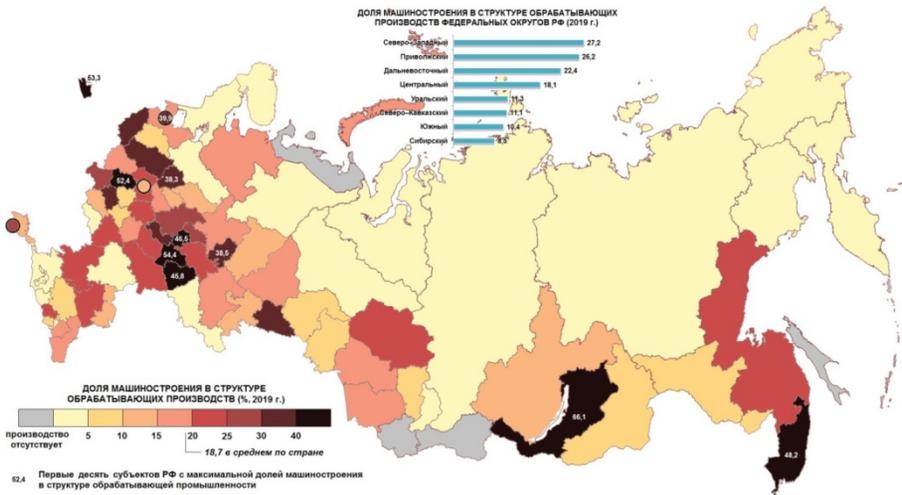

Рис. 1. Удельный вес машиностроения в структуре обрабатывающих производств субъектов РФ (%; 2019 г.). Составлено авторами по [11]

В целом в размещении машиностроения по территории России в той или иной степени проявляются все четыре основных типа (оси) региональных различий, обобщенных известным отечественным специалистом А.И. Трейвишем [12]. Это различия по оси «запад – восток» (между европейской и азиатской частями страны), «север – юг» (регионы зоны Севера и основной полосы расселения и хозяйственного освоения), «русское ядро – этнорегионы» и «центр – периферия». Вдоль этих осей сформировался и сохраняется фундаментальный «пространственный каркас» российского машиностроения.

В 1991 г. в европейской части страны выпускалось 86 % машиностроительной продукции страны, в начале 2000-х гг. – более 90 %, в 2018 г. – 85 % [13, 14]. Стратегическая государственная цель развития машиностроения в тихоокеанских регионах России (в том числе создание Дальневосточного судостроительного кластера) развернула вспять многолетнюю тенденцию снижения удельного веса Восточного макрорегиона в производстве продукции национального машиностроения (рис. 2). В субъектах Федерации, располагающихся в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в 2018 г. было произведено около 2,5 % машиностроительной продукции страны (в 1991 г. – около 3,5 %). На долю этнорегионов приходится 12,4 % национального производства, и 2/3 этого объема составляет удельный вес всего двух автономий – Татарстана и Башкирии.

География машиностроения в России повторяет географию расселения населения – главные «машиностроительные» районы и регионы страны

располагаются в пределах основной полосы расселения и хозяйственного освоения, что определяется воздействием ключевых условий и факторов размещения предприятий машиностроения. Среди них выделяются: транспортный, наличие квалифицированных трудовых ресурсов, потребительский, научный и др. Сложная сеть транспортных путей, наличие удобных выходов на общероссийский и глобальный рынки – первое условие, учитываемое при размещении большинства машиностроительных производств [15]. Сочетание нескольких из этих факторов приводит к территориальной концентрации производственных мощностей.

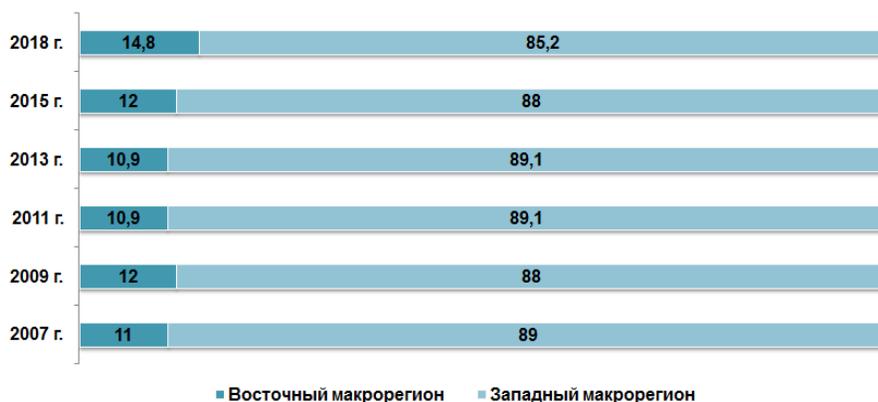

Рис. 2. Макрорегиональная структура производства машиностроительной продукции в России, %. Составлено авторами по [14]

Среди экономических районов страны ведущие роли в выпуске машин занимают Центральный (29 %), Северо-Западный (15 %), Поволжский (15 %) и Уральский (12,5 %) районы (рис. 3). Суммарно эти четыре из двенадцати экономических районов обеспечивают 72 % всего национального производства. В 1991 г. группу районов-лидеров составляли Центральный (24 %), Уральский (17 %) и Поволжский (15 %) районы.

Таким образом, в разрезе экономических районов пространственная концентрация отечественного машиностроения не претерпела кардинальных изменений – как и тридцать лет назад первые три района-лидера производят около 1/2 продукции. Изменился лишь состав лидирующей тройки. Произошло заметное усиление позиций районов, эксплуатирующих ренту своего экономико-географического положения (ЭГП), лежащих у «каналов взаимодействия» отечественной экономики и глобального хозяйства. Создание множества предприятий с участием иностранного капитала привело к появлению кластеров сборочных производств в районах с растущей портовой инфраструктурой на Балтике. Вышедший на вторую позицию Северо-Западный экономический район в 2 раза увеличил за последние три десятилетия свою долю в производстве машиностроительной продукции, а Калининградский район – в 9 раз.

Рис. 3. Производство машиностроительной продукции в экономических районах России. Составлено авторами по [14]

Пространственные пропорции отрасли в разрезе федеральных округов менее информативны в экономико-географическом плане и более контрастны по причине почти в два раза меньшего количества самих федеральных округов (рис. 4). Здесь особенно рельефно проявляется отставание в развитии машиностроения национальных субъектов Северо-Кавказского федерального округа, где проживает 11 % населения страны, а производится менее 1 % продукции отрасли.

Рис. 4. Производство машиностроительной продукции в федеральных округах России. Составлено авторами по [14]

Для российского машиностроения характерен значительный уровень концентрации производственного потенциала в группе регионов-лидеров: на долю ведущей пятерки приходится 41 % выпуска продукции машиностроения, регионы «первой десятки» производят 61 % (рис. 5). В 1991 г. отечественное производство было куда менее концентрировано в пространстве: максимальный удельный вес одного региона в выпуске машин не превышал 8 %, лидирующие пять регионов суммарно производили 27 % продукции, а первые десять – 44 %. Половина продукции отрасли в 1991 г. выпускалась в тринадцати субъектах Российской Федерации, а в 2018 г. – уже только в восьми.

Наряду с традиционными машиностроительными регионами, такими как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Самарская, Нижегородская, Свердловская области, Татарстан и др. (всегда использовавшими выгоды своего ЭГП, инфраструктурную насыщенность, обширную научную и трудовую базу для формирования мощного комплекса производств), появились и новые лидеры. В числе таковых особенно выделяются Калужская и Калининградская области, существенно выросли позиции Санкт-Петербурга. Эти регионы максимально использовали преимущества своего ЭГП для создания сборочных производств с участием иностранного капитала. Примечательно и то, что Москва, всегда занимавшая первую строку в рейтинге ведущих регионов-машиностроителей, сегодня уступила свою позицию Санкт-Петербургу.

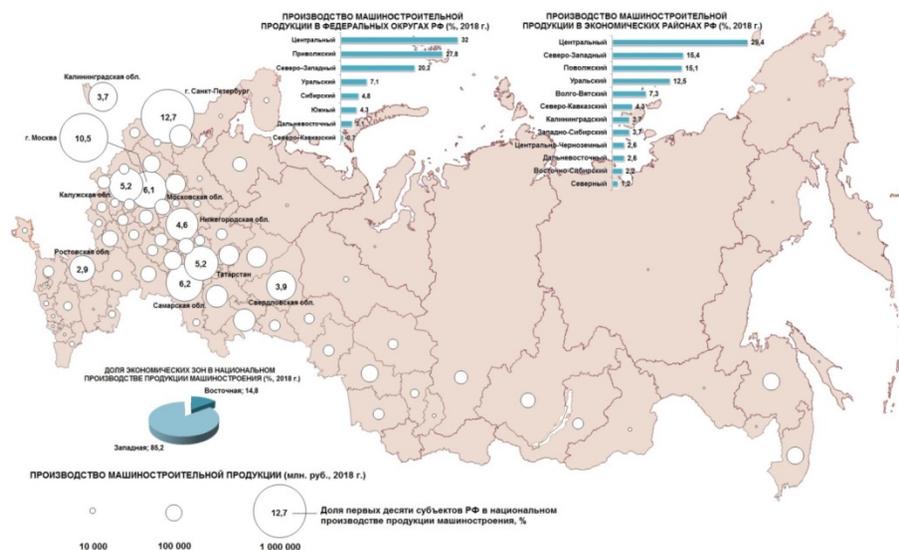

Рис. 5. Производство машиностроительной продукции в регионах России.
Составлено авторами по [14]

Отдельно следует выделить выдающуюся организующую роль Волги в пространственной структуре отечественного машиностроения. Пересечен-

ная важнейшими общегосударственными и транзитными магистралями, она играет роль своеобразного «транспортно-экономического реле», связывая между собой в единую кооперационную систему регионы севера и юга, запада и востока страны. Именно выгоды экономико-географического положения способствовали в свое время превращению Поволжья в «автомобильный цех страны». Среди регионов «первой десятки» по объему выпуска машиностроительной продукции на берегах Волги расположены четыре, только на их долю приходится почти четвертая часть всего производства (22,1 %). Суммарно же регионы страны, выходящие к волжским берегам, выпускают 30,3 % всей продукции отечественного машиностроения, а весь бассейн реки концентрирует 68,6 % национального производства.

Как уже отмечалось, машиностроительные предприятия размещены на территории России повсеместно (за исключением четырех субъектов Федерации). При этом в одних регионах отрасли принадлежит профилирующая роль, а ее продукция удовлетворяет общегосударственный спрос, в других – машиностроение лишь дополняет основной хозяйственный профиль территории, обеспечивая главным образом внутренние потребности в машиностроительной продукции [15, 16].

Количественно выявить уровень (глубину) специализации территории на производстве продукции отдельных отраслей позволяют специальные коэффициенты: локализации, душевого производства и специализации. Указанные коэффициенты и методика их расчета взяты из источников [17, 18]. Поскольку абсолютизировать значение каждого из этих показателей нельзя, так как взятые в отдельности, они не всегда точно отображают картину ввоза-вывоза, то отнесем к регионам, специализирующимся на машиностроении, те из них, которые при расчетах как минимум двух из трех коэффициентов получили значения ≥ 1 (таблица, рис. 6) [19].

Наибольшей глубиной специализации отличается машиностроение Калужской и Калининградской областей, за ними с явным отрывом следуют Самарская, Ульяновская области, Санкт-Петербург, Ярославская область, Чувашия, Нижегородская область, Удмуртия, Тверская область, Мордовия, Бурятия и Татарстан (таблица).

Коэффициенты специализации субъектов РФ на производстве продукции машиностроения (2018–2019 гг.)*

Субъекты РФ, обладающие коэффициентом машиностроительной специализации ≥ 1	Коэффициент локализации	Коэффициент душевого производства	Коэффициент специализации
Брянская обл.	1,6		1,9
Владимирская обл.		1,1	2,0
Воронежская обл.	1,1		1,0
Ивановская обл.			1,0
Калужская обл.	2,8	7,5	9,5
Костромская обл.			1,1
Московская обл.	1,1	1,2	1,2

Субъекты РФ, обладающие коэффициентом машиностроительной специализации ≥ 1	Коэффициент локализации	Коэффициент душевого производства	Коэффициент специализации
Орловская обл.	1,7		1,3
Рязанская обл.	1,3	1,2	2,0
Смоленская обл.	1,0		1,2
Тамбовская обл.	1,1		1,1
Тверская обл.	2,0	1,5	2,4
Ярославская обл.	2,0	2,1	2,7
г. Москва		1,2	
Архангельская обл. (без авт. округа)		1,1	1,4
Калининградская обл.	2,9	5,3	6,7
Ленинградская обл.	1,0	1,7	1,6
Псковская обл.	1,7	1,0	2,1
г. Санкт-Петербург	2,1	3,5	2,6
Республика Калмыкия	1,3		
Ростовская обл.	1,3	1,0	1,7
г. Севастополь	1,5		
Кабардино-Балкарская Республика	1,2		
Карачаево-Черкесская Республика			1,2
Чеченская Республика	1,0		
Республика Башкортостан			1,1
Республика Марий Эл	1,6	1,0	2,2
Республика Мордовия	2,0	1,3	2,6
Республика Татарстан	1,2	2,0	1,8
Удмуртская Республика	2,1	1,8	2,5
Чувашская Республика	2,5	1,3	3,0
Пермский край		1,0	1,1
Кировская обл.	1,0		1,3
Нижегородская обл.	1,5	2,1	2,9
Пензенская обл.	1,3		1,4
Самарская обл.	2,4	2,8	3,5
Саратовская обл.	1,3		1,3
Ульяновская обл.	2,9	1,8	3,6
Курганская обл.	2,0		2,1
Свердловская обл.		1,3	1,5
Челябинская обл.			1,3
Новосибирская обл.	1,0		
Томская обл.	1,1		
Республика Бурятия	3,5		1,9
Приморский край			1,3
Хабаровский край	1,3	1,4	1,6

* Показаны субъекты РФ, получившие в расчетах не менее одного коэффициента ≥ 1 . Заливкой выделены субъекты РФ, специализирующиеся на производстве машиностроительной продукции (получившие не менее двух коэффициентов ≥ 1). Составлено авторами по [11, 14].

Рис. 6. Регионы России, специализирующиеся на производстве машиностроительной продукции (2018–2019 гг.). Составлено авторами по [11, 14]

Проведенные расчеты и картирование позволяют выделить некоторые особенности пространственной организации машиностроения страны:

- практически полное отсутствие среди регионов, специализирующихся на производстве продукции машиностроения, субъектов азиатской части России;

- локализация машиностроения преимущественно в пределах регионов Центра, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Урала, обладающих наиболее развитой транспортной сетью и явными преимуществами своего ЭГП.

Особую роль в пространственной организации машиностроения в России приобретает барьер неразвитой транспортной инфраструктуры – даже в относительно плотно освоенной европейской части России к экономической периферии относятся 40 % территории [20]. Это, безусловно, затрудняет товарный обмен и процесс регионального разделения труда в машиностроении и его специализацию. Здесь ярким примером может быть «судьба» одного из крупнейших предприятий отечественного сельскохозяйственного машиностроения – Красноярского завода комбайнов, закрытого в 2013 г. Его мощности были перенесены владельцем в Чебоксары, а главной причиной ликвидации предприятия стала необходимость оптимизации и упрощения логистических схем поставок компонентов и готовой продукции.

Именно транспортные барьеры для осуществления кооперационных связей и выхода готовой продукции на рынок часто становятся причиной ликвидации машиностроительных предприятий в регионах, занимающих глубинное экономико-географическое положение, особенно в Сибири и на Урале. Примечательно, что в Восточном макрорегионе страны машиностроительный лидер также сменился. В 2018 г. по стоимости машиностро-

ительной продукции лидировавшую последние десятилетия Новосибирскую область опередил Хабаровский край.

Заключение

Таким образом, пространственная картина современного машиностроения России формируется под влиянием базовых факторов, обусловленных преимуществами и барьерами пространственного развития, выделенными американским экономистом и экономико-географом, основателем «новой экономической географии» П. Кругманом [21, 22]:

- выгод географического положения, снижающих транспортные издержки (особенно приморское и приграничное положение на мировых торговых путях);

- современной транспортной инфраструктуры, уменьшающей экономические расстояния и облегчающей внутри- и межгосударственную кооперацию;

- агломерационного эффекта, позволяющего существенно сократить производственные издержки благодаря экономии на масштабе;

- человеческого капитала с уровнем его образования и набором производственных компетенций.

Именно регионы, обладающие тем или иным набором подобных факторов, и становятся лидерами машиностроительного производства страны в условиях рыночной среды.

Литература

1. Домнич Е.Л. Экономический анализ структуры российского машиностроения: проблемы теории и практики // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 101–118.

2. *Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95* (утв. Постановлением Госстандарта России от 17.12.1995 № 640) (ред. от 10.02.2021) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/ (дата обращения: 05.11.2021).

3. Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 846 с.

4. Заяц Д.В. Начало новой административно-территориальной реформы? // География. 2000. № 21. С. 1–2.

5. *Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник* / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. 328 с.

6. Родионова И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX – начало XXI в.). М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 231 с.

7. *Россия: социально-экономическая география : учеб. пособие* / А.И. Алексеев, В.А. Колосов. М. : Новый хронограф, 2013. 708 с.

8. *География мира* : в 3 т. Т. 2: Социально-экономическая география мира / под ред. Н.В. Каледина, Н.М. Михеевой. М. : Юрайт, 2017. 255 с.

9. *Экономика : учебник* / под ред. А.С. Булатова. М. : БЕК, 1997. 816 с.

10. *Россия и страны мира. 2020* : стат. сб. М. : Росстат, 2020. 385 с.

11. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020* : стат. сб. М. : Росстат, 2020. 1242 с.

12. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М. : Новый хронограф, 2009. 372 с.
13. *Промышленное производство в России. 2019* : стат. сб. М. : Росстат, 2019. 286 с.
14. *Симагин Ю.А.* Территориальная организация населения и хозяйства : учеб. пособие / под общ. ред. В.Г. Глушковой. М. : КНОРУС, 2009. 384 с.
15. *Родионова И.А.* Экономическая география и региональная экономика. М. : Московский лицей, 2000. 288 с.
16. *Васильев А.Н.* О некоторых показателях специализации региона // Вестник ТГЭУ. 2007. № 3. С. 78–84.
17. *Белоглазова С.А.* Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, № 11А. С. 148–157.
18. *Региональная экономика* : учебник / под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. М. : ИНФРА-М, 2006. 666 с.
19. *Региональная экономика* : учебник / под ред. Е.Л. Плисецкого, В.Г. Глушковой. М. : Юрайт, 2014. 583 с.
20. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003. 408 с.
21. *Зубаревич Н.В.* Регионы и города России: Сценарии 2020. Журнал «Pro et Contra» – январь–апрель, 2011 // Центр гуманитарных технологий. 18.10.2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5960> (дата обращения: 05.11.2021).
22. *Krugman P.R.* First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33. P. 129–144.

The Modern Spatial Structure of Mechanical Engineering in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 37–49. DOI: 10.17223/19988648/56/3

Sergey V. Patsala, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s-pacala@mail.ru

Nadezhda V. Goroshko, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: goroshko1@mail.ru

Keywords: regional economy, regional structure of mechanical engineering production, spatial proportions of mechanical engineering in Russia.

Over the past decades, the factors that determine the functioning of domestic mechanical engineering have undergone a significant transformation. The conditions, development trends, and proportions of the industry have changed; meanwhile, there are practically no widely available publications reflecting the regional structure of mechanical engineering production in the context of the main levels of the hierarchy of economic zoning. The aim of this study is to analyze the main spatial proportions of the location of mechanical engineering production in Russia. The main research methods were the analysis of statistical materials characterizing the regional structure of mechanical engineering industries, and a cartographic method. As a result of the study, the main spatial features of mechanical engineering production in our country at the present stage have been revealed; the structure of the production of the industry's products in the context of macro-regions, economic regions, federal districts, and subjects of the federation has been shown. The regions leading in terms of the cost of manufactured products and the factors that determine their positions have been identified. Based on the calculations of the coefficients of localization, per capita production, and specialization, the regions for which the industry plays a profiling (specializing) role have been determined.

References

1. Domnich, E.L. (2014) Economic Analysis of the Structure of Russian Mechanical Engineering: Theory and Practice Issues. *Prostranstvennaya ekonomika*. 1. pp. 101–118. (In Russian). DOI: 10.14530/se.2014.1.101-118
2. Consultant Plus. (2021) *All-Russian Classifier of Economic Regions. OK 024-95 (approved by Resolution No. 640 of the State Standard of Russia of December 17, 1995) (version of February 10, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/ (Accessed: 05.11.2021). (In Russian).
3. Gladkiy, Yu.N. (2006) *Rossiya v labirintakh geograficheskoy sud'by* [Russia in the Labyrinths of Geographical Fate]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Zayats, D.V. (2000) Nachalo novoy administrativno-territorial'noy reformy? [The beginning of a new administrative-territorial reform?]. *Geografiya*. 21. pp. 1–2.
5. Gorkin, A.P. (ed.) (2013) *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socio-Economic Geography: Concepts and Terms]. Smolensk: Oykumena.
6. Rodionova, I.A. (2009) *Mirovaya promyshlennost': strukturnye sdvigi i tendentsii razvitiya (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.)* [World Industry: Structural shifts and development trends (the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries)]. Moscow: GOU VPO MGUL.
7. Alekseev, A.I. & Kolosov, V.A. (2013) *Rossiya: sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya* [Russia: Socio-economic geography]. Moscow: Novyy khronograf.
8. Kaledin, N.V. & Mikheeva, N.M. (eds) (2017) *Geografiya mira* [Geography of the World]. Vol. 2. Moscow: Yurayt.
9. Bulatov, A.S. (ed.) (1997) *Ekonomika* [Economics]. Moscow: BEK.
10. Egorenko, S.N. (ed.) (2020) *Rossiya i strany mira. 2020* [Russia and the Countries of the World. 2020]. Moscow: Rosstat.
11. Okladnikov, S.M. (ed.) (2020) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020]. Moscow: Rosstat.
12. Treyvish, A.I. (2009) *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and the World. The development of Russia through the eyes of a country scientist]. Moscow: Novyy khronograf.
13. Masakova, I.D. (ed.) (2019) *Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2019* [Industrial Production in Russia. 2019]. Moscow: Rosstat.
14. Simagin, Yu.A. (2009) *Territorial'naya organizatsiya naseleniya i khozyaystva* [Territorial Organization of the Population and Economy]. Moscow: KNORUS.
15. Rodionova, I.A. (2000) *Ekonomicheskaya geografiya i regional'naya ekonomika* [Economic Geography and Regional Economy]. Moscow: Moskovskiy Litsey.
16. Vasil'ev, A.N. (2007) O nekotorykh pokazatelyakh spetsializatsii regiona [On some indicators of specialization of the region]. *Vestnik TGEU*. 3. pp. 78–84.
17. Beloglazova, S.A. (2018) Identification of economic specialization of the South Federal District regions in the context of clusterization: development of techniques and relevant results. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra – Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 11A (8). pp. 148–157. (In Russian).
18. Vidyapin, V.I. & Stepanov, M.V. (eds) (2006) *Regional'naya ekonomika* [Regional Economics]. Moscow: INFRA-M.
19. Plisetskiy, E.L. & Glushkova, V.G. (eds) (2014) *Regional'naya ekonomika* [Regional Economics]. Moscow: Yurayt.
20. Nefedova, T.G. (2003) *Sel'skaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical essays]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
21. Zubarevich, N.V. (2011) Regiony i goroda Rossii: Stenarii 2020 [Regions and cities of Russia: Scenarios 2020]. *Pro et Contra*. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/5960> (Accessed: 05.11.2021).
22. Krugman, P.R. (1993) First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Journal of Regional Science*. 33. pp. 129–144. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x

УДК 330.101.8

DOI: 10.17223/19988648/56/4

А.В. Заздравных, Е.Ю. Бойцова

BIG DATA КАК ФАКТОР ВХОДА НА ОТРАСЛЕВЫЕ РЫНКИ

В последние несколько лет в российском экспертном и научном сообществе фиксируется значительный рост профессионального интереса к проблеме использования возможностей больших данных и алгоритмов их обработки в качестве эффективных инструментов формирования рыночных преимуществ фирм, а также инструментов ограничения конкуренции на товарных рынках. Вместе с тем в теоретическом и практическом отношении данная актуальная проблема изучена еще весьма слабо. Настоящая статья, посвященная исследованию отдельных аспектов влияния контроля больших данных на динамику рынков, ставит следующие цели: развитие теории вопроса о современной типологии барьеров входа, а также расширение научных представлений о новых инструментах ограничения процессов конкуренции на товарных рынках. Авторами констатируется, что потенциал контроля больших данных как фактора, содержащего вход новых операторов, проявляется в ограничении доступа к их источникам и технологической инфраструктуре обработки, эффектах «петли положительной обратной связи», а также в новых возможностях для кооперированного поведения фирм. Высказывается убежденность, что принципиальное значение для устойчивости рыночных позиций фирм сегодня приобретает их способность качественно структурировать данные, а также работать в режиме реального времени с релевантными наборами данных. Вместе с тем в развитие дискуссии приводятся и альтернативные мнения по исследуемой проблеме. Отдельно в статье рассматриваются эффекты использования больших данных для благосостояния потребителей, а также связанной с ним проблемы обеспечения конфиденциальности. Отмечается, что способность фирм гарантировать конфиденциальность в процессе потребления создает новые точки роста конкурентоспособности и новые типы барьеров входа.

Ключевые слова: большие данные, барьеры входа, конкурентная политика, цифровизация

Введение

Активное использование больших данных¹ в деятельности компаний, как на традиционных, так и на цифровых рынках, становится в последние годы одним из ключевых факторов роста их операционной эффективности и конкурентоспособности. Сегодня на возможностях больших данных и инструментов их обработки базируются, в значительной мере, и процессы

¹ Для целей настоящей статьи под «большими данными» авторы понимают крупные объемы различной рыночной информации (о пользователях, конкурентах, параметрах рынка и пр.), поступающие из разнообразных источников (поиск, интернет-ресурсы и пр.) и подлежащие дальнейшему анализу и структурированию с помощью специальных технических средств.

формирования новых рынков, а также современные технологии вывода новых продуктов.

Приобрело широкую известность и словосочетание «цифровые следы», к которым следует относить любые индикаторы, характеризующие активность пользователей различных интернет-ресурсов и сервисов, – от платежных и поисковых систем, до маркетплейсов, от сайтов-агрегаторов и сервисов бронирований до социальных сетей и различных информационных ресурсов. И такие «следы», возникающие (и, по мнению специалистов, сохраняющиеся навсегда) в результате каждой транзакции или каждого захода пользователя на цифровой ресурс, включая даже анонимные подключения, сегодня составляют информационный фундамент современной цифровой бизнес-аналитики. В свою очередь, на базе последней формируются предпосылки для улучшения информационного обмена, прогнозирования спроса и клиентского поведения, осуществления мониторинга рынков и конкурентного анализа, улучшения качества продуктов и сервисов, обеспечения качественной сегментации, таргетинга и фокуса на целевых рынках¹.

Практически безграничный потенциал больших данных фиксируется в части кастомизации процессов ценообразования, которая формирует условия для эффективной реализации стратегии ценовой дискриминации². Например, алгоритмическая обработка персональных данных позволяет сегодня исключительно точно определять готовность потребителей платить [1]. Так, отдельные исследователи [2] приводят результаты расчетов, согласно которым использование для адаптации цен данных по демографии повысило прибыль исследуемого объекта только на 0,14 %, однако дополнительное включение в алгоритм данных о просмотре веб-страниц увеличило прибыль уже значительно больше – на 2,14 % больше, чем в случае применения стратегии дискриминации II типа³. А генерируемые большими данными возможности для кастомизации товарного предложения и коммуникационных сигналов, например рекламных, ощутимо повышают эффективность механизма взаимодействия с клиентами [3].

В результате возрастает качество планирования бизнес-решений, нивелируется фактор неопределенности при их принятии, растет доходность операционной деятельности, а также конкурентоспособность и рыночное влияние фирм.

С большой долей уверенности можно полагать, что один из основных резервов роста конкурентоспособности фирмы сегодня лежит в плоскости

¹ Вместе с тем сохраняется определенный скепсис относительно целесообразности и эффективности использования в реальной практике огромных массивов пользовательских данных с такой их детализацией.

² Вплоть до наиболее сложной для осуществления в практическом смысле – ценовой дискриминации I типа.

³ В [2] авторами также приводятся результаты расчетов по стриминговому сервису Netflix, показывающих, что адаптация цен на основе данных просмотра веб-страниц позволила бы увеличить данному сервису свою годовую прибыль на 12 %.

ее способностей генерировать, привлекать и использовать большие данные. И на такие компетенции сегодня опираются и процессы конкуренции на рынках [4]. Действительно, в настоящее время большие данные следует рассматривать как значимый «цифровой актив» современных компаний. И, в практическом смысле, ценность представляют, в первую очередь, качественно структурированные под конкретные бизнес-задачи наборы данных, а также технический инструментарий для их анализа в реальном времени [5].

По данным немецкого антимонопольного ведомства¹, в последние годы зафиксировано присутствие значительного числа операторов, стремительно достигших чрезвычайно высоких масштабов деятельности с помощью моделей бизнеса, построенных на сборе и коммерческом использовании больших данных, в том числе персональных [6]. А данные по Российской Федерации свидетельствуют, что в 2017 г. 13 % российских компаний, активно использующих в своей деятельности большие данные, располагали (каждая) их объемом свыше 500 терабайт. При этом лидерами в области использования больших данных выступают телекоммуникационная отрасль, банковский сектор и ритейл – уровень внедрения больших данных в этих сферах в 2017 г. составлял 67, 56 и 33 % соответственно [7]. Очевидно, что к настоящему времени располагаемые объемы данных значительно возросли и продолжают стремительно увеличиваться. Так, капитализация мирового рынка аналитики больших данных, составившая в 2019 г. \$ 41,85 млрд, по прогнозам агентства Research&Markets, увеличится к 2028 г. до \$115 млрд².

Поскольку наборы данных и программные инструменты их анализа можно относить не только к активам, но и к специфическому «продукту», создаваемому фирмами³, то и процессы конкуренции сегодня вышли далеко за пределы профильных товарных рынков. Все острее развивается соперничество между компаниями, способными коммерциализовать информацию, обладающими идентичными или сопоставимыми наборами данных и аналитическими компетенциями. Таким образом, в «поле конкуренции» современной фирмы попадают операторы рынков, традиционно не считавшиеся прямыми конкурентами.

Как отмечалось выше, многие крупные участники глобальных рынков, и, в первую очередь, рынков цифровых, строят свои конкурентные преимущества на базе контроля информации о рынках, о клиентах и о прямых конкурентах. Такой контроль позволяет повысить качество рыночных прогнозов и увеличить эффективность практических мер по нейтрализации потенциальных конкурентных угроз. Анализ и контроль данных, обеспе-

¹ Das Bundeskartellamt.

² Источник: официальный сайт аналитического агентства Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/>

³ Действительно, и рынки самих данных сегодня также получили значительный импульс для развития.

чивая, с одной стороны, повышение эффективности бизнес-процессов, способен одновременно выступать инструментом ограничения конкуренции, «приводить к поведению, имеющему эффект манипулирования динамикой рынка» [8], «увеличивать рыночную власть и повышать барьеры для входа, снижая конкурентное давление» [9]. А в связи с тем, что крупные и известные операторы рынков способны генерировать больший объем данных и вкладывать больше средств в продвижение, нежели небольшие новые фирмы, то процесс накопления данных, увеличивая асимметрию распределения фирм по размеру, влияет и на динамику рынков [10].

Несмотря на то обстоятельство, что «накопление пользовательских данных само по себе не следует квалифицировать как несправедливое преимущество» [11], вместе с тем «в определенных условиях контроль больших данных способен стать фактором усиления рыночной власти, формирующим стимулы для антиконкурентного поведения» [12]. Таким образом, потенциал контроля больших данных в части получения фирмой значимой рыночной власти, в части ограничения доступа фирм на рынки и создания препятствий для развития конкуренции, стал в последние годы предметом активных дискуссий в экспертной среде [13]. А вопросы обеспечения беспрепятственного доступа участников рынка к обмену информацией и ее распределению, наряду с созданием условий для полноценной защиты конфиденциальности пользовательских данных, стоят сегодня в одном ряду с наиболее острыми проблемами современной антимонопольной политики.

Большие данные и условия входа на рынки

Роль и потенциал больших данных как важного источника формирования барьеров входа отмечают рядом авторов (см., например, [8, 14–19]). «Использование данных становится препятствием на пути выхода новых фирм на рынок» [8], «накопление и использование данных стали уникальным, специфическим и сложным входным барьером, требующим особого антимонопольного контроля» [20].

Основные аргументы в пользу антиконкурентного потенциала контроля больших данных, влияющего, в первую очередь, на перспективы входа новых операторов, выстраиваются вокруг двух ключевых обстоятельств. Во-первых, вокруг возможности получения собственником таких данных *весомых рыночных преимуществ*¹ и, во-вторых, вокруг формирования дополнительных предпосылок для *координации деятельности* укоровившихся в отрасли фирм.

В частности, отмечается, что фирмы, действующие в отрасли, в первую очередь крупные и известные технологические компании, способны созда-

¹ Указанный аспект, в первую очередь, касается тех видов данных, которые обобщают различные формы поведения потребителей: интернет-активности, поисковые запросы, осуществленные транзакции и платежи и пр.

вать потенциальным новичкам ощутимые проблемы для входа на рынки, используя в целях повышения качества собственных продуктов и сервисов, а также в целях улучшения своего предложения и экспансии в новые сферы крупномасштабные наборы данных, задействуя при этом технологии машинного обучения [14]. А непреодолимый дефицит критических для эффективной работы на рынках данных серьезно снижает рыночные возможности и уровень потенциальной конкурентоспособности новичков [17]. И данный барьер постоянно увеличивается [21].

Одним из факторов дефицита данных у новых фирм выступает *величина первоначальных капитальных затрат*, необходимая для построения соответствующей инфраструктуры для эффективной работы с большими данными¹. Так, помимо мощностей для их накопления и хранения, требуются и современные аналитические инструменты, программное обеспечение и квалифицированный IT-персонал. И контроль инфраструктуры позволяет действующим фирмам выстраивать дополнительные барьеры входа, обусловленные как техническими возможностями сбора данных и инструментами их синтеза и анализа, так и требованиями защиты информации, персональных данных и интеллектуальных прав [15].

Действительно, принципиальным моментом с позиций экономической ценности данных выступают возможности для их качественного структурирования², позволяющего осуществлять их эффективную обработку и дальнейшее использование в коммерческих целях. Неструктурированность данных радикально снижает их ценность и отдачу все возрастающих выборок [22]³. И здесь закономерно встает вопрос о доступности для небольшой фирмы, действующей на начальной стадии жизненного цикла, качественной обработки и анализа неструктурированных данных, а также о ее технологических возможностях извлечения из общего массива получаемой информации тех фрагментов, которые критически значимы с позиций качества прогнозов состояния спроса, поведения потребителей и иных параметров рынка.

Одновременно справедливо отмечается [5, 23, 24], что в связи с тем обстоятельством, что данные быстро утрачивают свою актуальность, принципиальное значение в контексте барьеров входа приобретает не столько доступ к данным как таковым, сколько доступ в режиме реального времени к источникам таких данных. Таким образом, барьером доступа на ры-

¹ Такие затраты часто носят «невосполнимый» характер.

² Здесь под «структурированием» понимается упорядочение данных таким образом, который позволял бы применять к ним широкий спектр методов обработки, алгоритмов анализа и интерпретации.

³ В [22] авторы полагают, что большие данные, по сути, в основной своей массе дублируют друг друга, и необходимую информацию фирма способна извлекать из их минимального, но качественно структурированного набора. При этом авторы ссылаются на практику компании Google, которая, по имеющейся у них информации, обычно использует в своей бизнес-аналитике случайные выборки в размере 0,1 % от всей совокупности располагаемых данных.

нок, обусловленным потенциалом больших данных, становится барьер доступа к самим данным, к их источникам.

У фирм, способных агрегировать и контролировать большие массивы информации, часто фиксируются так называемые эффекты *петли положительной обратной связи*, которые, в общих чертах, можно представить следующим образом.

Полноценный доступ к большим данным, как уже отмечалось, создает базу для существенного улучшения бизнес-процессов, позволяя выводить максимально адаптированные под требования целевых рынков продукты, а также поддерживать более качественный и востребованный клиентский сервис. Это, в свою очередь, положительно влияет на рост у фирмы клиентской базы и на объем ее транзакций, что в дальнейшем позволяет генерировать еще больший массив данных, увеличивать монетизацию и производственные показатели, в большем объеме инвестировать в развитие – «высокие доходы, получаемые более крупными операторами, стимулируют больший объем инвестиций»¹ [6]. Одновременно могут возникать и дополнительные финансовые возможности для приобретения сторонних компаний, располагающих ценными активами больших данных, – «поступая данным образом, фирма еще больше увеличивает объем собственных пользовательских данных» [9]. Благодаря располагаемому массиву ретроданных², «фирмы предоставляют более высокое качество услуг, и, таким образом, их рыночные позиции дополнительно защищены высокими входными барьерами» [16].

Зачастую указанные процессы в деятельности компаний сопровождаются расширением географии продаж и охвата целевых рынков.

В свою очередь, у потенциальных новичков – молодых и малоизвестных компаний – должны наблюдаться противоположные тенденции: снижение общего числа пользователей, снижение объема агрегируемых данных и как следствие дальнейшее увеличение разрыва с крупными операторами в качестве сервиса, в объеме пользовательского трафика, величине валовых доходов и прибыли.

Большие данные и инструменты их обработки играют сегодня значительную роль в упрощении процессов координации деятельности фирм, стабилизации параметров рынка, и в возникновении *новых форматов картельных сговоров*, «которые, в конечном итоге, приводят к повышению цен или разделу рынков» [25]. Так, антиконкурентный потенциал больших данных способен раскрываться в росте «прозрачности» параметров рынка, оказывающей положительное влияние на стабильность горизонтальных сговоров и на возможности фирм по выявлению отклонений от заключенных соглашений. И данные обстоятельства вызывают сегодня значитель-

¹ Речь идет об инвестициях в новые алгоритмы, в новые функциональные возможности онлайн-сервисов, в диверсификацию инструментов работы с целевой аудиторией.

² Здесь под «ретроданными» понимается различная информация о пользовательской активности за длительный временной горизонт.

ную обеспокоенность антимонопольных регуляторов, ссылающихся¹ на то, что современные цифровые технологии могут быть активно задействованы в латентной монополизации рынков, а также в реализации широкого пула недобросовестных антиконкурентных практик.

Значительный уровень «прозрачности» ценовых параметров высококонцентрированных рынков делает эти рынки весьма уязвимыми для сговора, поскольку контроль ценовой информации позволяет легче и эффективнее сопоставлять данные о ценах, а также прогнозировать возможные ответные реакции конкурентов на динамику цен. Идентичные ценовые алгоритмы позволяют фирмам одновременно корректировать цены, в эти алгоритмы может быть заложен как широкий диапазон решений по ценообразованию, так и широкий спектр целевых индикаторов². Значительные возможности образуются и для анализа данных в режиме реального времени с целью мониторинга соответствия действий фирм положениям картельного соглашения – «упрощается наблюдение компаний друг за другом, выявление и коррекция потенциальных отклонений от условий сговора» [6]. Также здесь появляются и технические возможности для программирования консолидированной реакции фирм при изменении параметров рынка либо для выявления оппортунистического поведения и ввода ответных санкций за любые нарушения договоренностей. Как результат – повышение устойчивости сговоров и ощутимо больший «параллелизм» в рыночном поведении операторов.

Регуляторами анонсируется и появление новых инструментов для формирования картельных сговоров, основанных на технологиях искусственного интеллекта, постоянно модифицируемых благодаря методам машинного обучения. Уже известны примеры организации картельных соглашений на базе автономного взаимодействия программ при полном отсутствии прямого участия физических лиц либо с их минимальным участием. И цифровые механизмы сговора на базе использования больших данных и алгоритмов постоянно совершенствуются, что серьезно снижает возможности регуляторов по идентификации и доказательству такого поведения – «антиконкурентные практики часто сложно выявлять и доказывать» [26]. Безусловно, более совершенный в техническом отношении механизм сговора способен серьезно усилить рыночную власть укоренившихся фирм,

¹ Указанная обеспокоенность транслируется в многочисленных пресс-релизах официальных источников антимонопольных служб. Ознакомиться с ними подробнее читатель сможет на официальных страницах ведомств, например: *International Competition Network* (<https://www.internationalcompetitionnetwork.org/>); *Bundescartellamt* (https://www.bundescartellamt.de/DE/Home/home_node.html); *ФАС РФ* (<https://fas.gov.ru/>).

² Отметим, что в самом факте использования специальных компьютерных программ нет ничего криминального, тем более в случаях их использования в целях соперничества, когда, например, фирмой отслеживаются цены конкурентов с целью корректировки собственных цен. Другой вопрос, когда указанные программы внедряются с целью координации ценообразования, что, очевидно, в большинстве случаев следует квалифицировать как картельный сговор.

получивших сегодня новые рычаги для воздействия на рыночную динамику через ограничение входа новых операторов и вытеснение действующих.

Другая современная проблема – это использование баз данных и алгоритмов с целью *сговоров на торгах*.

Так, аукционные роботы (*боты*)¹ могут быть запрограммированы на автоматическую генерацию предложения цен от имени конкретного участника аукциона в определенном диапазоне их колебания либо на автоматическое поддержание максимальной цены в ходе данного аукциона, либо поддержание «желаемого» уровня цен. И совместное использование в ходе электронных торгов идентичных алгоритмов фирмами-конкурентами (в ряде случаев, номинальными) позволяет на практике реализовывать различные сценарии антиконкурентных соглашений, достигнутых до начала торгов, обеспечивать «комфортный» для участников аукциона уровень цен, а также победу конкретным фирмам. Очевидно, что подобные стратегии способны отрицательно сказаться на возможностях независимых фирм для входа на товарные рынки, например через механизм государственных закупок.

При этом в функционал таких программ могут входить различные опции, позволяющие «заметать цифровые следы»², оставляемые ими на электронных торговых площадках. Очевидно, что в условиях быстрого развития методов анализа данных, искусственного интеллекта и программных средств, а также по мере роста объемов контролируемых массивов данных возможности для координации действий операторов рынка будут расширяться, а их потенциал ограничения входа возрастать.

Альтернативные взгляды на вопрос

Ряд исследователей (см., например, [27]) ссылается на то обстоятельство, что потенциал контроля больших данных в ограничении входа на рынки не очевиден и не доказан. И для обоснованного утверждения, что обладание большими данными гарантирует фирмам надежную защиту их рыночных позиций, недостаточно эмпирических доказательств.

При этом констатируется, что ряд крупных платформ, вытесненных в свое время с рынка конкурентами, на момент своего краха располагали значительными массивами пользовательских данных. При этом практика богата примерами, когда новички обгоняют успешные укоренившиеся фирмы, имеющие ощутимо большие преимущества по объему контролируемых данных. Действительно, сегодня понимание потребностей клиен-

¹ «Боты» (техн.) – компьютерные программы, самостоятельно выполняющие различные действия через веб-интерфейсы. Главная задача – осуществление множества рутинных операций на высоких скоростях, в том числе имитация участия человека по определенному заданному алгоритму или по определенным заданным критериям.

² *Источник:* интервью руководителя управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы изданию «Консультант+» от 06 марта 2018 г. Официальный сайт ФАС РФ: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2438>.

тов и актуальных рыночных трендов, наряду с относительно простыми, но точными и своевременными технологическими решениями, часто выступает достаточным условием для входа новых фирм на рынки, где уже действуют крупные и известные операторы. Также известны многочисленные случаи, когда новые для данного рынка операторы из числа технологических гигантов, обладающие весомым объемом накопленных данных по смежным или иным направлениям своей деятельности, не способны успешно войти на рынок и составить серьезную конкуренцию.

Отметим, что сегодня приобретают значение не столько сами данные, сколько способность фирмы эффективно работать с ними, создавать наборы, структурированные под решение конкретных бизнес-задач, а также комбинировать эти наборы с ключевыми ресурсами и факторами производства. И в настоящее время важны не столько массивы располагаемых данных, сколько качественные алгоритмы прогнозирования поведения потребителей.

Значительное развитие в последние годы получил как сам рынок *больших данных*, так и рынок их анализа, что существенно расширило возможности для покупки любого объема необходимой информации. Значительное число профильных компаний сегодня предлагает не только релевантные наборы данных, но и услуги по интеграции и интерпретации данных, поступающих из разнородных источников, а также коммерчески перспективные идеи по их использованию на различных рынках [27].¹

Звучат мнения о таких свойствах больших данных, как *неисключаемость и неконкурентность*², и эти свойства приближают их по своей природе к общественным благам.

Таким образом, согласно отдельным альтернативным взглядам, использование больших данных одной компанией не порождает препятствий для их сбора и использования другими операторами. «Ни одна фирма не в состоянии ограничить другим фирмам возможности использования данных» [28]. В результате все фирмы, действующие на релевантном товарном рынке, потенциально обладают сравнительно сопоставимой информацией. И здесь возникает закономерный вопрос: насколько объективна потребность в сопоставимом наборе и объеме данных у различных фирм, действующих даже на общем рынке? «Естественно задаться вопросом, существует ли замена инсайтам из больших данных в тех секторах, где традиционно от них было мало пользы» [22]. «Большие неудачи в больших данных уже продемонстрировали, что прогнозы, основанные лишь на исторических данных, способны вводить в заблуждение, в то время как данные, даже не связанные непосредственно с анализируемой или решаемой про-

¹ Автор [27] ссылается на практику ключевых брокеров данных в США и указывает, что «ценность услуг, которые предлагает брокер данных, зависит не столько от размера и объема данных, сколько от идей и выводов, которые брокер может извлечь из этих данных».

² См., например, [14].

блемой, но мобилизованные совсем недавно, гораздо более ценны» [4]. Таким образом, решающее значение приобретает способность фирмы привлекать и обрабатывать данные в режиме реального времени.

Одновременно с этим данные как ресурс характеризуются высоким уровнем *замещаемости*, следовательно, фирмам потенциально доступно множество альтернативных источников данных. Большинство типов ретроданных быстро устаревают, *теряют свою ценность* и актуальность. И в определенный момент дальнейшее накопление данных за долгий временной горизонт перестает являть собой дополнительную ценность с позиций конкурентоспособности фирмы и ее рыночного потенциала. Действительно, какие преимущества для вывода и продвижения современных новых продуктов способны обеспечить данные по клиентскому профилю за последние десять лет? Очевидно, что со временем (а сегодня очень быстро) у потребителей меняются жизненные ценности, мотивации, отношение к деньгам, обновляются источники информации, возникают новые каналы коммуникаций и покупок. В этой связи первоочередное значение приобретают именно текущие пользовательские активности и информация по ним – «не следует делать стратегические инвестиции на базе данных, игнорируя факт изменения реальности» [29].

При этом столь популярный сегодня формат распределительной политики фирм, основанный на предоставлении пользователям бесплатного доступа к цифровым продуктам и услугам и позволяющий привлечь за этот счет еще больший массив пользовательской информации, часто не имеет реального отношения к возведению барьеров и к попыткам снизить уровень конкуренции¹.

Приводятся доводы, что большие данные бессмысленно включать в типологию барьеров входа, рассматривая их как неизбежное препятствие для развития конкуренции и роста благосостояния потребителей. Несмотря на то обстоятельство, что инвестиции в большие данные действительно способны увеличивать разрыв в конкурентоспособности между фирмами, «такая дистанция будет побочным продуктом процессов конкуренции по существу и не обязательно станет препятствием для входа на рынок новых инновационных фирм» [20]. И, по мнению данных авторов, в рамках концепции больших данных, проблему ограничения входа необходимо анализировать с учетом принятой деловой практики на конкретных рынках и принимая во внимание фактор результативности – потенциального вреда или потенциальных выгод.

К тому же потенциал барьеров входа, обусловленных контролем больших данных, может существенно различаться в зависимости от конкретного товарного рынка и его структуры, а также быть производным от силы влияния прямых и косвенных сетевых эффектов.

¹ Так, получение компанией Google беспрецедентно большого объема пользовательской информации (статистика поиска, заходы на интернет-ресурсы, регистрационные данные и пр.) направлено, в основном, на продажу таргетированной рекламы и услуг по ее размещению [21].

По мнению старшего консультанта антимонопольного департамента консалтинговой группы Fasken Джона Пекмана, несмотря на то, что препятствия для входа способны возникать на стадии сбора данных, являющейся важным этапом цепочки формирования их ценности, все-таки возникают сомнения, что даже те рынки, для которых большие данные имеют критическое значение, относятся к рынкам с высокими барьерами [14]. К тому же использование больших данных связано, в первую очередь, с работой фирм на онлайн-рынках, состояние которых крайне динамично. И это обстоятельство теоретически способно положительно влиять на динамику входа фирм и снижение уровня барьеров [30].

Как уже было отмечено, накопление цифровых данных повышает «прозрачность» рынков, а последняя, несмотря на возможность для сговора, действительно способна положительно влиять на развитие конкуренции. В определенных обстоятельствах большая информированность о состоянии спроса и других параметрах рынков будет стимулировать появление новых фирм, что положительно скажется на интенсивности ценовой и неценовой форм конкуренции. А дополнительный доступ к информации о запросах клиентов и предложениях конкурентов снизит стоимость входа на рынок [6].

Большие данные и потребительское благосостояние

В контексте использования больших данных следует вкратце затронуть важный аспект, связанный с их потенциальным влиянием на потребительское благосостояние, – «большие данные всегда способствуют повышению либо снижению благосостояния» [20].

Как уже было отмечено, агрегация большого массива информации о предпочтениях и о поведении своей целевой аудитории дает возможность фирмам совершенствовать предложение, улучшать ассортиментную линейку, повышать качество сервисов и продуктов, создавая условия для роста потребительского благосостояния. «Положительный эффект может заключаться в определении наиболее полезных для потребителей характеристик продукта, в прогнозировании и предотвращении узких мест в цепочке поставок» [8], «содействии предложению более релевантных услуг со стороны компаний» [24].

Вместе с тем возникают и основания полагать, что распределение больших данных способно, теоретически, нанести ущерб потребительскому благосостоянию, например, в следующих обстоятельствах:

– когда данные использованы таким образом, который ограничивает технологические возможности клиентов переключаться между представленными на рынке альтернативами либо формирует у потребителей жесткую «цифровую привязанность» к продукту или сервису конкретного оператора и, как результат, ограничивает свободу потребительского выбора;

– когда на базе таких данных «осуществляется «изощренная» ценовая дискриминация» [8]. Исходя из положений экономической теории, назна-

чение цен на уровне максимальной готовности платить приводит к изъятию потребительского излишка¹ в полном объеме;

– когда возникают значительные риски утраты сохранности персональной информации и конфиденциальности.

Несмотря на то, что проблема защиты информации весьма подробно рассмотрена в современной литературе и не входит в круг проблем, анализируемых в настоящей статье, ее авторы полагают, что сегодня, особенно в контексте функционирования цифровых рынков, конфиденциальность следует рассматривать одновременно и как одну из важнейших составляющих благосостояния (в широком смысле – благополучия) потребителей, и как фактор дифференциации, конкурентоспособности и рыночной власти фирм.

Очевидно, что проблема утраты конфиденциальности потенциально способна негативно повлиять на права, свободы и охраняемые законом интересы потребителей. Вместе с тем, по мнению Вольфганга Кербера², пользовательское отношение к проблеме конфиденциальности персональных данных «в значительной мере зависит от контекста, от типа информации и конкретных обстоятельств ее раскрытия, а предпочтения конфиденциальности у пользователей неоднородны» [16]. Автор утверждает, что недостаточный уровень конкуренции на высококонцентрированных рынках позволяет фирмам собирать ощутимо больший объем данных и предлагать меньше вариантов обеспечения конфиденциальности, нежели в рамках эффективной конкуренции³. Это обусловлено нередким отсутствием у пользователей возможностей для переключения на альтернативные ресурсы и возникающей отсюда их «большей готовностью платить высокую персональную цену в виде собранных данных... и соглашаться с политикой конфиденциальности, не соответствующей их конкретным предпочтениям» [16].

Безусловно, не является секретом, что значительная доля потребителей обычно не осведомлена о масштабах сбора персональных данных, а также о степени вовлеченности этих данных, например, в процесс таргетинга целевой аудитории. Более того, многие из них потенциально склонны без каких-либо опасений предоставлять любой объем запрашиваемых данных (например, в момент регистрации на интернет-ресурсе), особенно в случаях последующего обеспечения им бесплатного доступа к интересующим их продуктам и сервисам.

Вместе с тем существует и иной многочисленный пользовательский сегмент, чувствительный к проблеме «утекания» персональных данных и

¹ Consumer Surplus.

² MACIE – Марбургский центр институциональной экономики, Германия.

³ Справедливости ради заметим, что на данный момент существует дефицит достоверных и адекватных эмпирических сведений, позволяющих установить факт наличия и оценить характер связей между структурой рынков и политикой компаний в области конфиденциальности, а также связей между объемами агрегации и распределения пользовательских данных и потребительским благосостоянием.

утрате контроля над ними, к тенденциям увеличения «прозрачности» транзакций, неопределенности круга лиц, получающего доступ к данным, и неопределенности целей такого доступа и, в широком смысле, к проблеме неприкосновенности их частной жизни. «Многие пользователи испытывают тревогу из-за неадекватно большого объема запрашиваемых у них персональных данных»¹ [31].

Таким образом, следует констатировать, что важным параметром дифференциации предложения и значимым условием потребительского выбора, важным потенциальным отличием, обеспечивающим конкурентоспособность современной фирмы, сегодня становятся предлагаемые ею решения в области конфиденциальности и гарантий обеспечения надежной защиты пользовательских данных. И это обстоятельство способно стать значимым барьером для компаний с низкой репутацией² в области защиты данных, утраты ими конкурентоспособности и рыночных позиций. И поскольку одним из способов решения проблем обеспечения конфиденциальности в реальной практике сегодня выступает усиление регулятивных мер, направленных на защиту прав пользователей, то этот фактор, в свою очередь, также способен повлиять на рост уровня барьеров и динамику входа фирм на рынки [32].

Подводя итоги настоящей статье, констатируем, что в связи возрастающим значением использования фирмами массивов больших данных на современных товарных рынках, известная в теоретическом и практическом смысле проблема барьеров входа получает сегодня дополнительный импульс для дальнейших исследований.

Несмотря на то обстоятельство, что постоянно возрастающие сегодня возможности компаний по агрегации и распределению больших данных не отражают, в строгом смысле, рост показателей их рыночной власти, вместе с тем такие возможности способны создавать предпосылки для ограничения конкуренции и формирования новых типов барьеров входа на рынки.

Таким образом, развитие теоретических подходов к анализу потенциала контроля больших данных как важного элемента процессов конкуренции на современных рынках, значимого фактора конкурентоспособности фирм и новой детерминанты входа на рынки приобретает в настоящий момент особую актуальность.

¹ Отметим, что в отдельных случаях необходимость истребования дополнительных данных может быть продиктована практическими соображениями соблюдения экономических интересов продавца или поставщика услуг. В этом контексте интересен резонансный пример стримингового сервиса Spotify, который в попытках пресечения несанкционированного бесплатного использования контента третьими лицами начал запрашивать GPS-данные у своих подписчиков.

² Заметим, что подобная репутация часто формируется в рамках острой конкурентной борьбы, когда распространяется недостоверная информация о низком уровне защиты данных.

Литература

1. *Townley C., Morrison E., Yeung K.* Big data and personalized price discrimination in EU competition law // *Yearbook of European Law*. 2017. № 36. P. 683–748.
2. *Shiller B.R.* First-Degree Price Discrimination Using Big Data // *Brandeis University Working Papers* 58. 6 January 2014.
3. *Wong-Ervin K.W.* Assessing Monopoly Power or Dominance in Platform Markets // *Social Science Research Network*. 26 January 2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3525727 (accessed: 15.02.2021).
4. *Nuccio M., Guerzoni M.* Big data: Hell or heaven? Digital platforms and market power in the data-driven economy // *Sage Journals*. 2018. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/102452941881652> (accessed: 11.03.2021). DOI: 10.1177/1024529418816525
5. *Surblyté G.* Data as a digital resource // *Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper*. 2016. № 16–12.
6. *Competition Law and Data*. 10th May, 2016. URL: <https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/DE/Berichte/Big%20Data%20Papier.html> (accessed: 05.02.2021).
7. *Митрович С.* Рынок больших данных и их инструментов: тенденции и перспективы в России // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2018. Т. 9, № 1. С. 74–85.
8. *Forrest K.* Big Data and Online Advertising: Emerging Competition Concerns. 17 April, 2019. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/big-data-and-online-advertising-emerging-competition-concerns/> (accessed: 18.02.2021).
9. *dePeyer B.H.* EU merger control and big data // *Journal of Competition Law & Economics*. 12 January 2018. № 13(4). P. 767–790. DOI: 10.1093/joclec/nhx026
10. *Farboodi M., Mihet R., Philippon T., Veldkamp L.* Big data and firm dynamics // *Working Paper* 25515. 2019. URL: <http://www.nber.org/papers/w25515> (accessed: 05.03.2021).
11. *OECD.* Implications of E-commerce for Competition Policy // *Background Note*. 2019. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/e-commerce-implications-for-competition-policy.htm> (accessed: 04.03.2021).
12. *OECD.* Big data: Bringing competition policy to the digital era. 2016. URL: <https://www.oecd.org/competition/big-data-bringing-competition-policy-to-the-digital-era.htm> (accessed: 04.03.2021).
13. *Заздравных А.В.* Потенциал барьеров входа в контексте цифровизации // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2021. № 1. С. 128–147. DOI: 10.38050/01300105202116
14. *Pecman J., Johnson P., Reisler J.* Essential facilities fallacy: big tech, winner-take-all markets, and anticompetitive effects // *CPI antitrust chronicle*. February 2020. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/essential-facilities-fallacy-big-tech-winner-take-all-markets-and-anticompetitive-effects/> (accessed: 10.02.2021).
15. *Rubinfeld D.L., Gal M.S.* Access barriers to big data // *Arizona law review*. 2017. Vol. 59, № 339. P. 340–381.
16. *Kerber W.* Digital markets, data, and privacy: competition law, consumer law and data protection // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2016. Vol. 11, № 11. P. 856–866.
17. *Radinsky K.* Data monopolists like google are threatening the economy // *Harvard business review*. 02 March 2015. URL: <https://hbr.org/2015/03/data-monopolists-like-google-are-threatening-the-economy> (accessed: 05.01.2021).
18. *Lerner A.* The Role of 'Big Data' in Online Platform Competition // *Social Science Research Network*. 26 August 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2482780 (accessed: 01.03.2021).
19. *Mahnke R.* Big Data as a Barrier to Entry // *Antitrust Chronicle*. 2015. Vol. 5.
20. *Krzepicki A., Wright J., Yun J.* The Impulse to Condemn the Strange: Assessing Big Data in Antitrust // *CPI Antitrust Chronicle*. February 2020. Vol. 2, № 2. P. 16–20.

21. Newman N. Search, Antitrust, and the Economics of the Control of User Data // *Yale Journal on Regulation*. 2014. Vol. 31. P. 401–454.
22. Lambrecht A., Tucker C. Can Big Data Protect a Firm from Competition? // *SSRN Electronic Journal*. 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2705530
23. COFECE: Rethinking Competition in the Digital Economy. 2018. URL: https://www.cofece.mx/wp-content/uploads/2018/03/EC-EconomiaDigital_web_ENG_letter.pdf (accessed: 16.02.2021).
24. Manne G., Sperry B. The problems and perils of bootstrapping privacy and data into an antitrust framework // *CPI Antitrust Chronicle*. 29 May 2015. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-problems-and-perils-of-bootstrapping-privacy-and-data-into-an-antitrust-framework/> (accessed: 08.03.2021).
25. Faessel M. The ICN Scoping Paper on Big Data and Cartels // *The Impact of Digitalization in Cartel Enforcement*. 16 November, 2020. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-icn-scoping-paper-on-big-data-and-cartels-the-impact-of-digitalization-in-cartel-enforcement/> (accessed: 19.01.2021).
26. Ючинсон К.С. Большие данные и законодательство о конкуренции // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 1. С. 216–245.
27. Tucker C. Digital Data, Platforms and the Usual [Antitrust] Suspects: Network Effects, Switching Costs // *Essential Facility Review of Industrial Organization*. 2019. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3326385 (accessed: 18.01.2021). DOI: 10.1007/s11151-019-09693-7
28. MacCarthy M. Big data is not a barrier to entry// *Tech policy perspectives*, CIO. 2018. URL: <https://www.cio.com/article/3252144/big-data-is-not-a-barrier-to-entry.html> (accessed: 07.02.2021).
29. Radinsky K., Acriche Y. How to Make Better Predictions When You Don't Have Enough Data // *Harvard business review*. 16 December 2016. URL: <https://hbr.org/2016/12/how-to-make-better-predictions-when-you-dont-have-enough-data> (accessed: 04.01.2021).
30. Заздравных А.В., Гудкова Т.В. Теоретические аспекты формирования барьеров входа в условиях информационной дифференциации // *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17, № 4. С. 874–890. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.11
31. Stucke M.E., Grunes A.P. *Big Data and Competition Policy*. Oxford University Press, 2016. URL: http://www.brandeis.edu/economics/RePEc/brd/doc/Brandeis_WP58R2.pdf (accessed: 17.02.2021).
32. Zhe Jin G., Wagman L. Big Data at the Crossroads of Antitrust and Consumer Protection // *Information Economics and Policy*. 17 November 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3754671> (accessed: 05.03.2021).

Big Data as a Factor of Industry Market Entry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 50–66. DOI: 10.17223/19988648/56/4

Aleksey V. Zazdravnykh, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: apkreforma@mail.ru

Elena Yu. Boitsova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: boitsova07@list.ru

Keywords: big data, barriers to entry, competition policy, digitalization.

Over the past few years, the Russian expert and scientific community has registered a significant increase in professional interest in the problem of using the capabilities of big data and algorithms for processing them as effective tools for shaping the market advantages of firms, as well as tools for limiting competition in commodity markets. At the same time, in theoretical and practical terms, this urgent issue is still very poorly studied. This article examines certain aspects of the influence of big data control on the dynamics of markets. The au-

thors aim to develop the theory of the issue of the modern typology of entry barriers and to expand scientific ideas about new tools for limiting competition in commodity markets. The authors state that the potential of big data control as a factor that restricts the entry of new operators is manifested in the restriction of access to big data sources and the technological infrastructure of their processing, in the effects of the “positive feedback loop”, and in new opportunities for a cooperative behavior of firms. The authors are convinced that the ability of firms to qualitatively structure data and work in real time with relevant data sets is of fundamental importance for the stability of firms’ market positions today. In the development of the discussion, alternative opinions on the issue are also given. Separately, the authors discuss the effects of using big data on consumer welfare, as well as the associated privacy concerns. The authors note that the ability of firms to guarantee confidentiality in the consumption process creates new points of growth in competitiveness and new types of entry barriers.

References

1. Townley, C., Morrison, E. & Yeung, K. (2017) Big data and personalized price discrimination in EU competition law. *Yearbook of European Law*. 36. pp. 683–748.
2. Shiller, B.R. (2014) First-Degree Price Discrimination Using Big Data. *Brandeis University Working Papers*. 58. 6 January.
3. Wong-Ervin, K.W. (2020) *Assessing Monopoly Power or Dominance in Platform Markets*. Social Science Research Network. 26 January [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3525727 (Accessed: 15.02.2021).
4. Nuccio, M. & Guerzoni, M. (2018) *Big data: Hell or heaven? Digital platforms and market power in the data-driven economy*. Sage Journals. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/102452941881652> (Accessed: 11.03.2021). DOI: 10.1177/1024529418816525
5. Surblyté, G. (2016) Data as a digital resource. *Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper*. 16–12.
6. Bundeskartellamt.de. (2016) *Competition Law and Data*. 10th May. [Online] Available from: <https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/DE/Berichte/Big%20Data%20Papier.html> (Accessed: 05.02.2021).
7. Mitrovich, S. (2018) The Market for Big Data and Its Tools: Trends and Perspectives in Russia. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) – MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 9 (1). pp. 74–85. (In Russian).
8. Forrest, K. (2019) *Big Data and Online Advertising: Emerging Competition Concerns*. 17 April. [Online] Available from: <https://www.competitionpolicyinternational.com/big-data-and-online-advertising-emerging-competition-concerns/> (Accessed: 18.02.2021).
9. de Peyer, B.H. (2018) EU merger control and big data. *Journal of Competition Law & Economics*. 12 January. 13 (4). pp. 767–790. DOI: 10.1093/joclec/nhx026
10. Farboodi, M., Mihet, R., Philippon, T. & Veldkamp, L. (2019) *Big data and firm dynamics*. Working Paper 25515. [Online] Available from: <http://www.nber.org/papers/w25515> (Accessed: 05.03.2021).
11. OECD. (2019) *Implications of E-commerce for Competition Policy. Background Note*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/daf/competition/e-commerce-implications-for-competition-policy.htm> (Accessed: 04.03.2021).
12. OECD. (2016) *Big data: Bringing competition policy to the digital era*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/competition/big-data-bringing-competition-policy-to-the-digital-era.htm> (Accessed: 04.03.2021).
13. Zazdravnykh, A.V. (2021) The potential of entry barriers in the context of digitalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika – Moscow University Economics Bulletin*. 1. pp. 128–147. (In Russian). DOI: 10.38050/01300105202116
14. Pecman, J., Johnson, P. & Reisler, J. (2020) Essential facilities fallacy: big tech, winner-take-all markets, and anticompetitive effects. *CPI Antitrust Chronicle*. February. [Online] Available

from: <https://www.competitionpolicyinternational.com/essential-facilities-fallacy-big-tech-winner-take-all-markets-and-anticompetitive-effects/> (Accessed: 10.02.2021).

15. Rubinfeld, D.L. & Gal, M.S. (2017) Access barriers to big data. *Arizona Law Review*. 59 (339). pp. 340–381.

16. Kerber, W. (2016) Digital markets, data, and privacy: competition law, consumer law and data protection. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 11 (11). pp. 856–866.

17. Radinsky, K. (2015) Data monopolists like google are threatening the economy. *Harvard Business Review*. 02 March. [Online] Available from: <https://hbr.org/2015/03/data-monopolists-like-google-are-threatening-the-economy> (Accessed: 05.01.2021).

18. Lerner, A. (2014) *The Role of 'Big Data' in Online Platform Competition*. Social Science Research Network. 26 August [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/pa-pers.cfm?abstract_id=2482780 (Accessed: 01.03.2021).

19. Mahnke, R. (2015) Big Data as a Barrier to Entry. *Antitrust Chronicle*. 5.

20. Krzepicki, A., Wright, J. & Yun, J. (2020) The Impulse to Condemn the Strange: Assessing Big Data in Antitrust. *CPI Antitrust Chronicle*. February. 2 (2). pp. 16–20.

21. Newman, N. (2014) Search, Antitrust, and the Economics of the Control of User Data. *Yale Journal on Regulation*. 31. pp. 401–454.

22. Lambrecht, A. & Tucker, C. (2015) Can Big Data Protect a Firm from Competition? *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.2705530

23. COFECE. (2018) *Rethinking Competition in the Digital Economy*. [Online] Available from: https://www.cofece.mx/wp-content/uploads/2018/03/EC-EconomiaDigital_web_ENG_let-ter.pdf (Accessed: 16.02.2021).

24. Manne, G. & Sperry, B. (2015) The problems and perils of bootstrapping privacy and data into an antitrust framework. *CPI Antitrust Chronicle*. 29 May. [Online] Available from: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-problems-and-perils-of-bootstrapping-privacy-and-data-into-an-antitrust-framework/> (Accessed: 08.03.2021).

25. Faessel, M. (2020) *The ICN Scoping Paper on Big Data and Cartels. The Impact of Digitalization in Cartel Enforcement*. 16 November. [Online] Available from: <https://www.competitionpolicyinternational.com/the-icn-scoping-paper-on-big-data-and-cartels-the-impact-of-digitalization-in-cartel-enforcement/> (Accessed: 19.01.2021).

26. Hutchinson, C.S. (2017) Big Data and Competition Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 216–245. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.216.245

27. Tucker, C. (2019) *Digital Data, Platforms and the Usual [Antitrust] Suspects: Network Effects, Switching Costs. Essential Facility Review of Industrial Organization*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3326385 (Accessed: 18.01.2021). DOI: 10.1007/s11151-019-09693-7

28. MacCarthy, M. (2018) *Big data is not a barrier to entry*. Tech Policy Perspectives, CIO. [Online] Available from: <https://www.cio.com/article/3252144/big-data-is-not-a-barrier-to-entry.html> (Accessed: 07.02.2021).

29. Radinsky, K. & Acriche, Y. (2016) How to Make Better Predictions When You Don't Have Enough Data. *Harvard Business Review*. 16 December [Online] Available from: <https://hbr.org/2016/12/how-to-make-better-predictions-when-you-dont-have-enough-data> (Accessed: 04.01.2021).

30. Zazdravnykh, A.V. & Gudkova, T.V. (2020) Information Differentiation and Barriers to Entry. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Journal of Economic Theory*. 17 (4). pp. 874–890. (In Russian). DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.11

31. Stucke, M.E. & Grunes, A.P. (2016) *Big Data and Competition Policy*. Oxford University Press. [Online] Available from: http://www.brandeis.edu/economics/RePEc/brd/doc/Brandeis_WP58R2.pdf (Accessed: 17.02.2021).

32. Zhe Jin, G. & Wagman, L. (2019) Big Data at the Crossroads of Antitrust and Consumer Protection. *Information Economics and Policy*. 17 November [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3754671> (Accessed: 05.03.2021).

УДК 338.23

DOI: 10.17223/19988648/56/5

Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин

ПАРАДОКСЫ ЭКСПОРТА ИНСТИТУТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ПРОСТРАНСТВО ЕАЭС¹

В статье исследуется проблематика импорта-реэкспорта институтов от ЕС к Евразийскому союзу (ЕАЭС) в сфере технического регулирования. Научной проблемой является выявление специфики институциональных изменений в сфере технического регулирования в условиях развития наднациональных механизмов в ЕАЭС и возможностей для экспорта российских практик технического регулирования. Целью публикации является характеристика новейших трендов в ЕАЭС в сфере технического регулирования и выявление возможностей для реэкспорта институтов. В статье используются методология институционального анализа, сравнительный, статистический метод. Проведено сравнение архитектуры институциональной среды технического регулирования в ЕС со схожими по функциям институтами в Евразийском союзе, показано, что существуют различия в целевых установках стейкхолдеров: при формировании общих принципов технического регулирования ключевыми являются не интересы потребителей, а объективированные характеристики продукта, которые, де-факто определяют государственные и «окологосударственные» некоммерческие организации. Продемонстрировано, что формирование общей для стран ЕАЭС системы технического регулирования обнажило глубинные институциональные проблемы импорта и реэкспорта институтов в ЕАЭС, что приводит к сложностям в экспорте продовольственных товаров российских производителей. Отмечено, что внедрение в ходе реализации проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» новых институтов частично способствовало реализации идеи о повышении качества продукции и информационной прозрачности потребительского рынка. На основании исследования путей трансформации институтов технического регулирования предложены рекомендации по изменению их содержания в сфере регламентации качества потребительских благ.

Ключевые слова: техническое регулирование, экспорт институтов, цифровая трансформация, мониторинг качества потребительских благ

Трансформации институтов технического регулирования в ЕАЭС

Современная система технического регулирования предполагает наличие инновационных решений в области институционального проектирования стандартов качества [1], которые должны отталкиваться не только от

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

текущих интересов бизнеса и общества, но также призваны обеспечить долгосрочные цели национального развития. Данное обстоятельство актуализирует вопрос об участии государства в процессах стандартизации и регламентации качества. Значимость данного вопроса еще усиливается в рамках участия страны в интеграционных объединениях, в частности ЕАЭС [2]. Так, Совет Евразийской экономической комиссии принял решение о начале реализации проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза». Основная его цель – «цифровизация процессов формирования обязательных требований к продукции, разработки техрегламентов и перечней международных и региональных стандартов в сфере технического регулирования»¹. Конечным результатом данного проекта является создание на базе цифровой платформы экосистемы, обеспечивающей интеграцию национальных цифровых сервисов в области технического регулирования в интересах участников рынка. Проект будет реализован до середины 2024 г. в пять этапов: развертывание работ, разработка системы сервисов, наполнение, ввод наднационального компонента и сервисов в промышленную эксплуатацию. По состоянию на август 2021 г. функционал раздела на сайте Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), посвященный вопросам цифрового технического регулирования, находится в стадии «начального информирования», но содержит принципиальную схему техрегулирования в ЕАЭС².

Однако, учитывая особенности трансформации системы технического регулирования в ЕАЭС и России в частности, возникают вопросы касательно полноты учета интересов ключевых стейкхолдеров и нахождения конвенционального институционального решения в области технического регулирования.

С позиции институциональной теории, определение координирующей роли государства во многом является результатом согласования интересов социальных групп [3] или участников рынка. При этом как в России, так и в рамках ЕАЭС роль государства в условиях отсутствия общественной конвенции [4] может являться избыточной и исходить из частного интереса групп давления. Базовой предпосылкой для подобного влияния послужил характер импорта институтов технического регулирования, когда не были учтены действующие в Европейском союзе (ЕС) механизмы выработки правил и принуждения к их исполнению. Стоит отметить значимость для нашей проблематики «сравнительной оценки интеграционных механизмов ЕАЭС и Европейского союза (ЕС) как одного из наиболее сильных и глубоких по своему характеру интеграционных соглашений в мире» [5, с. 31].

Функционирующая на территории ЕС система позволяет соблюсти интересы потребителей через общие принципы, устанавливающие требова-

¹ URL: <https://eec.eaunion.org/news/eaes-zapuskayet-proekt-%C2%ABtsifrovoe-tehnicheskoe-regulirovanie-%C2%BB/> (дата обращения: 11.08.2021).

² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/deptexreg/metod/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.08.2021).

ния как для операторов рынка, так и положения для государственных органов (рис. 1).

Рис. 1. Архитектура институциональной среды технического регулирования в ЕС.
Составлено авторами

В странах ЕАЭС главенствующую роль при формировании общих принципов занимают не интересы потребителей, а объективированные характеристики продукта, которые де-факто определяют государственные и «окологосударственные» некоммерческие организации. В связи с этим отмечается невозможность реализации принятой в ЕС обобщенной схемы контроля качества при участии рефератных аккредитованных лабораторий и субъектов хозяйствования.

В ЕАЭС функционал по обеспечению контроля и гарантирования качества повсеместно реализован через систему государственного надзора, регистрации предприятий и введения многочисленных реестров и перечней, которые зачастую имеют характер административного барьера [6]. Вопросы эффективности замещения общественной конвенции и системы социального контроля на микроуровне государственным гарантом подвергают риску инициативу цифрового технического регулирования ЕАЭС, так как созданные агрегаторы не смогут облегчить допуск производителей в определенный реестр и не снизят транзакционные издержки производителей.

Институты технического регулирования в странах-членах ЕАЭС

Идея формирования общей системы стандартизации и сертификации на пространстве ЕАЭС, согласно мнению ученых, претендует на очередной мегапроект [7], позволяющий ускорить интеграцию стран. Однако при детальном рассмотрении особенностей институциональной среды в части технического регулирования становится очевидным, что страны постсоветского блока реализуют разные сценарии развития системы стандартизации и сертификации. Если в Белоруссии действует дуальная система, совмещающая «социалистические» практики контроля в форме установления государственных стандартов и уголовной ответственности в случае их невыполнения многочисленными унитарными предприятиями, то в Казахстане качество определялось рынком. Россия на данном фоне реализует гибридный проект, в котором номинально существует «западная» система, но фактически реализуется жесткое ручное регулирование. В его рамках проверки качества продукции со стороны государственных структур дополняются «мониторингом», который позволяет формально избегать ограничения по проверкам бизнеса исходя из требований Закона № 294-ФЗ. В этой связи мониторинг стал инструментом «мягкого рыночного воздействия». Так, в Красноярском крае «итоги мониторинга подводятся в форме публичного обсуждения экспертами результатов инструментальных исследований и органолептических оценок в присутствии представителей СМИ и общественных организаций» [8, с. 47]. Целью такого «мягкого воздействия» является рост информационной прозрачности объектов потребительского выбора: «предполагалось, что достоверная информация о качестве продуктов будет способствовать формированию потребительских предпочтений, выдавливанию с рынка недобросовестных производителей и тем самым помогать созданию нормальной конкуренции. Вместе с тем эффективность определяется влиянием на потребительские предпочтения покупателей и может быть очень высокой. Оценки Красноярского ЦСМ и отзывы предприятий показали, что однажды опубликованная информация о некачественных товарных позициях приводит к снижению уровня продаж на десятки процентов (в среднем до 30)» [8, с. 49].

Следует отметить, что, несмотря на снижения частоты проверок МТУ Росстандарт, существенным образом возросла сумма наложенных административных штрафов (рис. 2). Так, без учета коронакризисного 2020 г., суммарный объем штрафов по административным делам в сфере нарушения законодательства о техническом регулировании увеличился на 47,7 млн руб. (+30,2 %) к 2017 г., тогда как частота проверок сократилась на 1,3 тыс. (-14,3 %). Кроме того, доля правонарушений со стороны юридических лиц сократилась на 41,2 п и составила 28,2 % от общего числа проверок. Сумма собираемых штрафов по административным делам в большей степени коррелирует с частотой проверок, чем с удельным весом выявленных правонарушений.

Рис. 2. Динамика проверок Росстандарта в 2016–2020 гг.

Составлено авторами на основе аналитических отчетов Росстандарта (<https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/statecontrol/resultscontrol>)

Росстандарт, являясь одним из основных органов государственного надзора Российской Федерации в сфере технического регулирования, за последние пять лет декларировал сокращение средней нагрузки на 1 работника, непосредственно выполняющего функции по контролю (надзору), на 7 проверок в отчетный период. При этом в качестве критерия эффективности ведомства продолжают оставаться средний размер наложенного штрафа и доля проверок, по итогам которых по фактам выявленных нарушений наложены административные санкции. Именно поэтому отмечается прямая корреляция между количеством проверок и размером суммы взысканий: при увеличении количества проверок сокращается средний размер штрафа, но растет доля выявленных правонарушений и нагрузка на 1 работника; при снижении количества проверок увеличивается средний размер наложенного штрафа, но сокращается доля правонарушений и нагрузка на 1 работника. Таким образом, развитие институтов технического регулирования в России, с точки зрения формальных параметров принуждения к выполнению правил, не является в строгом смысле случайным процессом. Детерминированность фактов оппортунизма в России также подтверждается алгоритмом принятия правил. Согласно отчетам ведомства, с 2016 по 2020 г. не установлено ни одного случая коррупциогенности в разработанных нормативно-правовых актах, включая административные регламенты, порядки экспертизы, перечни и технические регламенты.

Опыт европейских стран демонстрирует, что в условиях свободного глобального рынка детерминированный порядок проверок невозможен [9]. По причине отсутствия централизованной системы регламентации и контроля качества затрудняется оценка величины санкций, накладываемых на производителей в результате действия регламентов. В развитых странах контроль (надзор) осуществляется рефератными лабораториями и саморегулирующимися организациями, выступающими операторами рынка и га-

рантирующими потребителю качество и безопасность продукции. Государство отвечает лишь за аккредитацию лабораторий и согласование некоммерческого контроля.

Все это в какой-то степени затрудняет возможность оценки эффективности функционирования настоящей институциональной системы технического регулирования, действующей в России и в других странах ЕАЭС. Однако все же можно найти косвенный индикатор, демонстрирующий величину транзакционных издержек для хозяйствующего субъекта от функционирования регламентов в ЕАЭС и ЕС. Таковым выступает рыночная стоимость услуг юридических организаций, оказывающих услуги фирмам при оформлении необходимых документов и для получения сертификата качества (рис. 3).

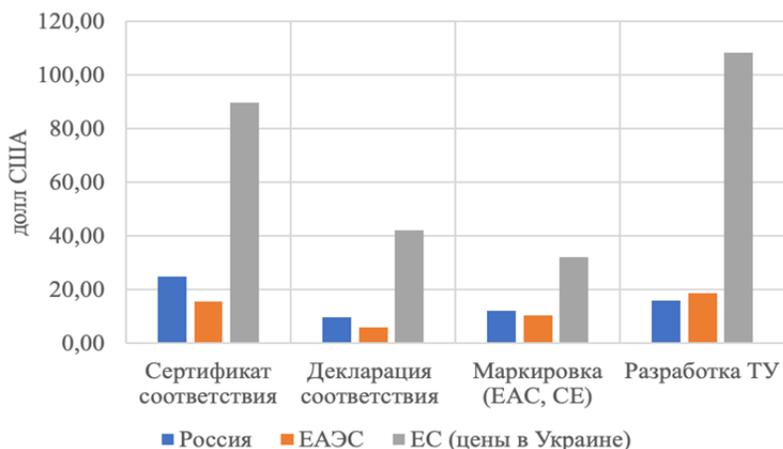

Рис. 3. Стоимость за услуги по сертификации в России, ЕАЭС и ЕС, долл. США.
Составлено авторами на основе открытых данных компаний

Очевидно, что цена за услуги сертификации в России гораздо ниже, чем в ЕС. Однако это также объясняется качеством услуг: в Европе в стоимость услуг включено полное и комплексное сопровождение компании (включая лабораторные испытания), тогда как в России и ЕАЭС данный вид услуг ограничивается выдачей документа. Иными словами, под услугой сертификации в развитых странах подразумевается реальное доведение продукта до соответствия требованиям и ожиданиям рынка, на постсоветском пространстве – формальное заключение для прохождения контрольных процедур. При этом создание ЕАЭС и перевод функций по регламентации качества на Евразийскую экономическую комиссию существенным образом простимулировал спрос на маркировку и сертификаты техрегламентов (ТР) и техстандартов (ТС) в России, Белоруссии и Казахстане.

Реакция стран-членов ЕАЭС на поток номинально декларированных товаров из соседних государств была различной. Так, в Казахстане был сформирован Комитет санитарно-эпидемиологического контроля Мини-

стерства здравоохранения. Уполномоченный осуществлять надзорную деятельность в сфере технического регулирования орган РК ведет реестр несоответствующей продукции, в который входят 16 групп товаров различного производства. Интересным является тот факт, что в реестре несоответствующей продукции РК за 2019–2020 гг. указано 3 899 наименований российского производства против 2 020 китайского (рис. 4). В валовом итоге российская продукция составляет 33 % перечня; казахстанская – 16 %; кыргызстанская – 3 %; белорусская – 2 %.

Рис. 4. Структура российской продукции в реестре несоответствующей продукции РК (2019–2020 гг.)

Составлено авторами на основе данных Комитета санитарно-эпидемиологического контроля Министерства здравоохранения РК (<http://reestr-np.kz/rus/?scode=&productid=00&countryid=002>)

Основными причинами включения российской продукции в реестр несоответствующей продукции РК являются:

- отсутствие маркировки на национальном языке – 2 358 случаев;
- несоответствие маркировке – 119 случаев;
- несоответствие по физико-химическим показателям – 205 случаев;
- несоответствие показателям безопасности – 97 случаев;
- отсутствие наименования изготовителя – 27 случаев;
- истек срок годности – 39 случаев.

Несмотря на преобладание «языковых» барьеров среди основных причин, факт проблем с российской продукцией на ближайшем экспортном рынке очевиден. Среди фирм, предлагающих несоответствующий товар, отмечается ООО «ТК «Мираторг», АО «Черкизово», АО ГК «ЭФКО», ООО «Ресурс», «Маревен Фуд Сэнтрал», ООО «Русский рыбный мир» и многие другие.

Таким образом, формирование общей для стран системы технического регулирования обнажило более глубинные институциональные проблемы импорта и реэкспорта институтов в пространстве ЕАЭС. Республика Казахстан, реализовав на своей территории прописанную в законах и соглашениях ЕАЭС систему, фактически обеспечила независимую оценку качества продукции лидеров российского рынка, которые произведены в гибридной и малоэффективной системе выборочных проверок и формальной отчетности. Кроме того, само лидерство данных российских компаний во многом обусловлено секционными ограничениями и реализуемой на территории РФ политикой импортозамещения [10].

Цифровая повестка ЕАЭС и проблематика ее реализации в сфере технического регулирования в контексте проблематики экспорта институтов

Как уже отмечалось, проект «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» фактически уже реализуется. В сфере технического регулирования внедрены новые институты, которые должны реализовать идею о повышении качества продукции и информационной прозрачности потребительского рынка как в рамках трансграничных транзакций товаров, так и единых требований в сфере техрегулирования на всем пространстве ЕАЭС. Нормативной базой является «Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе», подписанное в Алматы, 2 февраля 2018 г. и ратифицированное в России Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 281-ФЗ.

Первое новшество относится к внедрению с 2021 г. информации о соответствии товара стандартам безопасности на основе характерных для маркировки товаров штрих-кодов. Речь идет о внедрении системы GS1, которая в мировой практике является наиболее широко используемой системой стандартизации учета и штрихового кодирования товаров. Идентификационным номером GS1 является код GTIN (Global Trade Item Number), предназначенный для единичной или групповой упаковки товара, который наносится в виде штрихового кода на упаковку товара, обеспечивая уникальную идентификацию товара. Он позволяет распознать штрих-код из любой точки мира, благодаря чему появилась возможность осуществлять контроль за движением товара на протяжении его жизненного цикла. Другим идентификационным номером GS1 является код GLN (Global Location Number), предназначенный для идентификации предприятий по изготовлению продукции или мест нахождения в цепях поставок.

Требование о необходимости наличия кодов GLN и GTIN в России закреплено в приказе Минэкономразвития РФ от 31 июля 2020 г. № 478, который вступил в силу 1 января 2021 г.¹ Однако, как отмечает Е. Сысоева,

¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 478 «Об утверждении порядка регистрации деклараций о соответ-

«в связи с большим количеством обращений о неготовности бизнес-сообщества к этим требованиям приказом Минэкономразвития РФ от 30 декабря 2020 года № 877 закреплён переходный период по введению в действие положений нового порядка регистрации деклараций в части указания кодов GLN и GTIN» [11, с. 385]. До 1 июля 2021 г. сведения об этих кодах указываются при их наличии. Стоит отметить, что функционал специализированного электронного сервиса Федеральной государственной информационной системы Росаккредитации уже сейчас предусматривает возможность внесения кодов GLN и GTIN.

Другое направление связано с внедрением цифровых технологий на рынке ЕАЭС. Одной из лучших практик, внедрённой в России и потенциально экспортируемой на пространство ЕАЭС является система проверки сертификатов и деклараций с помощью цифровых сервисов Росаккредитации. Она регламентируется как российскими постановлениями¹, так и документами ЕАЭС². По данным Росаккредитации, «в его реестры ежедневно поступает более трех тысяч деклараций и около 150 новых сертификатов, оформленных аккредитованными органами по сертификации, а аккредитованные испытательные лаборатории ежедневно отчитываются более чем о 40 тысячах проведенных испытаний, которые также вносятся в реестры» [12, с. 20]. Через специальную лендинг-страницу на сайте Росаккредитации как производители, так и потребители могут получить информацию о подлинности деклараций и сертификатов, о безопасности приобретаемых товаров. Лендинг-страница также содержит информацию о порядке сертификации и декларирования продукции в РФ. Кроме того, функционал портала Росаккредитации позволяет проверить сертификат или декларацию через QR-код, что значительно экономит время проверки качества продукции как организациям в сфере торговли, так и конечным потребителям.

Другим направлением для потенциального экспорта институтов является внедрение независимых систем проверки, в частности, системы национальной цифровой маркировки «Честный знак» и аналогичных систем. Действующая в ЕАЭС маркировка товаров средствами идентификации не

ствии и порядка формирования и ведения единого реестра зарегистрированных деклараций о соответствии, предоставления содержащих в указанных реестрах сведений». URL: <https://fsa.gov.ru/documents/11876/> (дата обращения: 11.08.2021).

¹ Приказ Минэкономразвития России от 30 декабря 2020 г. № 877 «Об утверждении Порядка формирования и ведения реестра испытательных лабораторий (центров), соответствующих принципам надлежащей лабораторной практики, соответствующим принципам надлежащей лабораторной практики Организации экономического сотрудничества и развития, о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 4 апреля 2014 г. № 203 и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России по вопросам аккредитации в национальной системе аккредитации». URL: <https://fsa.gov.ru/documents/12301/> (дата обращения: 11.08.2021).

² Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе (Алматы, 02.02.2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/556691559/> (дата обращения: 18.08.2021).

является цифровой маркировкой, идентичной российской цифровой маркировке «Честный знак». В частности, система «Честный знак» создана центром развития перспективных технологий для реализации глобальных проектов в цифровой экономике. Как постулируется на сайте организации «честныйзнак.рф», система сочетает цифровое решение маркировки товаров и инструмент общественного контроля. При этом вхождение производителей в систему является добровольным, предполагается, что благодаря этому возможно повышение доверия потребителей и контрагентов к продукции участников системы.

Функционирование системы «Честный знак» осуществляется через присвоение каждому товару уникального кода (DataMatrix код), гарантирующего подлинность и качество товара. Данный цифровой код наносится на упаковку товара производителем или, в случае трансграничного перемещения товаров, импортер наносит цифровой код на товар. Благодаря цифровому коду можно отследить весь путь продвижения товара от производителя до потребителя, что позволяет не только избежать фальсификации, но и исключить возможность повторного вывода на рынок товаров с истекшим сроком годности.

С 1 июля 2020 г. цифровая маркировка «Честный знак» стала обязательной для табачной продукции, обуви и лекарственных средств. Производители этой продукции должны наносить на каждый товар уникальный DataMatrix код и регистрировать продукцию в системе «Честный знак». В дальнейшем маркировка «Честный знак» будет обязательной для целого ряда товаров, в частности, фотоаппаратов, шуб, шин и покрышек, товаров легкой промышленности, духов и туалетной воды. Однако расширение перечня товаров затрудняется на практике в связи с пандемийной обстановкой и недостаточной готовностью производителей к внедрению системы в полном объеме.

Вместо этого в пространстве ЕАЭС стал реализовываться альтернативный сценарий принуждения к соответствию через инструменты таможенного регулирования.

К первой группе мер «принуждения к исполнению» относится комплекс мер по сертификации (ДС/СС) при ввозе импортных товаров (в том числе из ЕАЭС) для перепродажи и для собственной переработки. Данное решение должно отменить нормы решения Коллегии ЕЭК от 25.12.2012 г. и в случае принятия устанавливает прямой запрет на реализацию товаров, которые ввезены на территорию России с целью переработки либо для собственных нужд по соответствующим международным сертификатам. Иными словами, при ввозе запасных частей и комплектующих для бытовой техники, автомобилей и прочих предметов потребления со сложными конструктивными элементами и их реализации на территории РФ потребуются получение специального сертификата на территории России, что требует экспертизу данных товаров и их «ресертификацию». В свою очередь, для целей переработки пока достаточно зарубежного сертификата.

До принятия данного постановления использование таможенных запретов в качестве инструмента технического регулирования обкатывается в

рамках Распоряжения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 сентября 2021 г. № 143 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии “О Порядке ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия на таможенной территории Евразийского экономического союза”». Первой отраслью, которая столкнулась со сложностями новаций в сфере технического регулирования через таможенные инструменты, стала розничная продажа алкоголя. Крупные дистрибьютеры алкогольной продукции итальянского и французского производства разрывают контракты на поставку ликеров, шампанских и крепленых вин на территорию РФ. Предтечей этому является кейс об ограничении ввоза Кампари. Особенностью их случая является фактическая невозможность в короткие сроки сертифицировать вермут для прохождения таможенного барьера в силу неполноты Технического регламента об алкогольной продукции, а также отсутствия квалифицированных экспертных лабораторий для проведения тестирования.

Примечательно, если раньше система технического регулирования в силу своей невнятности на ранних стадиях своего развития скорее дополняла внешнеторговую «войну», выступая крайним и сильнодействующим инструментом секционной борьбы. На сегодняшний же день, закрепившись на уровне ЕАЭС, система технического регулирования начинает использовать таможенное регулирование для достижения своих функций по доведению до соответствия. Однако реализация этого процесса происходит не по пути ЕС, где для повышения товарооборота между странами Восточной и Западной Европы техническое регулирование снижало таможенные барьеры посредством создания исключительных мер и процедур движения товаров «местного» производства. Наоборот, в ЕАЭС и в России происходит ужесточение и унификация правил, результатом чего является сокращение объемов торговли и как следствие товарного разнообразия.

Выводы и рекомендации

Из этого следует вывод о непоследовательности направлений трансформации системы технического регулирования в России. С одной стороны, следует констатировать сокращение объема требований и величины проверок в России, что приводит к выявлению проблем с качеством товаров российских товаропроизводителей на рынках ЕАЭС. Номинально выстроенная система верифицируется элементами развитой системы ЕС, но существенным образом отличается в зависимости от стран-членов. Так, в России институты технического регулирования характеризуются формальностью и фрагментированностью, что создает рынок услуг в области сертификации и декларирования соответствия. Следует отметить, что в развитых странах с рыночной экономикой наличие такого рынка является естественным следствием сложности процедур контроля качества. Однако в России, в отличие от ЕС, услуги по оценке и повышению качества товаров

не направлены на утверждение реального качества, делая акцент на бумажном соответствии. В результате многие из функций системы технического регулирования в России носят декларативный характер и в случае реальной оценки качества выявляют более чем существенные объемы несоответствий. Примером тому является опыт Казахстана по мониторингу качества потребительских благ, в рамках которого российские производители занимают статус лидеров по уровню оппортунизма.

С другой стороны, в ЕАЭС происходит ужесточение процедур контроля качества в рамках проектов по цифровой трансформации системы технического регулирования. Вводятся дополнительные элементы учета товара GLN и GTIN, а также маркировки «Честный знак». Несмотря на цель сократить уровень неопределенности и сбалансировать механизмы обеспечения качества, подобные новшества зачастую являются барьером входа на рынок новых участников. В частности, наиболее уязвимыми к цифровым новациям стали импортеры товаров на территорию России.

Во многом противоречия в трансформации системы технического регулирования обусловлены децентрализованным характером принимаемых мер: если нормы и правила технического регулирования принимаются в форме решений ЕЭК, то инструменты контроля принимаются и реализуются в российском случае Минэкономразвития, Минпромом, Росстандартом, Роскачеством и т.п. Единого субъекта, осуществляющего централизованный контроль над качеством благ и администрирующего систему, в пространстве ЕАЭС нет.

Таким образом, на основании исследования путей трансформации институтов технического регулирования отметим следующие рекомендации по изменению их содержания в сфере регламентации качества потребительских благ с целью их последующего экспорта.

Во-первых, представляется целесообразным расширить полномочия ЕЭК посредством наделения соответствующей коллегии по техническому регулированию полномочиями по оценке деятельности профильных органов власти, ответственных за деятельность по оценке качества, на уровне стран-участников ЕАЭС.

Во-вторых, для повышения эффективности проекта «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза» целесообразно разработать единую систему знаков качества на территории ЕАЭС, а также систему аккредитации компаний, способных реализовывать декларацию соответствия.

Литература

1. Капогузов Е.А., Чутин Р.И. Новые тренды институциональных изменений системы технического регулирования качества потребительских благ в ЕАЭС // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 235–248.

2. Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 11–30.

3. Becker G. Public Policies, Pressure Groups, and Dead-Weight Costs // Journal of Public Economics. 1985. Vol. 28. P. 329–347.

4. Эмар-Дюверне Ф. Конвенции качества и множественность форм координации // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 104–116.
5. Ковалев В.Е., Сёмин А.Н. Резильентность агропродовольственного рынка России в условиях таможенных дисбалансов евразийской интеграции // Journal of New Economy. 2021. Т. 22, № 3. С. 28–43.
6. Тамбовцев В.Л. Теории государственного регулирования экономики. М. : ИНФРА-М, 2010. 158 с.
7. Нурашев Т.Б. Инструменты технического регулирования и стандартизации помогут оцифровать союзную экономику // Стандарты и качество. 2019. № 3. С. 64–65.
8. Моргун В.Н., Мельник Т.В. Мониторинг качества товаров как эффективный метод контроля потребительской продукции // Контроль качества продукции. 2018. № 11. С. 47–52.
9. Meijer F., Visscher H. Quality control of constructions: European trends and developments // International Journal of Law in the Built Environment. 2017. Vol. 9 (2). P. 143–161.
10. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Импортзамещение в мясной промышленности: экспансия за доллар // ЭКО. 2020. № 11. С. 104–123.
11. Сысоева Е.А. Цифровые технологии для идентификации качественных и безопасных товаров на потребительском рынке // Цифровая экономика, умные инновации и технологии : сборник трудов Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб., 2021. С. 384–387.
12. Сысоева Е.А., Рожкова Т.А. Цифровые технологии – современный инструмент обеспечения качества и безопасности продукции на потребительском рынке // Качество и жизнь. 2021. № 2 (30). С. 19–25.

Paradoxes of the Export of Technical Regulation Institutions to the EAEU Space

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 67–80. DOI: 10.17223/19988648/56/5

Evgeniy A. Kapoguzov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: egenk@mail.ru

Roman I. Chupin, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roman-chupin@ya.ru

Keywords: technical regulation, export of institutions, digital transformation, monitoring of consumer goods quality.

The article was prepared based on the results of research on the topic “Russia’s Participation in the Export and Import of Institutions” carried out at the expense of budgetary funds for the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

The article examines the issues of the import and re-export of technical regulation institutions from the EU to the Eurasian Economic Union (EAEU). The research problem is to identify the specifics of institutional changes in technical regulation in the context of the development of supranational mechanisms in the EAEU and opportunities for the export of Russian technical regulation practices. The article aims to characterize the latest trends in technical regulation in the EAEU and to identify opportunities for the re-export of institutions. The article uses the methodology of institutional analysis, comparative and statistical methods. The architecture of the institutional environment of technical regulation in the EU with institutions similar in function in the EAEU is compared. Differences are observed in the target attitudes of stakeholders: in the formation of general principles of technical regulation, it is not consumer interests that are key, but the product’s objectified characteristics, which de facto are determined by state and non-profit organizations. The article shows that the formation of a technical regulation system common for the EAEU countries exposed the deep institutional problems of the import and re-export of institutions in the EAEU, which leads to

difficulties in the export of food products from Russian producers. The introduction of new institutions under the project “Digital Technical Regulation of the Eurasian Economic Union” partially contributed to the implementation of the idea of improving product quality and consumer market information transparency, in particular, the introduction of digital marking. Based on the study of the ways of the transformation of technical regulation institutions, some recommendations are made for changing the technical regulation of consumer goods quality.

References

1. Kapoguzov, E.A. & Chupin, R.I. (2021) New trends of institutional changes in the system of technical regulation of the consumer goods quality in EAEU. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Russian Journal of Economics and Law*. 2 (15). pp. 235–248. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.2.235-248
2. Glaz'ev, S.Yu. (2020) On the Strategic Directions of the EEU Development. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika – Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 1. pp. 11–30. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2020-1-11-30
3. Becker, G. (1985) Public Policies, Pressure Groups, and Dead-Weight Costs. *Journal of Public Economics*. 28. pp. 329–347. DOI: 10.1016/0047-2727(85)90063-5
4. Emar-Dyuverne, F. (1997) Konventsii kachestva i mnozhestvennost' form koordinatsii [Quality conventions and multiple forms of coordination]. *Voprosy ekonomiki*. 10. pp. 104–116.
5. Kovalev, V.E. & Semin, A.N. (2021) Resilience of Russia's agri-food market under customs imbalances of the Eurasian integration. *Journal of New Economy*. 3 (22). pp. 28–43. (In Russian). DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-3-2
6. Tambovtsev, V.L. (2010) *Teorii gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki* [Theories of State Regulation of the Economy]. Moscow: INFRA-M.
7. Nurashev, T.B. (2019) Technical regulation and standardization will help to digitize the EAEU economy. *Standarty i kachestvo – Standards and Quality*. 3. pp. 64–65. (In Russian).
8. Morgun, V.N. & Mel'nik, T.V. (2018) Monitoring the quality of goods as an effective method of control of consumer products. *Kontrol' kachestva produktsii – Production Quality Control*. 11. pp. 47–52. (In Russian).
9. Meijer, F. & Visscher, H. (2017) Quality control of constructions: European trends and developments. *International Journal of Law in the Built Environment*. 9 (2). pp. 143–161.
10. Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I. & Kharlamova, M.S. (2020) Import substitution in the meat industry: expansion for one dollar. *EKO – ECO*. 11. pp. 104–123. (In Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-104-123
11. Sysoeva, E.A. (2021) [Digital technologies for identification of quality and safe goods in the consumer market]. *Tsifrovaya ekonomika, umnye innovatsii i tekhnologii* [Digital Economy, Smart Innovations and Technology]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saint Petersburg. 18–20 April 2021. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS. pp. 384–387. (In Russian). DOI: 10.18720/IEP/2021.1/121
12. Sysoeva, E.A. & Rozhkova, T.A. (2021) Digital technology as a modern tool ensuring the quality and safety of products in the consumer market. *Kachestvo i zhizn' – Quality and Life*. 2 (30). pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-19-25

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

УДК 332.1; 334

DOI: 10.17223/19988648/56/6

О.С. Краснов, В.А. Салихов

ВЛИЯНИЕ КЛАСТЕРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ И НА ПЕРЕХОД К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ УКЛАДАМ

В связи с необходимостью перехода промышленного производства Российской Федерации к пятому и шестому технологическим укладам на примере Кемеровской области рассмотрены перспективы экономического и социально-экологического развития ее горнопромышленных регионов на основе реализации кластерного подхода. Предложены методологические принципы исследований, основные из них: системность, комплексность, динамичность развития и оптимальность, т.е. выбор наилучших путей развития путем комбинирования. Рассмотрены характеристики экономических кластеров, условия и этапы их формирования, а также основные типы кластеров. Особое внимание уделено возможностям формирования экономических кластеров на основе развития агломераций в Кемеровской области. При этом оценен имеющийся опыт создания кластеров в Кемеровской области. Отмечено, что, несмотря на начало их деятельности, в структуре экспорта региона по-прежнему преобладают уголь, кокс и металлургическая продукция. Предложено формирование ряда перспективных кластеров, сначала техногенного и экологического, а далее – создание кластеров в обрабатывающих отраслях и в сфере услуг. Обоснована эффективность формирования экономических кластеров на основе концепции устойчивого развития на уровне регионов, которое должно проводиться в рамках ГОСТ Р ИСО 9001-2015 – улучшение результатов деятельности предприятий и организаций за счет инициатив, направленных на устойчивое развитие. В целом положительно оценены перспективы предложенных для формирования в Кемеровской области кластеров, благоприятных для инновационного развития и дальнейшего перехода промышленного производства региона к пятому и шестому технологическим укладам.

Ключевые слова: технологический уклад, экономическое и социально-экологическое развитие, горнопромышленный регион, методология исследований, кластерный подход, агломерация, устойчивое развитие

Введение

В настоящее время в развитых странах завершается переход к пятому и начинается переход к шестому технологическому укладу третьей промышленной революции. Он связан с инновационными преобразованиями и предполагает значительные экономические, социальные, экологические, организационные и структурные изменения в промышленном производстве отдельных стран и мира в целом. Основные отрасли третьего техноло-

гического уклада тяжелое машиностроение и электротехническая промышленность, четвертого – автомобилестроение, цветная металлургия и нефтехимия, пятого – электроника, микроэлектроника, информационные технологии и зеленые технологии. В шестом технологическом укладе основными отраслями становятся нанотехнологии (в том числе биотехнологии) и самоуправляемые («умные») технологии. Так, в США удельный вес отраслей промышленности пятого технологического уклада составляет 60 %, четвертого – 20 %, а шестого – уже 10 %. При этом в России только 10 % отраслей пятого технологического уклада, зато четвертого – 50 %, а третьего – 30 %¹.

Очевидно, что для РФ актуальна проблема перехода к высокотехнологичному производству. Особенно актуальна она для горнопромышленных регионов с развитыми топливно-энергетическим и горно-металлургическим комплексами промышленности. Здесь требуются глубокая переработка и обогащение добываемых полезных ископаемых, выпуск металлургической продукции так называемого четвертого передела (обработка цветных металлов, твердосплавная металлургия и т.д.) и на этой основе выпуск продукции машиностроительного комплекса.

Это позволит увеличить удельный вес обрабатывающих отраслей промышленного производства и объемы продукции с высокой добавленной стоимостью. Большой объем накопленных на территориях регионов промышленных отходов требует решения социальных и экологических проблем. Также необходим отход от узкой специализации отраслей производства, порождающих проблемы моногородов (в первую очередь, безработицу).

В целом успешное развитие экономики РФ и особенно ее горнопромышленных регионов во многом связано с проблемами инновационного обновления промышленного производства и преодоления сырьевой зависимости, что требует новых подходов к региональной промышленной и научно-технической политике, а также – дальнейшего повышения организации и интеграции производительных сил.

Основная цель данного исследования – это оценка перспектив эффективного экономического и социально-экологического развития горнопромышленных регионов на примере Кемеровской области путем создания и развития на ее территории экономических кластеров. Для этого в работе предложены методологические принципы исследования экономических и социально-экологических проблем развития горнопромышленных регионов России; рассмотрены наиболее используемые классификации экономических кластеров; оценены опыт и дальнейшие перспективы создания экономических кластеров в Кемеровской области с учетом их влияния на развитие региона в рамках концепции устойчивого развития.

Научная новизна данного исследования заключается в его междисциплинарном характере, включающем горно-геологический, технологиче-

¹ Технологические уклады – волны и цикличность. URL: <https://viafuture.ru/catalog-idej/tehnologicheskij-uklad> (дата обращения: 4.03.2021).

ский, экологический, экономический и региональный аспекты. Имеющийся в Кемеровской области задел по созданию кластеров не оказывает в настоящее время существенного влияния на изменение структуры ее промышленного производства [1]. Поэтому в работе уделено особое внимание теоретическим предпосылкам и условиям развития кластеров именно в индустриальных регионах.

Основная идея заключается в том, что здесь устойчивое экономическое и социально-экологическое развитие должно быть основано на последовательной схеме формирования кластеров от техногенных и экологических (кластеры по переработке отходов минеральных ресурсов) до кластеров по развитию социальной инфраструктуры. Это позволяет обосновать наиболее перспективные направления кластерного развития в таком классическом горнопромышленном регионе, как Кемеровская область.

Методологические принципы исследований

Для исследования экономических и социально-экологических проблем развития горнопромышленных регионов России, в первую очередь, предлагается использовать общенаучные методологические принципы.

Принцип системности. Сам кластер рассматривается как система, состоящая из многих участников с различными связями между собой, а также связями с внешней средой [2]. Кроме того, принцип системности предполагает рассмотрение экономических, социальных, экологических, технологических и прочих аспектов реализации кластерных проектов.

Принцип комплексности. Согласно этому принципу при исследовании создания и формирования экономических кластеров в регионе учитываются влияющие на них внешние (политические, юридические, экономические, социальные, экологические, природно-географические и т.д.) и внутренние (характеризующие деятельность предприятий и организаций – участников кластеров) факторы [2].

Принцип комплексности также предполагает проведение исследований на основе социально-экономических и социально-экологических методов, необходимых для решения проблем формирования и развития кластеров в регионе.

Кроме того, для программно-целевого планирования деятельности участников кластеров могут применяться вероятностно-статистические методы, экстраполяция, различные экспертные методы, методы экономико-математического моделирования, факторный анализ. Программно-целевой метод тесно связан с нормативным и балансовым методами планирования [2].

Кроме того, предлагается использование ряда специфических экономических, методологических принципов исследований [2].

Принцип оптимальности, направленный на выбор наилучших путей достижения результатов кластерного проекта путем комбинирования.

Принцип динамичности, предусматривающий систематическое отслеживание ситуации во внешней среде, особенно внешних экономических,

социальных и экологических факторов, для принятия участниками кластеров адекватных решений.

Принцип опережающего развития, предполагающий прогноз ситуации на конкурентных рынках (региональных, национальных и мировых) на ближайшие годы, что позволяет эффективнее планировать развитие хозяйственной деятельности экономических кластеров.

При исследовании проблем развития кластеров также применимы следующие методологические принципы, которые можно считать специфическими не только для экономических исследований в целом, но и для исследования именно экономических кластеров [2]:

- принцип синергизма, означающий совместные системные действия участников регионального кластера для достижения общих целей;
- принцип минимизации затрат средств и времени (или принцип экономичности) в сочетании с принципом эффективности – высокими результатами деятельности участников кластера при наименьших издержках;
- принцип адаптации к внешней среде и принцип мотивации, т.е. выгоды от участия в кластере.

Теоретические основы кластерного подхода к развитию регионов

В качестве одного из эффективных механизмов реализации инновационной научно-технической политики развития промышленного производства в мире сейчас используются экономические кластеры. Они являются эффективным средством для повышения конкурентоспособности территорий, а также для стимулирования экономического и социально-экологического развития регионов (роста ВРП и количества доходных предприятий, увеличения занятости, улучшения экологической ситуации за счет внедрения малоотходных и безотходных технологий и т.д.).

Термин «кластер» пришёл в экономику, как и в другие науки, из ядерной физики, где он обозначает коррелированную группу элементарных частиц, обладающих в определенные моменты времени определенными характеристиками. В экономике кластеры образуются в определенный момент времени, когда складывается благоприятная ситуация по разработке, изготовлению и выпуску дефицитной продукции, чем могут воспользоваться субъекты хозяйственной деятельности. Как правило, такая продукция является наукоемкой, поэтому в ее выпуске участвуют, кроме производственных организаций, также научно-исследовательские, конструкторские и проектные организации.

Деятельность кластеров в экономике страны (региона) можно сравнить с динамичной картинкой калейдоскопа, которая изменяется под влиянием рыночной конъюнктуры. Экономические кластеры изменяются из-за воздействия внутренних и внешних факторов (их учет обоснован в методологических принципах исследований). К внутренним факторам относятся характеристики хозяйствующих субъектов, определяющие их экономический потенциал и конкурентоспособность. К внешним факторам – эконо-

мическая ситуация в стране и мире, а также правовые, социальные, природно-климатические и прочие аспекты хозяйственной деятельности. Варианты хозяйственной деятельности определяются путем комбинирования и выбора объектов разработки, методов производства, типов продукции и услуг. Количественные критерии выбора – это, в первую очередь, экономический, социальный, экологический и косвенный эффекты, получаемые в результате выбора оптимального варианта хозяйственной деятельности. При этом учитываются природные ресурсы и промышленное производство регионов¹.

Поэтому кластерный подход тесно связан с концепцией устойчивого развития. Устойчивое развитие (от англ. *sustainable development* – гармоничное, правильное, равномерное, сбалансированное развитие) – это процесс изменений, при котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений. Концепция устойчивого развития включает экономическую, социальную и экологическую составляющие. Экономическая составляющая предполагает оптимальное использование ограниченных природных и искусственных ресурсов за счет использования ресурсосберегающих и малоотходных технологий. Социальная составляющая ориентируется на человека и направлена на сохранение стабильности социальных и культурных систем, а также на справедливое распределение благ между людьми. Экологическая составляющая направлена на обеспечение целостности биологических и физических природных систем².

А. Маршалл в конце XIX в. исследовал концентрации специализированных производств в отдельных районах и обосновал условия их образования [3]:

- 1) доступность необходимого квалифицированного труда;
- 2) рост поддерживающих и вспомогательных отраслей;
- 3) специализация различных фирм на разных стадиях и сегментах производственного процесса.

А. Маршалл первым стал называть такие районы индустриальными, но большинство работ по их изучению относится уже ко второй половине XX в. и началу XXI в. [4, 5]. Так, Э. Бергман и Э. Фезер предложили следующие концепции кластерной теории [6]:

- 1) внешние эффекты;
- 2) инновационное окружение;
- 3) конкуренция (кооперативная и межфирменная);
- 4) зависимость от предшествующего пути развития.

¹ Салихов В.А., Краснов О.С., Король Л.Н. Некоторые аспекты промышленного развития Западно-Сибирского региона на основе реализации кластерного подхода // Лизинг. Технологии бизнеса. 2018. № 6. С. 32–38.

² Салихов В.А., Новиков Н.И. Некоторые аспекты экономической оценки техногенных месторождений как перспективного сырья для металлургической промышленности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 1 (33). С. 38–54.

Внешние эффекты представлены агломеративным эффектом (экономия издержек, рост конкурентоспособности благодаря близости к другим фирмам), а также маршалловской теорией фирмы как организации, ведущей к экономии в масштабах производства. Инновационное окружение чаще всего, рассматривается как инновационная среда региона (научные школы, научные кадры, научная инфраструктура, банки данных и т.д.). Межфирменная конкуренция, безусловно, стимулирует участников кластера на более эффективную деятельность. Кооперативная конкуренция, по мнению ряда ученых, при создании и развитии индустриального кластера меняется на эффективное сотрудничество его участников [7]. Зависимость от предшествующего пути развития определяет промышленное развитие региона, применяемые в производстве технологии и во многом влияет на направление и условия развития в нем экономических кластеров.

Как было сказано выше, сам термин «кластер» пришел в экономику из ядерной физики, активно развивающейся с начала XX в. Считается, что в 1990 г. его впервые применил М. Портер для характеристики конкурентоспособности фирм [7]. Однако термин «кластер» использовался рядом ученых (А.П. Горкиным, Л.В. Смирнягиным, К. Фредрикссоном и Л. Линдмарком) в экономической географии с 1970-х гг. при характеристике скоплений предприятий на отдельных территориях [6], а инструменты кластера (под другими названиями) известны с начала ремесленного производства, т.е. со времени 1-го технологического уклада, и применяются в процессе всей промышленной революции. С последней четверти XX в. кластеры становятся одним из основных факторов экономического развития регионов, повышения их конкурентоспособности.

Следует отметить, что теория кластеров во многом сформировалась на основе теории размещения производства Й. Тюнена, В. Лаундхардта, А. Вебера, А. Лёша и теории региональной специализации А. Смита, Д. Рикардо, Э. Хекшера и Б. Олина [6]. Этими экономистами были выявлены факторы, влияющие на агломерацию определенных типов производств на территориях конкретных регионов. Таким образом, были сформулированы предпосылки для формирования в регионах экономических кластеров.

В настоящее время особенностям развития в регионах кластеров посвящено много трудов не только зарубежных, но и отечественных ученых-экономистов [1, 2, 6, 8–10]. Кластерная теория позволяет разрабатывать механизмы повышения конкурентоспособности на уровне регионов и отдельных стран, а также основные положения инновационной научно-технической и промышленной политики с учетом взаимодействия малого, среднего и крупного бизнеса.

Теория кластеров, отраженная в трудах отечественных и зарубежных ученых, определяет их следующие характеристики:

- специализацию – каждый экономический кластер предполагает ту или иную специализацию производства [3];
- инновационность – выпуск новой, востребованной продукции происходит на основе инновационных технологий [6];

- множественность участников – для выпуска новой инновационной продукции объединяются производственные предприятия, научно-исследовательские, конструкторские, проектные и прочие организации [7];
- жизненный цикл – каждый кластер проходит определенные стадии развития, при этом выделяются общие стадии или этапы развития.

Жизненный цикл кластера включает пять этапов [6, с. 79].

1. Агломерация. На конкретной территории имеется некоторое количество компаний и других организаций.

2. Возникающий кластер. Определенные участники агломерации кооперируются вокруг определенного вида деятельности и реализуют свои возможности на основе взаимодействия.

3. Развивающийся кластер. Расширяются контакты между членами кластера, вовлекаются новые участники на уровне региона, создаются новые формальные и неформальные институты поддержания сотрудничества.

4. Зрелый кластер. Достигается критическая масса действующих субъектов. Кластер укрепляет связи во внешней среде, с другими кластерами, направлениями деятельности и регионами. Изменения в развитии внутренней среды способствуют появлению новых фирм, совместных предприятий и т.д.

5. Трансформация. Со временем рынки, технологии и процессы изменяются, что создает предпосылки к изменению самих кластеров. При этом кластер должен быть восприимчив к инновациям и уметь адаптироваться в быстро меняющейся экономической среде. Кроме того, возможно преобразование кластера в один или несколько новых кластеров, которые переходят на новую деятельность или меняют механизмы функционирования.

Начало формированию кластеров дает агломерация как развивающаяся форма расселения и территориальной организации хозяйства. В основе агломерации лежит так называемая «теория полюсов», получившая свое развитие в трудах Ж. Будвиля о региональных полюсах роста, П. Потье – об осях развития, а также в трудах шведского экономиста Г. Мюрдаля [6]. В основе данной теории лежит понимание того, что экономическое развитие концентрируется вокруг крупных промышленных, научных, торговых центров – своеобразных «полюсов», которые способствуют повышению эффективности слаборазвитых районов. В итоге агломерации, сосредоточивая в себе огромный научно-технический, производственный и социально-культурный потенциал, становятся основными базами ускорения научно-технического прогресса в регионе.

Формирование кластеров начинается с наличия предпосылок создания агломераций. В экономике основными предпосылками образования агломераций являются [4, 5]:

- наличие развитой сети автомобильных дорог;
- регулярное транспортное сообщение между населенными пунктами;
- интенсивное взаимодействие между населенными пунктами;
- наличие сложившихся производственных связей;
- развитость инфраструктуры вдоль транспортных магистралей;
- наличие свободных земель вокруг городов.

Сами экономические кластеры подразделяются на ряд типов. К основным типам, как правило, относят следующие кластеры.

«Маршаллианские» кластеры, ядром которых являются объединенные мелкие фирмы из одной отрасли, получающие экономию от масштаба благодаря совместному (вследствие компактного расположения) использованию общих ресурсов [6].

«Радиальные» кластеры образуются, как правило, крупными сборочными предприятиями автомобильной и электронной отраслей промышленности. При этом одна или несколько из этих фирм являются градообразующим предприятием и соответственно «центром» для экономики региона [6].

«Спутниковые» кластеры – это совокупность фирм, ориентированных на поставку своей продукции предприятию, которое является внешним по отношению к данному кластеру [6].

«Прикованные к государству» кластеры – ядром подобного рода кластеров является крупное государственное предприятие, такое как военная база, оборонный завод, университет. Предпосылкой создания кластера может стать государственный (оборонный) заказ. К этой же категории относятся технопарки, открытые по инициативе государства [9].

Исходя из данной классификации, можно сделать предположение о том, что в горнопромышленном регионе, в первую очередь, перспективно создание радиальных кластеров на основе предприятий топливно-энергетического и горно-металлургического комплексов. Иначе говоря, эффективным может быть формирование кластеров на базе промышленных агломераций, а уже после этого целесообразно формировать кластеры в новых отраслях региональной экономики. В первую очередь, в регионе необходима глубокая переработка сырья и промышленных отходов, а уже затем формирование кластеров в обрабатывающих отраслях промышленности и в сфере услуг. Предприятия базовой промышленности расширят спектр выпускаемой продукции за счет диверсификации производства, в том числе и за счет создания экономических кластеров, а участники кластеров получат от крупных предприятий инвестиционную поддержку для внедрения инновационных технологий. Участники венчурных проектов также получат льготы по налогообложению со стороны государства. Во вторую очередь, в регионе создадутся благоприятные возможности для формирования прочих типов кластеров (маршаллианских, спутниковых, «прикованных к государству», а также инновационных, «творческих», туристических и др.). В результате, проявится эффект мультипликатора – акселератора Дж.М. Кейнса. Инвестиции увеличат рост продаж потребительских товаров и услуг, что, в свою очередь, будет стимулировать рост инвестиций.

Во вводной части данной работы отмечено, что формирование экономических кластеров в горнопромышленных регионах РФ позволит решать проблемы их экономического и социально-экологического развития путем применения инновационных технологий на основе концепции устойчивого развития и концепции региональных ресурсных циклов. Для более объективной оценки перспектив дальнейшего развития горнопромышленных

регионов следует оценить имеющийся опыт по созданию в них кластеров. Это, в свою очередь, позволит обосновать наиболее перспективные направления для создания и успешного развития в этих регионах новых экономических кластеров.

Опыт и перспективы развития кластеров в Кемеровской области

Проблемы эффективного экономического и социально-экологического развития горнопромышленных регионов особенно актуальны для Западной Сибири с развитыми сырьевыми отраслями промышленного производства. Здесь крайне актуальна задача по развитию обрабатывающих отраслей, поскольку промышленные предприятия производят и экспортируют в основном сырьевую продукцию. В этом во многом заключается специфика кластерного подхода к развитию экономики Западной Сибири и ее горнопромышленных регионов, таких как Кемеровская область (Кузбасс).

Для этого горнопромышленного региона большое значение имеет повышение экономической эффективности и рациональности работы предприятий топливно-энергетического и горно-металлургического комплексов. Кроме того, необходимо развитие отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь, на основе базовых отраслей промышленности. Также необходимо развитие легкой и пищевой промышленности, сферы услуг и т.д. Выпуск качественных товаров и услуг возможен за счет развития кластеров с участием производственных предприятий, проектных, конструкторских и научно-исследовательских организаций региона, а также с участием представителей и коллективов вузовской науки.

К настоящему времени в Кемеровской области создан ряд экономических кластеров [1]. В 2012 г. создан кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов», направленный на первую стадию переработки отходов горно-обогатительных и металлургических производств, а также переработки промышленных отходов. Созданный в 2014 г. биомедицинский кластер нацелен на повышение конкурентоспособности и качества медицинских услуг за счет внедрения инновационных биотехнологий (шестой технологической уклад). С 2011 г. запущен инвестиционный проект «Создание туристско-рекреационного кластера “Шерегеш”» (ТРК “Шерегеш”)), направленный на расширение спектра туристских услуг в регионе и повышение конкурентоспособности предприятий туристско-рекреационного комплекса. В 2016 г. в Кемеровской области создан агропромышленный кластер, который должен способствовать повышению конкурентоспособности производителей сельскохозяйственной, пищевой продукции и обеспечивать продовольственную безопасность региона. С сентября 2017 г. в регионе создается кластер легкой промышленности.

При этом необходимо отметить, что структура промышленного производства региона за 2011–2016 гг., оцененная посредством коэффициентов локализации производства, душевого производства и региональной товарности, изменилась незначительно. Основой экспорта по-прежнему является

ся уголь. Например, коэффициент региональной товарности (отношение вывоза из региона конкретной продукции к ее региональному производству) по углю за период 2014–2016 гг. изменился незначительно (с 0,98 до 0,93). Также существенную часть экспорта составляют кокс, полукокс, нефть и нефтепродукты (привозное сырье), металлургическая продукция (полуфабрикаты из железа и нелегированной стали, сталь) [1, с. 1211]. Экспорт угольной продукции увеличивался в 2017–2018 гг. в среднем на 5 % в год (коэффициент региональной товарности менялся от 0,93 до 0,95). В 2019 г. отмечено снижение экспорта угля на 4 %. В целом эти данные свидетельствуют о сохранении специализации Кузбасса по добыче полезных ископаемых.

Очевидно, что для дальнейшего эффективного развития Кузбасса необходима продукция более высоких стадий передела кластера «Комплексная переработка угля и техногенных отходов», а также дальнейшее развитие имеющихся и создание новых кластеров, не связанных с базовыми отраслями региона.

По нашему мнению, локомотивом кластерного развития являются базовые отрасли промышленности региона – предприятия топливно-энергетического и горно-металлургического комплексов. Применение инновационных технологий по добыче и переработке углей, выпуску продукции металлургических предприятий, а также по переработке промышленных отходов позволит перейти к диверсификации производства и созданию кластеров в обрабатывающих отраслях промышленности и в сфере услуг.

Так, дальнейшее развитие угольной отрасли промышленности предполагает широкое внедрение глубокой переработки угля, т.е. создание угольного кластера. Одним из основных направлений формирования угольного кластера является извлечение из углей и их золошлаковых отходов (ЗШО) редких и редкоземельных металлов, образующих там повышенные концентрации. Из накапливаемых за год зольных отвалов (около 3 млн т) можно извлечь не менее 100 т титана, циркония, стронция, десятки тонн ванадия, галлия, несколько тонн ниобия, германия и ряда других редких металлов. Всего в Кемеровской области накоплено около 100 млн т ЗШО.

Другие перспективные направления – это глубокая переработка углей с получением различных органических веществ, добыча метана из угольных пластов (его прогнозные ресурсы в Кузбассе более 13 трлн м³), получение из углей азотных удобрений, извести (бурые угли), цемента, кирпича и других стройматериалов.

Получение широкого спектра разнообразной продукции из углей Кузбасса и их отходов позволит существенно увеличить экономическую эффективность разработки угольных месторождений, ввести в переработку золоотвалы энергетических предприятий, шламохранилища обогатительных фабрик, размещенные на территории Кемеровской области. Определяются оптимальные объемы добычи энергетических и коксовых углей с учетом требований рационального природопользования и экологической безопасности.

В связи с основными мировыми трендами в РФ в ближайшие годы прогнозируется рост производства продукции, в состав которой входят редкие металлы – это мобильные телефоны, смартфоны, компьютеры и т.д. С учетом истощения минерально-сырьевой базы становится актуальным и перспективным извлечение дефицитных редких и редкоземельных металлов из различных техногенных отходов энергетических и металлургических предприятий, а также использование металлолома. В целом извлечение цветных и редких металлов из ЗШО углей и техногенных отходов металлургических предприятий (в Кузбассе их накапливается более 15 млн т в год) предполагает формирование техногенного кластера.

Конкурентоспособность таких наукоемких производств в Кемеровской области будет перспективной согласно параметрам «правила ромба» [7]: стратегии развития региона, спроса на цветные металлы, факторов производства (оборудования, технологий, техногенного сырья), родственных и поддерживающих отраслей (горно-металлургического комплекса). Получение разнообразной инновационной продукции позволит уйти от сырьевой специализации экономики региона, а также – от неустойчивого спроса на уголь и металлы, перманентно проявляющегося после мирового кризиса 2008 г. Использование редких и редкоземельных металлов позволит развивать электронику и микроэлектронику, т.е. отрасли пятого технологического уклада. Затем возможен переход к активному развитию нанотехнологий и различных «умных» технологий – отраслей уже шестого технологического уклада.

В связи с созданием техногенного кластера большое значение приобретает связанное с этим формирование экологического кластера. Экологический кластер можно рассматривать как совокупность предприятий и организаций, являющихся звеньями одной цепи производства, в основе деятельности которых лежат зеленые технологии (отрасли пятого технологического уклада). При этом зеленые технологии должны применяться во всех сферах промышленного производства.

В целом создание техногенного и экологического кластеров в Кемеровской области повысит рациональность использования природных ресурсов и снизит негативное промышленное воздействие на окружающую природную среду (рис. 1) [11, с. 89].

Согласно концепции ресурсных циклов, рационализация природопользования оказывает благоприятное влияние на важнейшие проблемы горно-промышленных регионов – инновационное развитие и диверсификацию промышленного производства, развитие агропромышленного (процессного), машиностроительного (дискретного), туристического и других кластеров¹.

¹ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 7.05.2021).

Рис. 1. Схема влияния техногенного и экологического кластеров на ресурсные циклы региона (на примере Кемеровской области)

Успешное развитие экологического кластера позволит развивать устойчивый туристический кластер на ООПТ в Кузнецком Алатау и Горной Шории. По этим территориям проходят популярные туристические маршруты (горный туризм, конные походы, сплав по рекам и т.д.). Благоприятная экологическая ситуация увеличит их количество и качество. Кроме того, именно в Горной Шории расположен горнолыжный курорт с международным статусом «Шерегеш». Таким образом, продолжится формирование туристско-рекреационного кластера «Шерегеш» (ТРК «Шерегеш»).

В Кемеровской области перспективно и дальнейшее развитие кластера по переработке сельхозпродукции, т.е. уже созданного агропромышленного кластера. При этом следует учесть, что в регионе около 100 тыс. га земли занято техногенными отходами. При их переработке освободится значительная территория, которая может быть использована и для отдельных видов сельскохозяйственной деятельности.

Современное оборудование требуется не только для добычи природных ресурсов, но и для их переработки. Поэтому в регионе, помимо налаженно-

го на Юргинском машиностроительном заводе выпуска добывающего оборудования для угольной отрасли, следует создавать машиностроительные кластеры, выпускающие комплектующие, оборудование, устройства и приборы для бытовых нужд населения.

Кроме того, для развития в регионе экономических кластеров, перспективность которых обоснована выше, также перспективным будет формирование кластера «Дорожное строительство», а в дальнейшем, при улучшении экономической и социально-экологической ситуации в Кемеровской области, кластеров «Жилищное строительство», «Дачное строительство» и «Социальная инфраструктура»¹.

В настоящее время в Кемеровской области (в городах Кемерово и Новокузнецк) начинает формироваться и культурный кластер. Его формирование связано с реставрацией имеющихся и строительством новых культурных объектов (драматические театры и кинотеатры, концертные залы, музеи, парки, площади, скверы, велодорожки и т.д.). Проведение на этих культурных объектах различных мероприятий сделает городскую среду для жителей Кемерово и Новокузнецка более благоприятной, а также более привлекательной и для жителей области, и для людей, проживающих в соседних регионах. Это, в свою очередь, позволит привлечь активных, грамотных и образованных людей для дальнейшего экономического и социально-экономического развития региона на основе создания разнообразных экономических кластеров.

Заключение

Решение проблем экономического и социально-экологического развития горнопромышленных регионов, рассмотрено на примере Кемеровской области. Это предполагает развитие кластеров с получением экономического, социального и экологического эффектов что связано с концепцией устойчивого развития. Одновременно с экономическим ростом должно улучшаться социальное положение работников, а также повышаться качество их жизни, что связано уже с улучшением экологической ситуации в регионе. Развитие кластеров должно учитывать многообразие их свойств и особенностей, что будет определять ассортимент выпускаемой продукции, производительность и эффективность реализуемых проектов. В целом устойчивое экономическое и социально-экологическое развитие должно быть основано на последовательной схеме формирования кластеров от техногенных и экологических (кластеры по переработке отходов минеральных ресурсов) до кластеров по развитию социальной инфраструктуры. Это позволяет выбирать перспективные направления развития кластеров в горнопромышленном регионе.

¹ Шабашев В.А., Барыльников В.В., Медведев Б.Н., Салихов В.А. Исследование особенностей Северо-Кузбасской и Южно-Кузбасской агломераций для обоснования условий перспективного развития региона // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 2 (38). С. 73–81.

Деятельность предприятий и организаций, входящих в кластеры, должна производиться на основе пятой версии международных стандартов ИСО, принятой в 2015 г. В рамках пятой версии в РФ был введен новый ГОСТ Р ИСО 9001-2015¹, соответствующий ISO 9001: 2015 «Quality management systems Requirements, IDT» – 23.09.2015 г. Цель новых стандартов – улучшение результатов деятельности предприятий и организаций за счет инициатив, направленных на устойчивое развитие.

С помощью кластерного подхода может быть решена и еще одна крайне актуальная для горнопромышленных регионов, таких как Кемеровская область, проблема – переход к пятому технологическому укладу, а в дальнейшей перспективе и к шестому технологическому укладу. Зеленые технологии, которые создаются в экологическом кластере, являются отраслями пятого технологического уклада. Кроме того, редкие и редкоземельные металлы, получение которых возможно в техногенном кластере, используются для развития электроники и микроэлектроники, т.е. также отраслей пятого технологического уклада. Затем редкие и редкоземельные металлы могут быть использованы для развития нанотехнологий и разнообразных «умных» технологий – отраслей шестого технологического уклада.

Литература

1. *Иванова О.П.* Взаимовлияние производственной специализации региона и внутрирегиональных кластеров // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1207–1220. DOI: 10.17059/12018 – 4–12
2. *Караева Ф.Е.* Идентификация региональных промышленных кластеров. Теория и практика. СПб. : Изд-во ГИ ЭФПТ, 2014. 160 с.
3. *Маршалл А.* Принципы политической экономии : в 3 т. М. : Прогресс, 1983 Т. 1. 416 с.
4. *Boja C.* IT clusters as a special type of industrials clusters // Informatica Economica. 2011. № 15 (2). P. 184–193.
5. *Clusters Genesis: Technology-Based Industrial Development* // Pontus raunerhjelm / ed. by M.P. Feldman. Oxford University Press, 2006. 352 p.
6. *Марков Л.С.* Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. 300 с.
7. *Портер М.Э.* Конкуренция. М. : Издательский дом «Вильямс», 2018. 608 с.
8. *Ксенофонтова О.Л.* Промышленные кластеры как фактор развития региона. Теоретический аспект // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2015. № 4 (44). С. 66–71.
9. *Марков Л.С., Ягольницер М.А.* Экономические кластеры: идентификация и оценка эффективности деятельности. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2006. 88 с.
10. *Ускова Т.В.* Развитие региональных кластерных систем // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1. С. 92–104.
11. *Салихов В.А., Краснов О.С.* Оценка влияния комплексного использования техногенных отходов на ресурсные циклы региона (на примере Кемеровской области) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 1 (41). С. 85–94.

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с поправкой). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 7.03.2021).

The Impact of Clusters on the Economic and Socio-Ecological Development of Mining Regions, and on the Transition to New Technological Modes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 81–96. DOI: 10.17223/19988648/56/6

Oleg S. Krasnov, VNIGRI-Geologorazvedka JSC (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: okrasnov@vnigri.ru.

Valeriy A. Salikhov, Novokuznetsk Branch of Kuzbass State Technical University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: salihov-va@yandex.ru

Keywords: technological mode, economic and socio-ecological development, mining region, research methodology, cluster approach, agglomeration, sustainable development.

In connection with the need for the transition of industrial production in the Russian Federation to the fifth and sixth technological modes, the prospects of the economic and socio-ecological development of its mining regions based on the implementation of the cluster approach are considered on the example of Kemerovo Oblast. The methodological principles of the research are proposed; the main ones are: consistency, complexity, dynamism of development, and optimality, i.e. the choice of the best ways of development via combining. The characteristics of economic clusters, the conditions and stages of their formation, and their main types are considered. Special attention is paid to the possibilities of forming economic clusters based on the development of agglomerations in Kemerovo Oblast. The existing experience of creating clusters in Kemerovo Oblast is evaluated. Although clusters began operating, coal, coke, and metallurgical products still predominate in the exports of the region. The formation of a number of promising clusters, first industry-related and environmental ones, later those in the manufacturing and service industries, is proposed. The effectiveness of forming economic clusters based on the concept of sustainable development at the regional level is substantiated. Clusters should be formed within the framework of GOST R ISO 9001-2015 – improving enterprise and organization performance through initiatives aimed at sustainable development. The clusters proposed for the formation in Kemerovo Oblast are favorable for the innovative development and further transition of the region's industrial production to the fifth and sixth technological modes. In general, the prospects of the clusters are assessed positively.

References

1. Ivanova, O.P. (2018) Influence of Regional Industrial Specialty to the Emergence of Intraregional Clusters. *Ekonomika regiona – Economy of Regions.* 4 (14). pp. 1207–1220. (In Russian). DOI: 10.17059/12018–4–12.
2. Karaeva, F.E. (2014) *Identifikatsiya regional'nykh promyshlennykh klasterov. Teoriya i praktika* [Identification of Regional Industrial Clusters. Theory and practice]. Saint Petersburg: Izd-vo GI EFPT.
3. Marshall, A. (1983) *Printsipy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Vol. 1. Moscow: Progress.
4. Boja, C. (2011) IT clusters as a special type of industrials clusters. *Informatica Economica.* 15 (2). pp. 184–193.
5. Raunerhjelm, P. & Feldman, M.P. (eds) (2006) *Clusters Genesis: Technology-Based Industrial Development.* Oxford: Oxford University Press.
6. Markov, L.S. (2015) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy klasterного podkhoda* [Theoretical and Methodological Foundations of the Cluster Approach]. Novosibirsk: Institute of Economic and Industrial Production Organizing SB RAS.
7. Porter, M.E. (2018) *Konkurentsya* [Competition]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vil'yam.
8. Ksenofontova, O.L. (2015) Industrial clusters as a factor in the development of the region: the theoretical aspect. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie – Modern High Technologies. Regional Application.* 4 (44). pp. 66–71. (In Russian).

9. Markov, L.S. & Yagol'nitser, M.A. (2006) *Ekonomicheskie klastery: identifikatsiya i otsenka effektivnosti deyatel'nosti* [Economic Clusters: Identification and evaluation of performance]. Novosibirsk: Institute of Economic and Industrial Production Organizing SB RAS.

10. Uskova, T.V. (2008) Development of the regional cluster systems. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz.* 1. pp. 92–104. (In Russian).

11. Salikhov, V.A. & Krasnov, O.S. (2018) Assessing the impact of the integrated use of technogenic waste to resource cycles in the region (in the Kemerovo region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics.* 1 (41). pp. 85–94. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/41/6

ЭКОНОМИКА ТРУДА

УДК 316.346.32-053.9

DOI: 10.17223/19988648/56/7

Е.Г. Калабина, М.Р. Газизова

ЭЙДЖИЗМ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследования о природе и последствиях эйджизма, сфокусированные на изучении ограничений участия старшего поколения в трудовой деятельности, приобретают актуальность в последние годы в связи с изменением возрастной структуры общества. Пандемия коронавирусной инфекции усилила распространение эйджизма по отношению к старшему поколению, так как данная возрастная категория населения подвергается большему риску заболевания от COVID-19. В работе представлены результаты библиометрического анализа исследований эйджизма в современных условиях, в частности, в контексте распространения коронавирусной пандемии. Целью работы состояла в изучении разнообразия исследований в области эйджизма на основе определения тематических кластеров исследовательских направлений, активно развивающихся по данной проблематике. Логика проведенного исследования включала в себя систематизацию теоретических основ изучения эйджизма, оценку современного состояния решения проблемы возрастной дискриминации, выявление кластеров и тенденций исследований, связанных с дискриминацией по возрастному признаку, в которых определена тесная взаимосвязь дискриминационной практики с возрастными стереотипами восприятия, касающимися старшего поколения. Методологический подход исследования опирался на библиометрический анализ и состоял в применении инструментов программного обеспечения VOSviewer, для анализа использованы 2 066 статей по теме эйджизма, опубликованных с 1975 по 2021 г. в базе данных Web of Science, с использованием методов библиометрии и визуализации. Полученные результаты свидетельствуют об увеличении числа исследований по проблемам эйджизма, включая такие направления, как геронтология, психология, образовательные исследования, медсестринская деятельность, бизнес и экономика, социальная работа и др. Библиометрический анализ показал, что страны североамериканского и европейского континентов лидируют в изучении данной проблематики. В результате исследования были выделены следующие тематические кластеры: «Отношение и стереотипы восприятия», «Занятость людей старшего возраста», «Геронтология» и «Медицинский уход». Итоги исследования позволяют найти возможности научных коллабораций для совместного изучения этой проблемы. Ключевые слова: дискриминация по возрасту, коронавирусная пандемия, COVID-эйджизм, библиометрический анализ, старшее поколение

Введение

Коронавирусная инфекция внесла свои коррективы во все сферы деятельности населения и тем самым раскрыла возможности старения насе-

ления многогранным образом. Поскольку представители старшего поколения определены как группа риска, пандемия выявила дефицит медицинских услуг для пожилых людей, риски социальной изоляции, проблемы с цифровой грамотностью и технологиями и т.д. Есть также положительные примеры, показывающие, что старшее поколение быстро научилось использовать цифровые технологии более быстрыми темпами, чем когда-либо прежде [1]. Такие сложные разработки стимулируют исследователей во всем мире генерировать смелые исследовательские идеи и проекты, имеющие решающее значение для развития новых научных направлений исследований и новых знаний на будущее. Таким образом, несмотря на негативные последствия пандемии, интерес и потребность в исследованиях старения растут и становятся сильнее, чем когда-либо прежде [2].

Одновременно с пандемией произошла вспышка исследовательского интереса к проблеме эйджизма. Одним из важных шагов по преодолению нынешней пандемии и межпоколенческого разрыва является недопущение использования произвольных возрастных ограничений [3].

В условиях пандемии Е.М. Кесслер выделил новое понятие «COVID-эйджизм», которое негативно скажется на психическом здоровье пожилых людей, и исследование COVID-эйджизма могло бы внести свой вклад в дифференцированный дискурс о старении, который побуждает людей продуктивно справляться с нынешним коронакризисом [4].

Ситуация с пандемией выделила положение старшего поколения и старение населения в качестве основных областей, требующих повышенного внимания, не в последнюю очередь с точки зрения исследовательских инициатив.

Теоретическая платформа исследования

Одним из барьеров на пути трудоустройства, который мог бы помешать пожилым работникам оставаться активными участниками на рынке труда, может быть эйджизм, т.е. дискриминация человека или групп людей по возрастному признаку.

В последнее десятилетие разработаны различные экспериментальные методы исследования эйджизма. Впервые такие методы были использованы в 1960–1980 гг., которые позволили показать важность возрастной дискриминации в социальном познании. Термин «эйджизм» был предложен в 1969 г. Робертом Нилом Батлером для описания дискриминации в отношении старшего поколения [5].

Эйджизм как термин и как процесс, подлежащий изучению, является относительно новым явлением (табл. 1).

Большинство исследований эйджистских установок, как правило, сосредоточено на их негативных аспектах. Тем не менее эйджизм также может иметь позитивную перспективу, например, когда атрибуты возраста считаются выгодными. Например, позитивный взгляд воспринимает связь

между старением и большей мудростью, терпением и повышенным пониманием преимуществ жизни [6].

Таблица 1. Ключевые направления и авторы исследований проблем эйджизма

Авторы	Определения
А.Дж. Тракслер (1980)	Эйджизм может быть определен как «любое отношение, действие или институциональная структура, который подчиняет человека или группу из-за возраста или любого назначения роли в обществе исключительно на основе возраста»
Б. Байзеуэй (1995)	Многоаспектное явление, выходящее за рамки дискриминационной практики или событий. Он основан на понимании возраста как важного означающего класса людей, который эффективно создает ряды более и менее желаемых возрастов
Б.Р. Леви (2001)	Эйджизм часто направлен на себя и может быть скрытым. Это происходит с очень небольшим осознанием или намерением и буквально влияет на социальные взаимодействия и жизнь каждого из нас. Это определение рассматривает эйджизм как имеющий поведенческие и эмоциональные компоненты, основанные на хронологическом возрасте
Н. Ливелин (2015)	Форма социальной практики, которая используется для достижения не только возраста – конкретных целей, таких как поддержка некоторых возрастных групп населения за счет других групп, а также для выполнения иных важных задач, таких как выполнение организационных видений или производственных заданий

Составлено авторами на основе источников [7–10].

Было предложено несколько теорий относительно того, почему эйджизм возникает на индивидуальном, общественном и организационном уровнях.

За последние несколько десятилетий многочисленные теоретики исследовали возникновение эйджизма. Некоторые исследователи рассматривают три уровня эйджизма:

- микроуровень, который касается индивида (мыслей, эмоций, действий);
- мезоуровень, который касается организаций и других социальных образований (например, в области работы или медицинских услуг);
- макроуровень, который относится к обществу, культурным и социальным ценностям в целом (например, политической).

Разделение теорий по микро-, мезо- или макроуровням для объяснения возникновения эйджизма несколько произвольно, так как теории могут относиться к нескольким уровням одновременно.

Эйджизм не всегда начинается на индивидуальном уровне. Группы, организации и другие социальные образования также могут быть инициаторами эйджизма. На рынке труда возраст может иметь решающее значение для трудоустройства («слишком старый, чтобы трудоустроиться») или для выхода на заслуженный отпуск («пенсионный возраст»). Дискриминация по возрасту может также проявляться на макроуровне, в культурных цен-

ностях, которые обесценивают людей старшего возраста, и в общественных институтах, таких как возрастные правила выхода на пенсию.

Научный интерес к эйджизму или возрастной дискриминации на рынке труда возрос с начала XX в. В научной литературе существуют различные определения возрастной дискриминации на рынке труда. Согласно Е. Палмор, «возрастная дискриминация может принимать форму отказа в приеме на работу или поощрения работников старшего возраста или заставляя освободить рабочее место в связи с достижением пенсионного возраста независимо от способностей работника продолжать работу» [11]. Дж. Макниколь определил возрастную дискриминацию как использование возрастных полномочий «в кадровых решениях» [12]. Ф. Кармайкл и соавт. предложили определение, основанное на фактическом опыте работников старших возрастных групп, которые сами определяют дискриминацию по возрасту на рабочем месте как «недопустимость делать то, на что вы способны или готовы сделать только из-за вашего возраста» [13]. Определение, основанное на субъективном восприятии возрастной дискриминации, позволяет лучше понять феноменологические аспекты того, как действует эйджизм.

Одной из ключевых теорий, объясняющих снижение статуса людей старшего поколения в обществе и на рынке труда, является теория модернизации Д.О. Коугиля, описанная в 1972 г. в книге «Старение и модернизация». Теория модернизации показывает, что снижение статуса людей старшего поколения произошло из-за трансформации традиционных, аграрных обществ в современные, урбанизированные и индустриализированные общества.

Можно выделить явные изменения, которые произошли в социальной структуре в течение процесса модернизации:

1) улучшение здравоохранения, в результате приводящее к увеличению продолжительности жизни, следовательно, институционализации системы пенсионного обеспечения, но и большей конкуренции за рабочие места;

2) технические достижения, делающие устаревшими навыки старшего поколения и ведущие к формирующейся модели предпочтения молодых специалистов;

3) урбанизация и стремительное движение молодых людей из традиционного жилища и семейные ситуации, которые привели к краху тесной связи в расширенных семьях и к потере статуса «мудрых старейшин»;

4) расширение государственной системы образования, нарушение традиционных способов передачи знаний между поколениями [14].

Некоторые исследования предполагают, что процессы глобализации значительно ухудшили положение рабочих старшего возраста. Потеря статуса рабочих старшего возраста в экономической глобализации рассматривается как следствие требований глобального рынка труда, на котором требуются экономическая эффективность, гибкость, адаптируемость и передаваемые навыки [15].

Очевидно, что нет консенсуса в отношении концепции эйджизма или его причин. Эйджизм как концепция претерпел различные изменения, и

хотя в настоящее время признается, что эйджизм может быть направлен на любую возрастную группу, эйджизм в отношении людей старшего возраста до сих пор получал наибольшее внимание.

Методы исследования

Методы исследования основывались на библиометрическом анализе тематики эйджизма. Библиометрическое исследование литературы позволяет проанализировать документальные информационные потоки по изучаемой проблематике. Анализ динамики и структуры исследований тематики эйджизма проведен с помощью программного обеспечения VOSviewer на основе международной наукометрической базы Web of Science.

Для исследования научного интереса по тематике эйджизма была использована база данных Web of Science. В качестве ключевого слова был определен термин «ageism». Рассмотрены научные публикации, начиная с самой ранней, представленной в базе данных (1975–2021 гг.). На основании поискового запроса базой было предоставлено 2 066 научных работ.

Результаты исследования

Увеличение количества работ отражает возрастающий интерес к теме исследования по вопросам эйджизма, особенно динамика резкого роста наблюдается в последние годы (рис. 1). Следует выделить распределение направлений исследования, таких как геронтология, психология, образовательные исследования, медсестринская деятельность, бизнес и экономика, социальная работа и др.

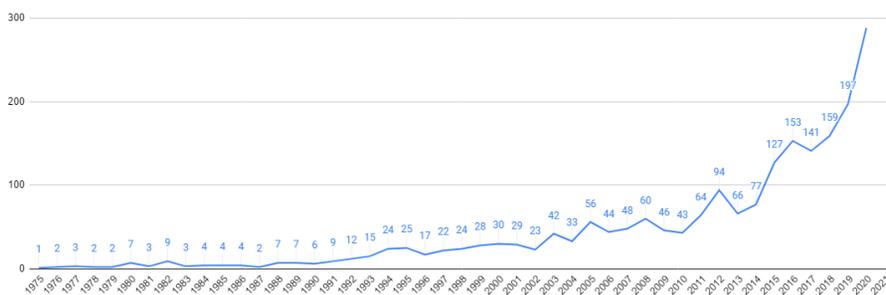

Рис. 1. Количество опубликованных научных работ по тематике эйджизма с 1975 по 2021 г.
Источник: база данных Web of Science

Такая тенденция наблюдается и в количестве цитирований статей по изучаемой тематике (рис. 2).

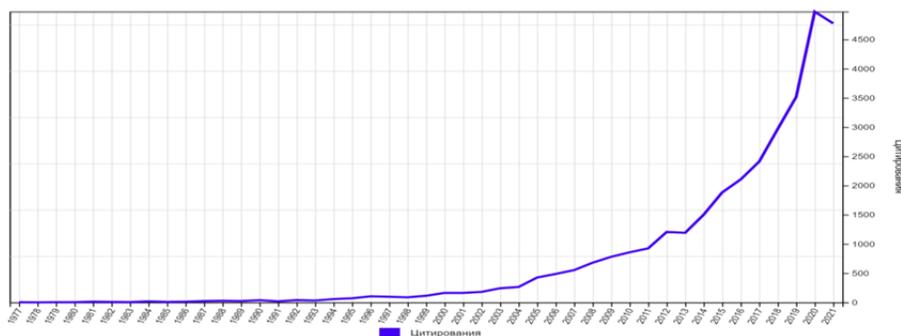

Рис. 2. Количество цитирований статей по тематике эйджизма с 1975 по 2021 г.

Источник: база данных Web of Science

В обработке данных было использовано программное обеспечение VOSviewer, инструменты которого дают возможность проанализировать результаты научных исследований [16]. В процессе анализа данных были определены 492 комбинации, наиболее часто встречающиеся термины показаны в табл. 2.

Таблица 2. Наиболее часто встречающиеся ключевые слова по теме эйджизма

Ключевое слово	Количество публикаций	Количество связей	Ключевое слово	Количество публикаций	Количество связей
Эйджизм (ageism)	973	5 438	Дискриминация (discrimination)	134	940
Отношение (attitudes)	358	2 548	Взрослые (adults)	132	938
Здоровье (health)	192	1 406	Пол (gender)	136	935
Престарелый (older adults)	168	1 265	Старение (aging)	110	773
Население (people)	170	1 236	Влияние (impact)	67	505
Восприятия (perceptions)	162	1 236	Пожилые люди (older people)	70	496
Уход (care)	162	1 119	Масштаб (scale)	51	407
Стереотипы (stereotypes)	154	1 116	Контакт (contact)	50	392
Знания (knowledge)	127	1005	Образование (education)	57	383
Возраст (age)	150	969	Пожилые работники (older workers)	52	366

Составлено авторами.

Для построения терминологической карты выбран метод Keyword: Co-occurrence, отобраны ключевые слова, которые встречаются в выборке не менее 15 раз. Таким образом, выделено 155 терминов (рис. 3).

просы занятости старшего поколения, а также значимость данной возрастной группы на рынке труда.

С помощью программного обеспечения VOSviewer определены наиболее актуальные темы, которые связаны с эйджизмом. Согласно рис. 5, больше всего релевантные понятия связаны с отношением, стереотипами восприятия, пожилым населением, здоровьем, возрастными рабочими.

Проанализированы ключевые слова с точки зрения географических аспектов. Так, в наибольшей степени исследования, связанные с эйджизмом, опубликованы в США. Следует отметить, что в последние годы данная проблематика становится актуальной и в России (рис. 6).

Таким образом, проведенный библиометрический анализ по тематике «Эйджизм» демонстрирует возрастающий масштаб исследований, связанных с дискриминационной практикой и возрастными стереотипами восприятия, касающимися старшего поколения.

В последние годы мировое научное сообщество все больше уделяет внимание изучению роли геронтологической группы в обществе, а также и на рынке труда [18].

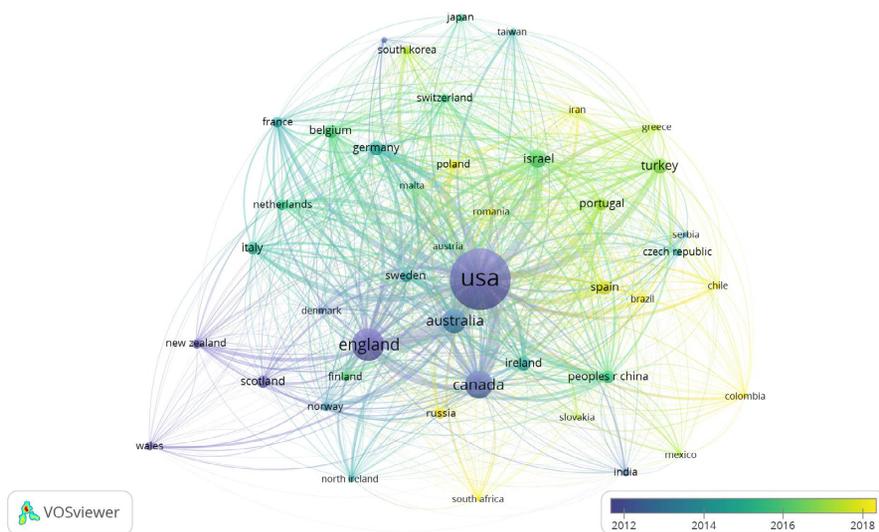

Рис. 6. Страновой аспект в изучении тематики эйджизма.
Составлено авторами

Изучение тематических трендов с помощью инструментария программы VOSviewer определил кластеры и тенденции исследований, связанные с дискриминацией по признаку возраста. Представленные результаты показали, что тематические кластеры тесно связаны между собой и подтверждают, что термин «эйджизм» проявляется во многих формах и является комплексным и разноаспектным.

Заключение

Несмотря на большой охват исследований по проблематике COVID-эйджизма, остается ряд вопросов, которые требуют теоретических и исследовательских усилий. Так, значительное количество исследований по данному вопросу охватывает геронтологические, медицинские, психологические и социальные направления. Однако недостаточно изучены аспекты, связанные с возрастной дискриминацией старшего поколения на рынке труда. Нельзя не подчеркнуть, что изменения возрастной структуры общества в сторону увеличения доли населения старшего возраста в общем его составе актуализируют изучение данной проблематики, тем самым увеличивая научный интерес в изучении вопросов трудового долголетия старшего поколения. Итоги исследования позволят найти возможности научных коллабораций для совместного изучения данной проблемы.

Литература

1. *Andersson J, Bäck J, Ernbrandt T.* Svenskarna och internet 2020. Internetstiftelsen. URL: <https://svenskarnaochinternet.se/rapporter/svenskarna-ochinternet-2020/fakta-om-svenskarna-och-internet-2020/>
2. *Iwarsson S, Aartsen M.J, Wahrendorf M. et al.* What will the horrible year of 2020 bring to the future of ageing research? // *Eur J Ageing.* 2021. № 18. P. 1–3. URL: <https://doi.org/10.1007/s10433-021-00606-w>
3. *Ayalon L, Chasteen A, Diehl M, Levy B.R, Neupert Sh.D, Rothermund K, Tesch-Römer C, Wahl H.-W.* Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity // *The Journals of Gerontology: Series B.* 2021. № 76 (2). P. e49–e52. URL: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa051>
4. *Kessler E.M, Bowen K.* COVID ageism as a public mental health concern. *The Lancet Healthy Longevity.* 2020. URL: [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(20\)30002-7](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(20)30002-7)
5. *Микляева А.В.* Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2009. С. 148–157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-eydzhizma-zarubezhnyy-opyt>
6. *Ventrell C.* Ageism // *Encyclopedia of Aging* // Monsees. 2002. URL: <http://www.encyclopedia.com/topic/Ageism.aspx>
7. *Levy B.R.* Eradication of ageism requires addressing the enemy within // *The Gerontologist.* 2001. № 41 (5). P. 578–579.
8. *McGlone E., Fitzgerald F.* Perceptions of Ageism in Health and Social Services in Ireland // *National Council on Ageing and Older People.* 2005. URL: http://www.ncaop.ie/publications/research/reports/85_Ageism.pdf
9. *Bytheway B.* Ageism. Buckingham : Open University Press, 1995. 13 p.
10. *Llewellyn N.* ‘He probably thought we were students’: Age norms and the exercise of visual judgement in service work // *Organization Studies.* 2015. № 36 (2). P. 153–173.
11. *Palmore E.* Are the aged a minority group? // *Journal of the American Geriatrics Society.* 1978. № 26 (5). P. 214–217.
12. *Macnicol J.* Age discrimination: An historical and contemporary analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 308.
13. *Carmichael F., Claire H., Porcellato L., Ingham B., Prashar A.* Ageism and age discrimination // *Managing age diverse workforce* / eds. by E. Parry, S. Tyson. 2011. P. 115–129.

14. Cuddy A., Fiske S. Doddering but dear: Process, content, and function in stereotyping of older persons // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons* / ed. by T.D. Nelson. 2000. P. 3–26.

15. Baars J., Dannefer D., Phillipson C., Walker A. Aging, globalization, and inequality: The new critical gerontology. New York : Baywood Publishing Company, 2006. URL: <https://doi.org/10.1177/009430610703600249>

16. Бахматова Т.Г., Зими́на Е.В. Библиометрический анализ тенденций в изучении социальных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 274–291. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).274-291

17. Трушкова Е.А. Библиометрический анализ научных публикаций по вопросам исследования анклавов // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Т. II. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 370–375.

18. Калабина Е.Г., Газизова М.Р., Хусаинова Ж.С. Структурная динамика занятости населения старшего возраста стран – участниц Евразийского экономического союза // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 842–854. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-9>

Ageism: The Main Directions of Research in Modern Conditions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 97–108. DOI: 10.17223/19988648/56/7

Elena G. Kalabina, Ural State Economic University (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Kalabina@mail.ru

Maiya R. Gazizova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gazizova-maiya@mail.ru

Keywords: age discrimination, coronavirus pandemic, COVID-ageism, bibliometric analysis, older generation.

Research on the nature and consequences of ageism, focused on the study of the limitations of the older generation's participation in labor activity, has become relevant in recent years due to changes in the age structure of society. The coronavirus pandemic has increased the spread of ageism towards the older generation, since this age group is at greater risk of developing serious illness from COVID-19. The article presents the results of a bibliometric analysis of ageism research in modern conditions, in particular in the context of the spread of the coronavirus pandemic. The aim of the work was to study the diversity of research in the field of ageism based on the definition of thematic clusters of research areas actively developing on this issue. The logic of the conducted research included systematization of the theoretical foundations of ageism studies, assessment of the current state of solving the age discrimination problem, identification of clusters and research trends related to age discrimination that identify a close relationship between discriminatory practices and age-related perception stereotypes concerning the older generation. The methodological approach of the research was based on a bibliometric analysis and consisted in the use of VOSviewer software tools. The material for the analysis was 2,066 articles on the topic of ageism published from 1975 till 2021 in the Web of Science database. The material was analyzed using bibliometry and visualization methods. The obtained results indicate an increase in the number of research on the problems of ageism, including such areas as gerontology, psychology, educational research, nursing, business and economics, social work, etc. The bibliometric analysis shows that North American and European countries lead in the development of this problem. As a result of the research, the following thematic clusters were identified: “Attitudes and Perception Stereotypes”, “Employment of Older People”, “Gerontology”, and “Medical Care”. The results of the study will allow finding opportunities for scientific collaborations to jointly study this problem.

References

1. Andersson, J., Bäck, J. & Ernbrandt, T. (2020) *Svenskarna och internet Internetstiftelsen*. [Online] Available from: <https://svenskarnaochinternet.se/rapporter/svenskarna-ochinternet-2020/fakta-om-svenskarna-och-internet-2020/>
2. Iwarsson, S. et al. (2021) What will the horrible year of 2020 bring to the future of ageing research? *Eur J Ageing*. 18. pp. 1–3. DOI: 10.1007/s10433-021-00606-w
3. Ayalon, L. et al. (2021) Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity. *The Journals of Gerontology: Series B*. 76 (2). pp. e49–e52. DOI: 10.1093/geronb/gbaa051
4. Kessler, E.M. & Bowen, K. (2020) COVID ageism as a public mental health concern. *The Lancet Healthy Longevity*. 1:e12. DOI: 10.1016/S2666-7568(20)30002-7
5. Miklyaeva, A.V. (2009) Methods of Ageism Research: Foreign Experience. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. pp. 148–157. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-eydzhizma-zarubezhnyy-opyt> (In Russian).
6. Ventrell, C. (2002) *Ageism*. [Online] Available from: <http://www.encyclopedia.com/topic/Ageism.aspx>
7. Levy, B.R. (2001) Eradication of ageism requires addressing the enemy within. *The Gerontologist*. 41 (5). pp. 578–579.
8. McGlone, E. & Fitzgerald, F. (2005) *Perceptions of Ageism in Health and Social Services in Ireland*. National Council on Ageing and Older People. [Online] Available from: http://www.ncaop.ie/publications/research/reports/85_Ageism.pdf
9. Bytheway, B. (1995) *Ageism*. Buckingham: Open University Press.
10. Llewellyn, N. (2015) ‘He probably thought we were students’: Age norms and the exercise of visual judgement in service work. *Organization Studies*. 36 (2). pp. 153–173.
11. Palmore, E. (1978) Are the aged a minority group? *Journal of the American Geriatrics Society*. 26 (5). pp. 214–217.
12. Macnicol, J. (2006) *Age discrimination: A historical and contemporary analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Carmichael, F. et al. (2011) Ageism and age discrimination. In: Parry, E. & Tyson, S. (eds) *Managing age diverse workforce*. Palgrave Macmillan. pp. 115–129.
14. Cuddy, A. & Fiske, S. (2000) Doddering but dear: Process, content, and function in stereotyping of older persons. In: Nelson, T.D. (ed.) *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons*. Psychology Press. pp. 3–26.
15. Baars, J., Dannefer, D., Phillipson, C. & Walker, A. (2006) *Ageing, globalization, and inequality: The new critical gerontology*. New York: Baywood Publishing Company. DOI: 10.1177/009430610703600249
16. Bakhmatova, T.G. & Zimina, E.V. (2019) Bibliometric Analysis of Trends in the Study of Social Media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 8 (2). pp. 274–291. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).274-291
17. Trushkova, E.A. (2017) Bibliometricheskii analiz nauchnykh publikatsiy po voprosam issledovaniya anklavov [Bibliometric analysis of scientific publications on the study of enclaves]. In: *Demograficheskiy potentsial stran EAES: VIII Ural'skiy demograficheskiy forum* [Demographic potential of the EAEU countries: VIII Ural Demographic Forum]. Vol. II. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 370–375.
18. Kalabina, E.G., Gazizova, M.R. & Khusainova, Zh.S. (2021) Structural Dynamics of Employment of Older People in the Eurasian Economic Union Countries. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 17 (3). pp. 842–854. (In Russian). DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-9

ФИНАНСЫ

УДК 336.64

DOI: 10.17223/19988648/56/8

Р.О. Восканян

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ОТ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СДЕЛОК СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ

Эффективное развитие экономики зависит от уровня конкуренции. Развитие системы защиты от недружественных сделок слияния и поглощения способствует созданию высококонкурентной среды, формирует более комфортные условия осуществления предпринимательской деятельности. В рамках настоящего исследования автором поставлена цель по развитию данной системы посредством использования двухклассовой системы формирования собственного капитала компании. В настоящее время в Российской Федерации мало изучена двухклассовая система формирования собственного капитала компании с использованием мультиголосующих акций. Это позволяет судить о теоретической значимости проведённого исследования, поскольку полученные результаты развивают теорию и инструментарий финансового менеджмента. Автором обоснована низкая заинтересованность бизнес-ангелов и венчурных инвесторов в защите молодой компании от сделок слияния и поглощения, так как последние выступают одним из основных способов выхода инвестора из молодого бизнеса. Автором выявлено, что впервые элемент собственного капитала компании в виде мультиголосующих акций выступает инструментом защиты от сделок слияния и поглощения, не формируя дополнительных рисков утраты контроля основателями бизнеса в связи с привлечением дополнительного финансирования собственного капитала. В этой связи предложено использовать мультиголосующие акции, держателями которых являются основатели бизнеса, как дополнительный инструмент защиты от недружественных сделок слияния и поглощения молодых компаний.

Ключевые слова: высокотехнологичная компания, двухклассовая система, инвестиционная привлекательность, мажоритарий, миноритарий, мультиголосующая акция, нематериальные активы

Введение

Сделки слияния и поглощения являются распространённым способом выхода на новые рынки, завоевания дополнительной доли рынка, нивелирования конкурентов и диверсификации рисков.

В секторе высоких технологий заключённая сделка слияния и поглощения может обеспечить поглощаемую компанию нематериальными активами. Патенты, лицензии, торговые марки, программное обеспечение, авторские решения – всё это формируется на протяжении n -го периода времени и весьма сложно оценивается с позиции финансового менеджмента.

Сложность заключается в определении прогнозного денежного потока, генерируемого нематериальным активом. Некоторые виды нематериальных активов генерируют положительный денежный поток за счёт использования в процессе основной деятельности компании, а также при передаче нематериальных активов в аренду. Однако как долго нематериальные активы будут пользоваться спросом и генерировать денежный поток, следует определять каждый раз в индивидуальном порядке, принимая во внимание технологический риск. Ввиду стремительного развития сектора высоких технологий риск устаревания нематериальных активов достаточно значим.

Следовательно, для поглощающей компании ценностью являются и сотрудники поглощаемой компании. Именно персонал компании генерирует и реализует идеи создания нематериальных активов. Итальянскими учёными выявлено, что рост объёма инвестиций в нематериальные активы напрямую связан с ростом размера компании, человеческого капитала и уже существующей базы нематериальных активов [1]. Израильские учёные отмечают, что «трансфер знаний» в поглощающую компанию приводит к изменению количества задействованных в исследованиях и разработках сотрудников, зарегистрированных патентов и расходов на НИОКР, что в результате влияет на восприятие компании участниками фондового рынка [2]. Тогда приобретение компании с базой перспективных нематериальных активов становится частью стратегии развития.

Иллюстрациями выступают сделки слияния и поглощения последних лет, когда крупные высокотехнологичные компании приобретали молодые перспективные компании или же проекты ради нематериальных активов. Facebook поглотила Oculus (программное обеспечение и аппаратура для создания виртуальной реальности) в момент, когда последняя произвела лишь прототип продукта, т.е. ещё до формирования положительного денежного потока. В настоящее время компания продолжает осуществлять сделки слияния и поглощения по этому направлению, предоставляя компании Oculus возможность развиваться за счёт доступа к нематериальным активам других разработчиков.

Исследование сделок слияний и поглощений на европейском рынке позволило прийти к выводу, что сделки слияния и поглощения положительно влияют на интенсивность исследований и разработок в течение двух-пяти лет после заключения сделки [3]. Именно столько времени требуется для переноса «неявных» знаний, таких как опыт, деловые контакты и т.д. При этом положительное влияние на денежный поток можно наблюдать спустя длительный период времени – свыше пяти лет, поскольку все полученные знания необходимо корректно внедрить в деятельность поглощающей компании и коммерциализировать. Данные выводы получают подтверждение практикой одной из крупнейших американских высокотехнологичных компаний.

Microsoft поглотила компании Acomplі (разработчик почтового клиента) и Sunrise (разработчик онлайн-календаря) для приобретения нематериальных активов с целью дальнейшего использования для совершенствования

ния собственных флагманских продуктов. Обе компании прекратили деятельность, поскольку приобретались только ради доступа к нематериальным активам. Схожая ситуация сложилась у Microsoft с поглощённой компанией Wunderlist (менеджер задач). Спустя четыре года после заключения сделки слияния и поглощения руководство Microsoft приняло решение о закрытии компании, так как нематериальные активы уже используются во флагманских продуктах головной компании. Разработчик Wunderlist предложил выкупить компанию обратно, но получил отказ, что привело к анонсированному закрытию бизнеса. Таким образом, Microsoft в течение 2–5 лет внедряет нематериальные активы поглощаемых компаний и закрывает их, когда начинает формироваться положительный денежный поток от использования приобретённых ресурсов. В данном случае основатели поглощаемых компаний никак не защищены и обеспечить сохранность созданного бизнеса практически не могут.

Это позволяет согласиться с позицией, что сделку поглощения следует определять как объединение двух компаний с разным качеством [4]: финансово устойчивая поглощающая компания с уникальными конкурентными преимуществами поглощает незащищённый малый и средний бизнес на ранних этапах развития.

Вышесказанное обуславливает актуальность исследования перспективных инструментов защиты от сделок слияния и поглощения, а также сохранения значимости голоса основателя бизнеса. В зарубежной практике инвестор-совладелец компании, являющийся основателем, обладает такими возможностями за счёт использования мультиголосующих акций.

Исходя из этого, цель настоящей статьи заключается в развитии системы защиты от недружественных сделок слияния и поглощения посредством использования двухклассовой системы формирования собственного капитала компании. Объектом исследования выступают высокотехнологичные компании на посевной стадии и стадии раннего развития. Предметом исследования – мультиголосующие акции.

Негативные стороны недружественного слияния и поглощения

Угроза сделки слияния и поглощения влияет на операционные возможности поглощаемой компании. Поставщики и клиенты могли бы заключать сделки с поглощаемой компанией, но их останавливает знание, что после заключения сделки слияния и поглощения договор может быть расторгнут [5]. Сектор высоких технологий характеризуется неценовой конкуренцией. Важную роль играют функционал и инновации производимых продуктов. Последнее обычно генерируется молодыми компаниями, которые в условиях ограниченного финансирования и технических возможностей, разрабатывают лаконичные решения. Ввиду небольших объёмов деятельности молодых компаний их поставщиками и клиентами обычно также выступают небольшие компании. Для молодой компании без громкого имени весьма сложно найти замену потерянным из-за угрозы недружественного

поглощения поставщикам и клиентам. Тогда невозможность заключить договора с поставщиками и клиентами не только снижает операционные возможности компании, но и отрицательно сказывается на генерируемом денежном потоке, что приводит к снижению стоимости молодой компании. Как итог, основатели сталкиваются с необходимостью соглашения на недружественное поглощение на не самых выгодных условиях.

Угроза сделки слияния и поглощения также может оказать влияние на трудовые ресурсы компании, о значимости которых упоминалось выше. Часть ведущих сотрудников компании может рассмотреть сделку слияния и поглощения как возможность приобрести опыт в крупном холдинге с собственной корпоративной культурой, улучшить резюме. Вместе с тем будут и сотрудники, которые рассматривают сделку поглощения как непосредственную угрозу карьерному росту, поскольку работать придётся как часть огромной системы, в которой легко затеряться. Более того, доподлинно никогда неизвестно, сохраняют ли первоначальный штат сотрудников после сделки слияния и поглощения. Это становится причиной оттока трудовых ресурсов и дополнительных сложностей осуществления основной деятельности молодой компании.

Поглощающая компания может приобрести долю бизнес-ангела или венчурного фонда в молодой компании. Так достигается достаточное количество голосов для оказания влияния на процесс принятия управленческих решений. В результате значение основателей бизнеса снижается и повышается вероятность изменения стратегии развития молодой компании, в том числе стратегии ценообразования. После заключения сделки слияния и поглощения обычно возрастает стоимость на производимую молодой компанией продукцию, поскольку очевидно, что стоимость товара малоизвестной компании обычно ниже, чем широко известной. Повышение цен на продукцию приводит к оттоку покупателей с определённой покупательской способностью. Это искусственно формирует для компании необходимость выходить в сегмент для покупателей с иными требованиями, обуславливающими повышение стоимости продукции до определённого уровня.

Недостатки традиционных способов защиты от недружественных сделок слияния и поглощения

На наш взгляд, текущая система защиты от недружественных сделок слияния и поглощения недостаточно эффективна против рассмотренных угроз. Рассмотрим наиболее распространённые способы борьбы с недружественными поглощениями.

«Отравленная пилюля» подразумевает приобретение ненужных поглощаемой компании активов. Следовательно, требуется определённый объём денежных средств для реализации данного способа. Молодым компаниям на самых ранних этапах развития сложно высвободить денежные средства даже если они уже вышли на самоокупаемость. Особенно в секторе

высоких технологий. Компании данного сектора экономики длительное время осуществляют политику реинвестирования, поскольку высокий риск основной деятельности затрудняет привлечение внешнего финансирования.

«Золотой парашют» подразумевает внесение изменений в трудовые договора руководящего состава и ценных сотрудников о выплате крупных премий после инициированного новыми собственниками компании увольнения по результатам сделки слияния и поглощения. Обычно премии составляют несколько годовых окладов. Следует обратить внимание, что молодые высокотехнологичные компании ввиду длительного периода выхода на самоокупаемость не могут выплачивать высокие заработные платы. Тогда для поглощающей компании, особенно если это транснациональная корпорация, это не становится препятствием. Большинство ценных сотрудников молодых высокотехнологичных компаний обладают стимулом в виде финансового опциона на покупку акций, реализовав который после выхода компании на фондовую биржу, смогут значительно повысить уровень благосостояния.

«Белый рыцарь» подразумевает поиск партнёра, который создаст конкуренцию поглощающей компании или осуществит дружественную сделку слияния и поглощения. Ключевыми недостатками для молодых компаний является сложность поиска подобного партнёра и продолжительность реализации способа. Отметим, что если молодая высокотехнологичная компания финансируется бизнес-ангелом или венчурным фондом, то последние заинтересованы в её приобретении крупной корпорацией, так как это может окупить первоначальные инвестиции или же получить долю в поглощающей компании. Таким образом, создаётся конфликт интересов, когда инвесторы-основатели бизнеса заинтересованы в сохранении автономности, а бизнес-ангел или венчурный фонд заинтересованы в скорейшей окупаемости осуществлённых инвестиций.

«Политика выжженной земли» подразумевает, что компания распродаёт все свои активы и прекращает деятельность. Ввиду ограниченного времени для реализации данной политики активы продаются по ликвидационной стоимости. Это противоречит интересам бизнес-ангела и венчурного фонда, которые в данном случае вряд ли смогут получить долю в ликвидационной массе в достаточном объёме для покрытия первоначальных инвестиций с запланированной доходностью.

Перечисленные недостатки традиционных способов защиты от сделок слияния и поглощения обуславливают перспективность использования мультиголосующих акций.

Мультиголосующие акции как инструмент защиты от недружественного поглощения

Мультиголосующие акции – часть собственного капитала компании, предоставляющая держателю большее количество голосов на одну акцию.

Наиболее распространена система «одна акция – десять голосов». Пропорция зависит от законодательного регулирования. Наибольшее распространение мультиголосующие акции получили в США, в последние годы активно внедряются в странах Азии, в то же время остаются под запретом в странах-членах ЕС и никогда не использовались в России. Последнее обуславливает недостаточную изученность двухклассовой системы формирования капитала и непосредственно мультиголосующих акций в российской экономической науке.

В настоящее время зарубежные экономисты не пришли к единому мнению о недостатках и преимуществах двухклассовой системы формирования капитала компании [6–8]. Ученые признают значимость мультиголосующих акций при защите от недружественных сделок слияния и поглощения. Отмечается и то, что компании с двухклассовой системой формирования собственного капитала более успешно функционируют после сделок поглощения, особенно в секторе высоких технологий [9, 10].

Основной причиной распространения двухклассовой системы формирования капитала компании среди компаний сектора высоких технологий является необходимость придерживаться стратегии развития компании и обеспечивать защиту от сделок слияния и поглощения [11].

Практика распространения мультиголосующих акций позволяет судить, что их держателями выступают основатели бизнеса. Основатели бизнеса обычно не владеют диверсифицированным инвестиционным портфелем, и от успеха развития компании зависят их благосостояние и профессиональная репутация [12]. Традиционно основатели бизнеса лучше владеют информацией о жизненном цикле продукции, тонкостях производства и пр.

Внешние инвесторы молодых компаний – бизнес-ангелы и венчурные фонды – владеют информацией в целом по рынку, основываясь на профессиональном опыте участия в иных молодых компаниях. Вместе с тем если бизнес-ангел в большинстве случаев ещё участвует в управлении молодой компании как консультант, то венчурный фонд обычно ограничивается участием в решении глобальных вопросов, таких как выбор участников совета директоров или андеррайтеров для будущего листинга. Следовательно, сторонние инвесторы-совладельцы не обладают детализированной информацией о потенциале компании и сотрудников, поскольку основная их цель – помочь молодой компании развиться до уровня, когда выход из бизнеса – неважно посредством листинга или заключения сделки слияния и поглощения – окупит первоначальные инвестиции с определённой нормой доходности.

Тогда ключевым мотивом внедрения мультиголосующих акций является возможность сохранения контроля над компанией при привлечении внешнего финансирования собственного капитала. Таким образом, использование мультиголосующих акций позволяет основателям компании минимизировать возможность заключения недружественной сделки слияния и поглощения.

В данном случае мультиголосующие акции выступают инструментом внутреннего хеджирования. Основателям и руководству компании не требуется поиск дополнительного финансирования или иных участников экономических отношений для разрешения проблемы недружественного поглощения, как при применении традиционных способов защиты от сделок слияния и поглощения.

Это позволяет судить о дополнительной привлекательности мультиголосующих акций для использования основателями молодых компаний при желании захеджироваться от нежелательного поглощения в условиях ограниченного доступа к финансовым ресурсам.

Внутренние ресурсы молодой компании направляются на самофинансирование с целью обеспечения роста. Довольно сложно привлечь внешние ресурсы, формирующие собственный капитал компании. Количество свободных бизнес-ангелов и заинтересованных венчурных фондов не бесконечно. Ограничено и внешнее финансирование, формирующее заёмный капитал, ввиду высоких рисков и их влияния на результаты скоринговой оценки молодых компаний, особенно в секторе высоких технологий.

В заданных условиях, мультиголосующие акции представляют собой условно бесплатный инструмент защиты от недружественного поглощения. Условный по той причине, что держатели акций должны получать дивиденды, но очевидно, что молодые компании в большинстве случаев их не выплачивают.

Отметим и уязвимость компаний с двухклассовой системой формирования капитала. Мультиголосующие акции теряют дополнительные права голоса при смене владельца в связи с заключением сделки купли-продажи. Они превращаются в обыкновенные, что предоставляет поглощающей компании большие возможности при управлении молодой поглощаемой компании, если последняя входит в состав поглощающей, а не прекращает деятельность.

Утрата дополнительных голосов основателей бизнеса в связи с трансформацией мультиголосующих акций в обыкновенные нашла отражение в канадской практике. В Канаде допускается использовать двухклассовую систему формирования капитала с условием, что в определённый момент времени мультиголосующие акции будут трансформированы в обыкновенные. При этом отмечается, что трансформация мультиголосующих акций в обыкновенные приводит к повышению вероятности поглощения, поскольку повышается премия за контроль, которая, в свою очередь, повышает стоимость поглощаемой компании [13]. Таким образом, регулятивное ограничение периода существования мультиголосующих акций повышает риск поглощения молодой компании.

На наш взгляд, в данном контексте ограничивать период существования мультиголосующих акций не целесообразно. Во-первых, подобное ограничение формирует дополнительные условия для спекуляций. Профессиональные участники экономических отношений могут заранее ознакомиться с условиями конвертации мультиголосующих акций в обыкновенные и

осуществить куплю-продажу после. Во-вторых, данное ограничение носит искусственный характер ввиду того, что так или иначе основатель бизнеса когда-либо покинет его и передаст долю в собственном капитале иному физическому или юридическому лицу, таком случае мультиголосующие акции опять же трансформируются в обыкновенные.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, определено, что проблема обеспечения защиты от недружественного поглощения в секторе высоких технологий имеет важное значение. Поглощение молодых компаний крупными транснациональными корпорациями приводит к сужению рынка и снижению потенциала роста. Следовательно, развитие системы защиты от недружественных сделок слияния и поглощения является актуальной задачей финансового менеджмента.

Во-вторых, обосновано, что ни бизнес-ангелы, ни венчурные инвесторы не обладают высокой долей заинтересованности в отказе от сделки слияния и поглощения, поскольку подобная сделка выступает одним из основных способов выхода инвестора из молодого бизнеса.

В-третьих, выявлено, что особенность мультиголосующих акций как инструмента защиты от недружественных сделок слияния и поглощения заключается в том, что впервые элемент собственного капитала выступает в данной роли. Обычно увеличение количества долей собственности компании приводит к размытию капитала и повышению уровня риска утраты контроля. Использование мультиголосующих акций позволяет основателям компании привлекать внешнее финансирование собственного капитала компании для развития бизнеса без существенного повышения риска утраты контроля.

Тем не менее мультиголосующие акции не являются единственным инструментом решения стратегических проблем молодой компании. Основатели бизнеса заинтересованы в повышении своего благосостояния и прилагают максимум усилий для увеличения стоимости бизнеса. Но мультиголосующие акции не гарантируют, что основатели будут эффективно управлять компанией и приведут её к успеху. На это влияет огромное количество факторов и источников неопределённости. Следовательно, мультиголосующие акции выступают инструментом защиты от недружественных сделок слияния и поглощения, когда очевидно, что последняя приведёт к ликвидации компании в среднесрочном периоде.

Литература

1. *Arrighetti A., Landini F., Lasagni A.* Intangible assets and firm heterogeneity: Evidence from Italy // *Research Policy*. 2014. Vol. 43, № 1. P. 202–213.
2. *Calipha R., Brock, D.M., Rosenfeld A., Dvir D.* Acquired, transferred and integrated knowledge: a study of M&A knowledge performance // *Journal of Strategy and Management*. 2018. Vol. 11, № 3. P. 282–305.

3. Fernández S., Triguero Á., Alfaro-Cortés E. M&A effects on innovation and profitability in large European firms // *Management Decision*. 2019. Vol. 57, № 1. P. 100–114.
4. Jagersma P.K. Cross-border acquisitions of European multinationals // *Journal of General Management*. 2005. Vol. 3, № 3. P. 13–34.
5. Mbanyele W. Staggered Boards, Unequal Voting Rights, Poison Pills and Innovation Intensity: New Evidence from the Asian Markets // *International Review of Law and Economics*, Forthcoming. 2020.
6. Hossain A.T., Kryzanowski L. A review of the literature on dual-class firms // *Managerial Finance*. 2019. Vol. 45, № 9. P. 1199–1218.
7. Nüesch S. Dual-class shares, external financing needs, and firm performance // *Journal of Management & Governance*. 2016. Vol. 20, № 3. P. 525–551.
8. Cheng X., Mpundu H., Wan H. Investment efficiency: Dual-class vs. Single-class firms // *Global Finance Journal*. 2020. Vol. 45.
9. Hossain A.T. Dual-class firms and governance: an acquisition perspective // *Managerial Finance*. 2015. Vol. 41, № 11. P. 1221–1235.
10. Adhikari H.P., Nguyen T.T., Sutton N.K. The power of control: the acquisition decisions of newly public dual-class firms // *Review of Quantitative Finance and Accounting*. 2018. № 51. P. 113–138.
11. Cao X., Leng T., Goh J., Malatesta P. The innovation effect of dual-class shares: New evidence from US firms // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 91. P. 347–357.
12. Govindarajan V., Srivastava A. Reexamining dual-class stock // *Business Horizons*. 2018. Vol. 61, № 3. P. 461–466.
13. Allaire Y. The Case for Dual-Class of Shares // *Policy Paper*. 2019. № 11.

Development of a Protection System Against Hostile Mergers and Acquisitions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 109–118. DOI: 10.17223/19988648/56/8

Roza O. Voskanyan, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: rose.01@mail.ru

Keywords: high-tech company, two-class system, investment attractiveness, majority shareholder, minority shareholder, multi-voting share, intangible assets.

The effective development of the economy depends on the level of competition. The development of a system of protection against hostile mergers and acquisitions contributes to the creation of a highly competitive environment, forms more comfortable conditions for business. In this study, the author aims to develop this protection system through the use of a two-class system of a company's equity capital formation. At present, in the Russian Federation, the two-class system of a company's equity capital formation using multi-voting shares has been little studied. This allows judging about the theoretical significance of the study, since the obtained results develop the theory and instruments of financial management. The author substantiates the low interest of business angels and venture investors in protecting a young company from mergers and acquisitions, since the latter are one of the main ways for an investor to exit a young business. The author reveals that, for the first time, the element of a company's equity capital in the form of multi-voting shares acts as an instrument of protection against mergers and acquisitions; this element does not create additional risks for founders to lose control of their business by attracting additional financing of equity capital. In this regard, the author proposes to use multi-voting shares held by founders of the business as an additional instrument of protection against hostile mergers and acquisitions of young companies.

References

1. Arrighetti, A., Landini, F. & Lasagni, A. (2014) Intangible assets and firm heterogeneity: Evidence from Italy. *Research Policy*. 43 (1). pp. 202–213.

2. Calipha, R., Brock, D.M., Rosenfeld, A. & Dvir, D. (2018) Acquired, transferred and integrated knowledge: a study of M&A knowledge performance. *Journal of Strategy and Management*. 11 (3). pp. 282–305.
3. Fernández, S., Triguero, Á. & Alfaro-Cortés, E. (2019) M&A effects on innovation and profitability in large European firms. *Management Decision*. 57 (1). pp. 100–114.
4. Jagersma, P.K. (2005) Cross-border acquisitions of European multinationals. *Journal of General Management*. 3 (3). pp. 13–34.
5. Mbanyele, W. (2021) Staggered Boards, Unequal Voting Rights, Poison Pills and Innovation Intensity: New Evidence from the Asian Markets. *International Review of Law and Economics*. 65.
6. Hossain, A.T. & Kryzanowski, L. (2019) A review of the literature on dual-class firms. *Managerial Finance*. 45 (9). pp. 1199–1218.
7. Nüesch, S. (2016) Dual-class shares, external financing needs, and firm performance. *Journal of Management & Governance*. 20 (3). pp. 525–551.
8. Cheng, X., Mpundu, H. & Wan, H. (2020) Investment efficiency: Dual-class vs. Single-class firms. *Global Finance Journal*. 45.
9. Hossain, A.T. (2015) Dual-class firms and governance: an acquisition perspective. *Managerial Finance*. 41 (11). pp. 1221–1235.
10. Adhikari, H.P., Nguyen, T.T. & Sutton, N.K. (2018) The power of control: the acquisition decisions of newly public dual-class firms. *Review of Quantitative Finance and Accounting*. 51. pp. 113–138.
11. Cao, X., Leng, T., Goh, J. & Malatesta, P. (2020) The innovation effect of dual-class shares: New evidence from US firms. *Economic Modelling*. 91. pp. 347–357.
12. Govindarajan, V. & Srivastava, A. (2018) Reexamining dual-class stock. *Business Horizons*. 61 (3). pp. 461–466.
13. Allaire, Y. (2019) The Case for Dual-Class of Shares. *Policy Paper*. 11.

УДК 330.1

DOI: 10.17223/19988648/56/9

С.В. Чернявский, О.Л. Шутов, И.А. Астахова

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ИЗЪЯТИЯ ПРИРОДНОЙ РЕНТЫ В ИНТЕРЕСАХ СОБСТВЕННИКА РЕСУРСА

Дифференциальная природная рента является особым видом дохода, отражающим благоприятные природные характеристики объекта рентообразования, который принадлежит собственнику ресурса и подлежит изъятию в его пользу. Исходя из этого, в отношении горной ренты ее налоговое изъятие в пользу собственника недр – государства – нецелесообразно, так как налог не может обеспечить полное поступление дифференциальной горной ренты в федеральный и иные региональные бюджеты. Для обеспечения полного изъятия дифференциальной горной ренты в доход государства предлагается использовать механизм расчетных цен, что обеспечит неналоговое изъятие дифференциальной горной ренты и повысит эффективность системы налогообложения добычи нефти и газа.

Ключевые слова: природная рента, условия добычи, факторы образования ренты, налог на добычу полезных ископаемых, расчетные цены, неналоговое изъятие

Дифференциальная природная рента является особым видом дохода, отражающим благоприятные природные характеристики объекта рентообразования. Так, для земледелия это плодородие и географическое местоположение земельных участков, в нефтедобыче условия образования дифференциальной ренты «...могут быть поняты лишь на основе показа различных условий производства, связанных с геологическим строением месторождений и их частей» [3, с. 56]. Указанные условия являются «...основными факторами образования ренты у недропользователей» [5, с. 31–32], к которым в первую очередь относятся «начальная концентрация запасов (отношение начальных извлекаемых запасов к площади нефтенасыщенности); крупность месторождения (величина начальных извлекаемых запасов); глубина залегания пластов; вязкость нефти в пластовых условиях; выработанность запасов; обводненность извлекаемой продукции; начальный дебит скважин; технологический коэффициент извлечения нефти (КИН); экономико-географические факторы [5, с. 31]. Таким образом, величина дифференциальной ренты прямо зависит от соответствующих природных характеристик земельного участка или месторождения, а ее величина, если имеется в виду горная рента, определяется как разница между замыкающими затратами и конкретными затратами на весь объем добычи полезного ископаемого на данном месторождении. Такая точка зрения на дифференциальную природную ренту является общепринятой, хотя некоторые экономисты считают, что дифференциальная рента I рода

«...связана не с особыми природными свойствами минеральных ресурсов, а с институтами, регулируемыми соответствующие отношения, и при эффективных институтах ее может и не быть» [6, с. 183].

Рентный доход, выражающий указанные природные и географические преимущества месторождения, шахты или рудника, принадлежит собственнику недр – государству и подлежит полному изъятию в его пользу.

Однако с введением налога на добычу полезных ископаемых, который даже с учетом существующей дифференциации его ставок никак не зависит от конкретных условий добычи («...ставка налога не дифференцируется в зависимости от условий добычи полезных ископаемых» [13]), изъятие дифференциальной горной ренты практически не производится. Следует согласиться, что «...принятие частичных (точечных) мер, направленных на совершенствование механизма исчисления и уплаты налога на добычу полезных ископаемых, таких как исчисление НДС по нулевой ставке (при разработке новых месторождений на определенных территориях в Восточной Сибири до достижения накопленного объема добычи 25 млн тонн на участке недр, а также добыче сверхвязких нефтей) и налоговые льготы по НДС (на участках недр с выработанностью 80 % и более), не может в целом решить проблему» [15, с. 18] изъятия дифференциальной горной ренты. В этих условиях НДС провоцирует нефтегазовые компании на применение различных схем налоговой оптимизации, которые использовались «...буквально всеми нефтегазовыми компаниями» [1, с. 34], из-за чего «...в бюджет не попадают от 30 до 50 % подлежащих уплате налогов» [1, с. 32–33].

Системы налогообложения добычи нефти и газа в других странах участвуют в изъятии рентных доходов через дифференцированную шкалу отчислений: чем выше рентабельность и доходность месторождений, тем выше ставка соответствующих налогов. То есть налицо своеобразный учет природных условий добычи на месторождении через его доходность и рентабельность. Но это за рубежом. В России «...вместо горной ренты в виде дифференцированных платежей за добычу была принята плоская шкала НДС, что противоречит мировой практике» [13]. В результате наблюдается неточное определение суммы горной ренты и, соответственно, неполное изъятие ее в бюджет.

Так как сумма горной ренты может быть рассчитана как для отдельного месторождения, так и их групп, может быть предложено несколько различных моделей механизма изъятия горной ренты в бюджет страны.

Первая модель – это простое изъятие рассчитанной суммы горной ренты в форме налогов или рентных платежей. Однако сразу следует отметить, что такому варианту изъятия присущи серьезные недостатки.

Так, многие экономисты считают необходимым, чтобы изъятие горной ренты было обеспечено неналоговым методом. В первую очередь это связано с тем, что налог не приспособлен для полного изъятия ренты. С помощью налогов государство изымает в свою пользу часть доходов или имущества различных предпринимателей или собственников. А горная рента целиком является доходом собственника недр – государства. Именно

поэтому Д.С. Львов писал: «Природная рента должна изыматься и использоваться по тем или иным правилам для нужд общества в целом. Налогом может облагаться только прибыль» [10, с. 11]. В другой работе Д.С. Львов отмечает: «Экономически и юридически рента и налоги – разные категории. ...Они с налогами не корреспондируют» [9, с. 177]. С. Андрюшин и С. Кимельман имеют сходную позицию: «На наш взгляд, природная рента это не налог и налогом быть не может. Прежде всего потому, что ренту должен платить тот, у кого она возникает, а не граждане России, оплачивающие в конечном счете товары и услуги, в цену которых включена рента и другие налоги за недропользование. Иными словами, чтобы у недропользователя образовалась рента в денежном выражении, она включается в рыночную цену реализации товаров и услуг, к примеру, бензина. Поэтому она не может быть основанием для увеличения или уменьшения налогооблагаемой базы, так как не является результатом деятельности недропользователей» [2]. Почти о том же самом пишет и С.А. Мясоедов: «Ренту должен платить тот, кто её необоснованно присваивает, а не потребители – государственные и частные предприятия, для которых подобная ситуация ведёт к удорожанию их собственной продукции, и снижает её конкурентоспособность. В конечном итоге ренту платят граждане Российской Федерации, потребители товаров и услуг, в цену которых входит рента. Следуя теории ренты, именно государство, общество, а в итоге граждане России являются получателями горной ренты, а на практике они являются плательщиками ренты» [11, с. 37]. Этой же позиции придерживается и А.Д. Некипелов: «Дело в том, что рента не является налогом, рента – это факторный доход» [12]. Таким образом, следует согласиться, что «...изъятие дифференциальной горной ренты не может происходить через налоговый механизм» [14].

Кроме этого, применение налогов, как правило, сопровождается применением различного рода льгот, что в отношении горной ренты – собственности государства – неприемлемо.

Если налоговое изъятие природной ренты неприемлемо, то концепция реформирования и механизм изъятия дифференциальной горной ренты должны основываться на том положении, что ее изъятие и налогообложение прибыли и прочих доходов, в том числе рентных, должны производиться изолированно путем использования соответствующих инструментов и механизмов.

И с этой точки зрения интересен советский опыт применения расчетных цен, который обеспечивал именно такое положение, в результате чего, в частности: «...в советской экономике... почти вся сумма нефтяной и ценовой горной ренты, в том числе дифференциальной ренты I рода, изымалась в виде не заработанного нефтедобывающими предприятиями дохода. Предприятиям доставалась плановая прибыль и вся экономия текущих эксплуатационных затрат, которая достигалась за счет внедрения новых технических и инновационных решений, то есть дифференциальная горная рента II рода» [8].

В связи с этим для изъятия горной ренты предлагается использовать видоизмененный механизм функционирования расчетных цен, применяв-

шийся в условиях плановой экономики для перераспределения горной ренты высокорентабельных добывающих предприятий низкорентабельным и убыточным для обеспечения им нормальной работы. При использовании предлагаемого механизма государство будет получать всю сумму горной ренты, а недропользователи в качестве доходов будут получать нормальную прибыль и соответствующую часть квазиренты с целью стимулирования деятельности, направленной на повышение технического уровня добычи с целью роста ее эффективности.

При этом определение горной ренты для данного месторождения будет равно разнице между стоимостью добычи этого месторождения в рыночной и расчетной ценах. Тогда с месторождением будут расплачиваться по расчетной цене, в основе которой будет лежать себестоимость данного месторождения, построенная на базе нормативных затрат плюс нормальная прибыль. Оптовые же покупатели будут выкупать нефть по рыночной цене, построенной на основе замыкающих затрат. Для установления уровней расчетных цен и осуществления расчетов с покупателями и недропользователями необходима организация расчетного центра, который, кроме этого, будет выполнять перечисление горной ренты в федеральный бюджет страны.

Если же имеются месторождения со сходными природными условиями рентообразования и близкими по величине уровнями нормативных затрат на добычу нефти, имеет смысл свести в группы, для которых будет рассчитываться единая расчетная цена, построенная на базе средних по выделенной группе удельных нормативных затрат месторождений плюс нормальная прибыль, по которой будет оплачиваться добытая нефть у всех месторождений данной группы. В этом случае определение сумм горной ренты для данного месторождения будет равняться разнице между стоимостью его добычи в рыночной и среднегрупповой расчетной ценах. Периодичность расчетов и перечислений горной ренты следует установить таким образом, чтобы указанный механизм по срокам корреспондировался с действующей системой налогообложения, в связи с чем расчетным периодом следует установить месяц.

С другой стороны, как уже отмечалось, недропользователям необходимо оставить нормальную прибыль и принадлежащую им квазиренту (или ее часть). Указанная сумма будет определяться в первом случае как разница между нормативными (принятыми при установлении цены) минус фактические затраты на добычу барреля или тонны нефти (если фактические затраты ниже нормативных), умноженная на объем добычи данного месторождения, а во втором случае – как разница между средними нормативными удельными затратами по группе выделенных месторождений и фактическими индивидуальными затратами добычи тонны или барреля нефти конкретного месторождения (если вторые ниже первых), также умноженная на объем добычи данного месторождения. С целью стимулирования заинтересованности недропользователей в повышении эффективности производства указанную сумму квазиренты целесообразно изымать по по-

нижней ставке налогообложения прибыли или оставлять недропользователям полностью.

Таким образом, предлагаемый механизм обеспечит неналоговое изъятие горной ренты, при этом расчетные цены отделят горную ренту от прочих доходов недропользователей.

Использование в качестве основы для определения размеров расчетных цен нормативных затрат отдельных месторождений или среднегрупповых затрат месторождений со сходными природными условиями добычи, позволит в значительной мере учесть конкретные природные условия месторождений или их групп. Естественно, так нельзя получить точные размеры горной ренты для месторождений, но, как считает И.В. Картовенко, «применительно к добывающим компаниям, в частности занимающимся разработкой нефти и газа, можно определить приблизительную величину ренты» [7, с. 10]. Конечно, можно воспользоваться для расчета абсолютно точных величин горной ренты статистических методов, например факторного анализа и пр., но тогда нельзя будет ограничиться бухгалтерской информацией и отчетностью, потребуются специальные геологические данные о каждом месторождении, а также проведение постоянных перерасчетов сумм ренты.

Такие перерасчеты потребуются в любом случае, так как на объемы добычи и процесс рентообразования в нефтедобыче активно влияет стадия жизненного цикла освоения месторождения.

Так, стадии жизненного цикла разработки месторождения характеризуются уровнем геологических знаний, специфическими финансовыми, геологическими и прочими рисками, показателями прибыльности вложений. Например, В.Э. Тоскунина считает, что «на каждом этапе освоения необходимо проведение соответствующей налоговой, структурной политики и формирование адекватных механизмов и процедур передачи недр в пользование, способствующих адаптации сектора к объективно меняющимся условиям. Поскольку степень зрелости ресурсной базы оказывает решающее влияние на экономические показатели освоения (величину издержек, прибыли, ренты), то переход от одного этапа к другому должен сопровождаться изменением целей и задач налогового регулирования. Проведение гибкой налоговой политики (адекватно реагирующей на изменение экономических и горно-геологических условий нефтегазодобычи) не только будет способствовать наиболее полному извлечению экономической ренты в процессе освоения нефтегазовых ресурсов нового региона, но и наиболее полному извлечению запасов из недр (налоговое стимулирование разработки низкоэффективных запасов), ослаблению социальных проблем (занятости и др.)» [15, с. 34–35]. По мнению С. Кимельмана и С. Андрюшина, к числу основных причин рентообразования следует отнести стадию «...жизненного цикла разработки месторождения. Известна закономерность (кривая Хаббарда) разработки нефтяных месторождений, согласно которой в первые 10–15 лет после начала эксплуатации рентабельность добычи возрастает, затем держится на пике в

течение 5–10 лет, после чего начинает снижаться по мере истощения запасов месторождения» [2, с. 33].

Во многом это мнение обоснованно. Несомненно, что стадии жизненного цикла разработки месторождений может характеризоваться присутствием им особенностями в процессе рентообразования. Так, поисково-разведочная стадия характеризуется нехваткой геологических и прочих данных, которая ликвидируется при проведении геологических работ. Для данной стадии, которая заканчивается лишь с началом добычи углеводородов, характерен высокий геологический риск, а в связи с отсутствием добычи нефти размеры горной ренты и прочих доходов равны 0.

Следующая стадия ранней добычи характеризуется быстрым накоплением геологической информации и открытиями крупных запасов нефти. Высокие удельные расходы заметно уменьшаются. Быстро нарастает добыча нефти. Параллельно на этой стадии начинается активный процесс рентообразования.

Следующая стадия развития месторождения – стадия зрелости (стабильной добычи). На этой стадии добыча нефти достигает максимума, но затем начинается ее постепенное сокращение. С началом сокращения объемов добычи изменяется и процесс рентообразования – суммы горной ренты начинают уменьшаться.

Следующая стадия – это завершающая стадия падающей добычи – стадия «постзрелости». Эта стадия характеризуется постоянным снижением объемов добычи и ее рентабельности, однако созданная ранее инфраструктура способствует дальнейшей рентабельной эксплуатации месторождений (при постоянном снижении рентабельности добычи), обеспечивая им нормальную прибыль, соответствующую потребностям. На этой стадии суммы горной ренты характеризуются постоянным снижением и постепенно приближаются к нулю. С окончанием данной стадии начинается последняя фаза – истощение нефтегазовых месторождений. На этой фазе добыча нефти находится на грани экономической эффективности, в то время как месторождения выводятся из эксплуатации ускоренными темпами.

Таким образом, кроме первого этапа – поисково-разведочного, на котором добыча еще не ведется, все остальные сопровождаются изменением дебитов скважин и объемов добычи нефти.

Однако процесс добычи является непрерывным, сумма затрат при эксплуатации месторождения весьма незначительно меняется с изменением дебита скважины и объемов добычи нефти (однако так как добыча на месторождении ведется не одно десятилетие, учет инфляции при подсчетах затрат и расчетных и продажных цен необходим). При этом не следует забывать, что эксплуатационные затраты – не единственные затраты, необходимые для эксплуатации месторождения, «...поскольку запас ресурса в недрах с каждым годом убывает вследствие ежегодной добычи. Имея в виду только этот основной фактор, можно считать: если не производится дополнительных вложений, то добыча будет сокращаться пропорционально запасу. Поэтому возникает категория капитальных затрат на поддержа-

ние добычи. Их следует рассматривать как затраты на простое воспроизводство» [4]. Таким образом, и эти затраты можно принять за постоянные. Постоянное изменение объемов добычи позволит достаточно точно определять объемы добычи, а следовательно, и размеры горной ренты лишь в том случае, если «...оборудовать комплексы, участвующие в процессе добычи и переработки, системой электронного фиксирования (датчиков контроля входа-выхода, приема-выпуска сырья)» [15, с. 24]. Тогда при почти неизменных затратах на добычу и при изменении ее объемов задача по определению размеров горной ренты становится чисто арифметической.

Следует также отметить, что за счет расчета себестоимости добычи отдельных месторождений на базе нормативных затрат и группировки месторождений с близкими природными параметрами механизм, основанный на использовании системы расчетных цен, обеспечит неналоговое и полное изъятие дифференциальной горной ренты в доход государства, что повысит эффективность системы налогообложения добычи нефти и газа.

Литература

1. *Алабердеев Р.Р.* Налоговая преступность в нефтегазовом комплексе России // Вопросы регулирования экономики. 2011. Т. 2, № 1. С. 29–46.
2. *Андрюшин С., Кимельман С.* Рента сверху не видна // Российская бизнес-газета. 2003. № 438. URL: <http://www.rg.ru/2003/12/09/renta.html/> (дата обращения: 25.10.2021).
3. *Божедомов А.И.* Земельная рента в капиталистической нефтедобывающей промышленности. Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1958. 172 с.
4. *Вавилов А.П., Трофимов Г.Ю.* Энергобезопасность, глобальный рост и взаимовыгодное управление рисками / Институт финансовых исследований. 2008. URL: <http://www.ifs.ru/publications/2008/> (дата обращения: 26.08.2021).
5. *Волынская Н.А., Пленкина М.В.* Влияние основных рентообразующих факторов на удельные полные затраты в добыче нефти // Инновационные технологии управления развитием ТЭК: региональный и отраслевой аспект : сборник научных трудов. Тюмень, 2006. С. 31–35.
6. *Жикаляк Н.В.* Рента в горной промышленности: виды и причины образования // Економічний вісник Донбасу. 2013. № 3 (33). С. 180–185.
7. *Картовенко И.В.* Налоговые регуляторы нефтяного сектора в современной экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. 26 с.
8. *Кимельман С.* Куда в России деваются нефтяная рента // Промышленные ведомости. 2004. № 4. URL: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=768&nomer=28/> (дата обращения: 24.11.2012).
9. *Львов Д.* Вернуть народу ренту. Резерв для бедных. М. : Эксмо-алгоритм, 2004. 256 с.
10. *Львов Д.С.* О формировании системы национального дивиденда // Вестник университета. 2001. № 1 (2). С. 5–19.
11. *Мясоедов С.А.* Формирование механизма и инструментов обеспечения устойчивого развития золотодобывающей отрасли промышленности : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М. : Институт экономики и социальных отношений, 2010. 59 с.
12. *Некипелов А.Д.* Политика правительства блокирует модернизацию экономики // Независимая. 2005. 4 декабря. URL: http://www.ng.ru/Идеи/.../10_nekipelov.html/ (дата обращения: 25.10.2012).
13. *Платежи при пользовании недрами* // Закон сегодня. Юридический портал. URL: <http://www.lawtoday.ru/razdel/fz/10004313-005.php/> (дата обращения: 19.01.2014).

14. *Природные ресурсы и окружающая среда*. URL: [http://www.grandars.ru/География/Природные ресурсы/](http://www.grandars.ru/География/Природные_ресурсы/) (дата обращения: 23.10.2013).

15. *Тоскунина В.Э.* Программно-функциональный подход к освоению нефтегазовых ресурсов новых регионов : автореф дис. ... д-ра экон. наук. СПб. : СПбГИ им. Г.В. Плеханова, 2007. 45 с.

Problems of Improving the Mechanism of Natural Rent Extraction in the Interests of the Resource Owner

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 119–127. DOI: 10.17223/19988648/56/9

Sergey V. Chernyavskiy, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vols85-85@mail.ru

Oleg L. Shutov, Maykop State Technological University. Maykop, Russian Federation). E-mail: oshutov68@gmail.com

Irina A. Astakhova, Maykop State Technological University. Maykop, Russian Federation). E-mail: Irene-77@mail.ru

Keywords: natural rent, production conditions, rent-generating factors, mineral mining tax, calculated prices, nontax extraction.

Differential natural rent is a special type of income that reflects the favorable natural characteristics of the rent formation object that belongs to the owner of the resource and is subject to extraction in its favor. In oil production, such natural characteristics include the initial concentration of reserves (the ratio of the initial extracted reserves to the area of oil saturation); deposit size (the magnitude of the initial recoverable reserves); depth of reservoir formation; oil viscosity in reservoir conditions; stock generation; flooding of recoverable products; initial well flow; technological coefficient of oil extraction; economic and geographical factors. Based on this, with respect to mining rent, its tax extraction in favor of the owner of the subsoil – the state – is inappropriate – the tax cannot provide the full flow of differential mining rent to the federal and other regional budgets. Thus, the mineral mining tax, which, even taking into account the existing differentiation of its rates, does not depend on the specific conditions of production, and the differential mining rents are practically not extracted in modern conditions. To ensure a complete extraction of differential mining rent in the state's income, it is proposed to employ the mechanism of calculated prices, which were used in some sectors of the mining industry in the conditions of the planned economy. When using calculated prices, oil-producing companies will receive as income a normal profit and the corresponding part of the quasirent in order to stimulate activities aimed at improving the technical level of production and increase its effectiveness. The amount of mining rent for this field will be determined as the difference between the production cost of this field in the market and calculated prices. Then the deposit will be paid at a calculated price, which is based on the cost price of this field based on standard costs plus normal profits. If there are deposits with similar natural conditions of rent formation and closest levels of regulatory costs for oil production, it seems appropriate to arrange them into groups for which a single price will be calculated based on the average specific regulatory costs for oil production plus normal profits. The use of the calculated price mechanism will significantly take into account the specific natural conditions of specific deposits or their groups, due to the use of the regulatory costs for oil production for calculations. Thus, the use of the calculated price mechanism will provide a nontax extraction of differential mining rent and increase the efficiency of the oil and gas production taxation system.

References

1. Alaberdeev, R.R. (2011) Tax criminality in the oil-gas complex of Russia. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki – Journal of Economic Regulation*. 1 (2). pp. 29–46. (In Russian).
2. Andryushin, S. & Kimel'man, S. (2003) Renta sverkhu ne vidna [Rent is not visible from above] *Rossiyskaya Biznes-gazeta*. 438. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2003/12/09/renta.html/> (Accessed: 25.10.2021).
3. Bozhedomov, A.I. (1958) *Zemel'naya renta v kapitalisticheskoy nefteobnyayushchey promyshlennosti* [Land Rent in the Capitalist Oil Industry]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Vavilov, A.P. & Trofimov, G.Yu. (2008) Energobezопасnost', global'nyy rost i vzaimovыgodnoe upravlenie riskami [Energy security, global growth and mutually beneficial risk management]. *Institut finansovykh issledovaniy* [Institute for Financial Studies]. [Online] Available from: <http://www.ifs.ru/publications/2008/> (Accessed: 26.08.2021).
5. Volynskaya, N.A. & Plenkina, M.V. (2006) Vliyaniye osnovnykh rentoobrazuyushchikh faktorov na udel'nyye polnye zatraty v dobyche nefti [The influence of the main rent-forming factors on specific total costs in oil production]. In: *Innovatsionnyye tekhnologii upravleniya razvitiem TEK: regional'nyy i otraslevoy aspekt* [Innovative Technologies for Managing the Development of the Fuel and Energy Complex]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. pp. 31–35.
6. Zhikalyak, N.V. (2013) Rent in mining industry: kinds and reasons of creation. *Ekonomichnyy visnik Donbasu – Economic Herald of the Donbass*. 3 (33). pp. 180–185. (In Russian).
7. Kartovenko, I.V. (2009) *Nalogovyye regulatory neftyanogo sektora v sovremennoy ekonomike* [Tax regulators of the oil sector in the modern economy]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
8. Kimel'man, S. (2006) Kuda v Rossii devaetsya neftyanaya renta [Where the oil rent goes in Russia]. *Promyshlennyye vedomosti*. 4. April. [Online] Available from: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=768&nomer=28/> (Accessed: 24.11.2012).
9. L'vov, D. (2004) *Vernut' narodu rentu. Rezerv dlya bednykh* [To Return the Rent to the People. Reserve for the poor]. Moscow: Eksmo-algorithm.
10. L'vov, D.S. (2001) O formirovaniy sistemy natsional'no dividenda [On the formation of the national dividend system]. *Vestnik universiteta*. 1 (2). pp. 5–19.
11. Myasoedov, S.A. (2010) *Formirovaniye mekhanizma i instrumentov obespecheniya ustoychivogo razvitiya zolotodobyvayushchey otrasli promyshlennosti* [Formation of the mechanism and tools for ensuring sustainable development of the gold mining industry]. Abstract of Economics Dr. Diss. Moscow.
12. Nekipelov, A.D. (2005) Politika pravitel'stva blokiruet modernizatsiyu ekonomiki [Government policy blocks the modernization of the economy]. *Nezavisimaya gazeta*. 4 December. [Online] Available from: http://www.ng.ru/idei/.../10_nekipelov.html/ (Accessed: 25.10.2012).
13. Zakon segodnya. Yuridicheskiy portal [The Law Today. Legal Portal]. (n.d.) *Platzhi pri pol'zovanii nedrami* [Payments for the use of mineral resources]. [Online] Available from: <http://www.lawtoday.ru/razdel/fz/10004313-005.php/> (Accessed: 19.01.2014).
14. Grandars.ru. (n.d.) *Prirodnyye resursy i okruzhayushchaya sreda* [Natural resources and the environment]. [Online] Available from: <https://www.grandars.ru/shkola/geografiya/prirodnyye-resursy-i-sreda.html/> (Accessed: 23.10.2013).
15. Toskunina, V.E. (2007) *Programmno-funktsional'nyy podkhod k osvoeniyu neftegazovykh resursov novykh regionov* [Program-functional approach to the development of oil and gas resources of new regions]. Abstract of Economics Dr. Diss. Saint Petersburg.

УДК 336.6

DOI: 10.17223/19988648/56/10

Д.А. Оганян, Т.Е. Даниловских

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЗИНГОВЫХ КОМПАНИЙ

Стандартные критерии оценки финансового состояния предприятий некорректно отражают финансовое состояние лизинговых компаний. Некачественный анализ финансово-хозяйственной деятельности негативно влияет на репутацию лизингового предприятия, а также на процесс принятия эффективных управленческих решений. Данным фактом обусловлена необходимость разработки универсальной методики оценки финансово-хозяйственной деятельности лизинговых компаний. В данной статье рассматриваются методические подходы анализа финансового состояния лизинговых компаний, а также полнота и универсальность отечественных и зарубежных методов.

Ключевые слова: оценка финансового состояния, финансовый анализ, платежеспособность, ликвидность, финансовый результат, лизинговые компании, лизинг, финансовая аренда

В экономической теории понятие «лизинг» появилось значительно позже, чем само явление. Арендная деятельность возникла около четырех тысяч лет назад, но до сих пор неизвестно, где была совершена первая сделка.

Археологические исследования указывают о возникновении арендных отношений в южной Месопотамии в древнем городе шумеров Нишпур. Семья Мурашу совершала сделки по аренде земли, скота, сельскохозяйственной техники и материалов для сельского хозяйства. Бизнес Мурашу не имел ничего общего с лизинговой деятельностью, поэтому родиной финансовой аренды принято считать Финикию. Жители этого древнего региона сдавали в аренду суда, предоставляя дополнительную услугу в виде пользования корабельной командой. Заключался договор аренды команды, и устанавливался срок службы судна. Данная схема была наиболее близка к схеме лизинговых операций.

Термин «лизинг» произошел от английского глагола «to lease» – «сдавать в аренду». Дословно «leasing» означает «сдача или съем на основе контракта». Появление термина связывают с деятельностью телефонной компании Белл. В 1877 г. руководство компании приняло решение сдавать телефоны в аренду с правом выкупа. Первой лизинговой организацией считается компания USLC, основанная в 1952 г. в штате Калифорния. Г. Шонфельд организовал компанию для совершения единственной сделки в сфере железнодорожного транспорта. Схема сделки позволяет считать родиной современного лизинга США [1, с. 69].

В соответствии с гл. 34 Гражданского кодекса РФ лизинг является разновидностью арендных правоотношений. В статье 665 ГК РФ финансовая

аренда определяется как сделка, при которой лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить такое имущество лизингополучателю за плату во временное владение и пользование [2].

В отечественной литературе происходит определенное смешение и разграничение понятий «лизинг» и «аренда». Данная тенденция возникает исключительно исходя из терминологических ошибок, недостаточного изучения особенностей каждого понятия. Стоит отметить, что в зарубежной практике нет различий между арендой и лизингом, так как оба термина определяются как «lease».

На наш взгляд, лизинг необходимо рассматривать именно как разновидность арендных отношений. Лизинг определяется комплексом экономических и имущественных отношений, возникающих в связи с приобретением предметов лизинга с последующей сдачей их во временное пользование с возможностью дальнейшего выкупа и способствующих реализации предпринимательских целей.

Выделим отличительные характеристики лизинговой деятельности [3, с. 131]:

1. Лизингополучатель – владелец предмета лизинга, но при этом на него возлагаются обязанности собственника. Например, риск порчи или утраты предмета лизинга. В данном случае лизингополучатель обязан возместить убытки лизингодателю путем ремонта или замены предмета лизинга, а также погашения задолженности по платежам.

2. Условия учета предмета лизинга определяются договором лизинга. По соглашению сторон лизинговое имущество может отражаться на балансе лизингодателя или на балансе лизингополучателя.

3. Как правило, предмет лизинга приобретается специально для каждой новой сделки. Специфика имущества определяется договором лизинга.

4. Срок действия договора лизинга чаще всего приближен к сроку полезного использования предмета лизинга.

5. В лизинговой деятельности используется коэффициент ускоренной амортизации, равный 3. Списание стоимости предмета лизинга на расход происходит в 3 раза быстрее. Параллельно этому процессу уменьшается и налоговая база по налогу на прибыль.

6. В основном лизинговые платежи покрывают затраты лизингодателя по совершению сделки, и в конце срока действия договора выплачивается выкупной платеж, после которого имущество переходит в собственность лизингополучателя.

История развития лизинговых сделок насчитывает около четырех тысяч лет, однако универсального подхода к анализу финансового состояния лизинговых компаний на сегодняшний день не существует. В зарубежной и отечественной литературе проблема анализа лизинговых компаний не нашла широкого отражения. По этой причине определить уровень кредитоспособности и платежеспособности лизинговых компаний финансирующим организациям объективно сложно. Чаще всего они принимают ре-

шение не кредитовать лизинг, что негативно сказывается на сфере лизинга в целом.

Прежде чем рассмотреть существующие подходы к оценке финансового состояния лизинговых компаний, обратимся к общей методике финансового анализа организации. К основным элементам финансового анализа относятся анализ средств и источников, анализ финансовых результатов и анализ финансового состояния. В свою очередь, анализ средств и источников включает анализ активов, обязательств и собственных средств; анализ финансовых результатов включает анализ расходов, прибыли и доходов; анализ финансового состояния включает анализ ликвидности и платежеспособности, финансовой устойчивости и достаточности капитала [4, с. 16]. Основные подходы к оценке финансового состояния предприятий рассмотрены в табл. 1.

Таблица 1. Основные подходы к оценке финансового состояния предприятий

Подход	Характеристика	Результаты
Сравнительный анализ	Сравнение показателей деятельности предприятия со средними по отрасли или значениями показателей других предприятий	Определение отклонений от среднеотраслевых значений
Трендовый анализ	Анализ показателей в динамике с построением тренда	Определение тенденций и закономерностей изменений без учета случайных влияний
Вертикальный и горизонтальный анализ	Построение аналитической отчетности с абсолютными и относительными темпами роста	Определение изменений, произошедших в статьях отчетности
Коэффициентный подход	Анализ относительных коэффициентов и сравнение с нормативными значениями	Определение сильных и слабых сторон предприятия, оценка реальной результативности деятельности
Факторный подход	Изучение и измерение влияния факторов на результаты деятельности предприятия	Определение причин изменения технико-экономических и финансовых показателей
Балансовый подход	Анализ структуры, соотношений и пропорций взаимосвязанных показателей	Диагностика результатов деятельности предприятия, обнаружение профицита или дефицита ресурсов
Балльный подход	Классификация по уровню финансового состояния предприятия при оценке системы показателей	Определение уровня финансового состояния

Проблема анализа деятельности лизинговых компаний рассматривалась в работах зарубежных экспертов, таких как И. Хендель, Т. Хартманн-Вендельс, Т. Кларк, С. Лим, Э. Ян, Д. Дилтс, М. Бейлисс, В. Битти, А. Бергер, Ф. Марстон, Р. Харис. В отечественной литературе над вопросом оценки финансового состояния лизинговых компаний работали И.Р. Дун, Ф. Кузьмин, Е.П. Шаталова, Н.В. Кудряшова, М. Мишина, Н. Кукарова, Р. Зарипов и др.

При исследовании специфики лизинговых операций были изучены труды ученых: В.В. Ковалёва, А.В. Бусыгина, М.Л. Лещенко, Е.В. Кабатова, А.Р. Галимова, Т.А. Пантелеева и др.

Российская лизинговая деятельность активно развивается и унифицируется. Сделки лизинга все чаще используются в различных отраслях, а количество лизинговых компаний с каждым годом растет. По этой причине необходимость создания универсальной методики анализа финансового состояния лизинговых компаний становится более острой.

Отметим, что разработка методики анализа лизинговых компаний долгое время не имела смысла, так как в середине 90-х гг. финансирующие организации долгое время относились к лизинговым компаниям как к посредникам и при принятии решения о финансировании сделки анализировали финансовое состояние лизингополучателя. Данный факт объясняется тем, что возврат кредита, как правило, зависит от своевременных лизинговых платежей клиента, и финансирование сделки в основном происходило при помощи кредитов. Анализ финансового состояния лизингополучателей основывался на сопоставлении суммы лизинговых платежей и кредитных платежей. Данный методический подход рассматривался в зарубежных источниках, у таких авторов, как Д. Дилтс, В. Битти, Ф. Марстон и Р. Харрис, Э. Ян, А. Бергер. Их труды систематизировал Дж. Шельхейм в 2013 г. в работе «Сдача в аренду расширяет возможности погасить долг?». Основываясь на теории, а также эмпирической выборке, он показал, что кредитный долг и лизинговые платежи взаимозаменяемы и взаимодополняемы.

В настоящее время многие лизингодатели осуществляют лизинговые сделки за счет собственных средств, доля заемных средств в структуре капитала компаний снижается, поэтому взаимосвязь лизинговых платежей и кредитного долга ослабевает. Перечень обязанностей лизингодателя с развитием сферы возрос. В современной лизинговой сделке лизингодатель выступает не только как посредник, но и как управленец комплексной лизинговой сделки. Экспертность компании в организации лизинговой сделки во многом влияет на скорость проведения лизинговой операции, платежную дисциплину и соблюдение нормативных актов.

Формирование нормативно-правовой базы лизинговой деятельности в России началось в 90-х гг. XX в. Однако специальной нормативно-правовой базы по оценке финансового состояния лизинговых предприятий в настоящее время нет. Существует ряд общих методических рекомендаций, которые раскрывают коэффициенты и их нормативные значения, а также включают в себя сопроводительную теорию по финансовому анализу предприятий.

Отсутствие комплексной информационной базы, описывающей особенности анализа и учета лизинговых операций в зарубежной и отечественной литературе, побудило современных исследователей всё чаще обращаться к теме анализа лизинга. В ряде учебно-методических работ и публикаций лизинговая сделка описана с правовой, бухгалтерской и финансовой точек зрения.

В работах Н. Кукаровой «К вопросу о дифференциации понятий “ликвидность” и “риск ликвидности” лизинговых компаний», Е. Шаталовой «Оценка финансового состояния заемщика – лизинговой компании», М. Мишиной «Использование модели денежных потоков при анализе риска ликвидности лизинговых компаний» были рассмотрены вопросы анализа рисков ликвидности лизинговых компаний с точки зрения поддержания оптимального уровня входящих и исходящих денежных потоков. При этом обоснованной и комплексной методики анализа ликвидности выдвинуто не было. Р. Зарипов в статье «Управление риском ликвидности в рамках финансового менеджмента лизинговой компании» отмечал, что лизинговые компании имеют движение денежного потока, а значит подвержены рискам ликвидности. Несмотря на то, что автор рассматривал лизинговые компании в качестве посредников, он отмечал необходимость управления рисками организации.

В работе Н. Кудряшовой структурированы в обобщенные группы риски лизинговых компаний. Так, были выделены макроэкономические (налоговые, отраслевые, правовые), микроэкономические (производственные, имущественные, технико-технологические), финансовые (портфельные риски, риски; связанные с вложением капитала; риски, связанные с покупательской способностью денег) и маркетинговые (сбытовые, конъюнктурные, потребительские) [5, с. 38].

Эффективность деятельности лизинговых компаний была рассмотрена Ф. Кузьмин и И. Дун, Т. Хартманн-Вендельсом и П. Миллером, И. Хенделем [6, с. 15]. Одни авторы рассматривали эффективность лизинга для поставщиков и производителей с точки зрения повышения объемов продаж, другие авторы рассматривали риски ожидаемых кредитных убытков с помощью модели LGD, т.е. изучали статистику убытков в случае дефолта лизингополучателей. В данном исследовании использовали данные четырнадцати тысяч лизинговых договоров, выделяли ряд особенностей контрактов, например, тип предмета лизинга, условия оплаты, продолжительность действия договора, которые могли привести к дефолту. Таким образом, проводилась оценка прибыльности или убыточности лизинговых сделок, однако комплексная оценка эффективности не проводилась.

Причину популярности лизинговых сделок по сравнению с кредитом раскрыл в своей работе С. Лим. Исследователь установил, что долговая нагрузка по лизингу воспринимается более позитивно, чем кредитная. За счет этого лизинг оказывает меньшее влияние на кредитные рейтинги, чем банковская ссуда [7, с. 100].

О.В. Рябов описал практику оценки финансовых и нефинансовых показателей деятельности лизинговых компаний при помощи балльного подхода. Наиболее важным показателем при проведении оценки автор выделял «риски лизингового портфеля» [8, с. 56]. Далее по степени значимости – деловая активность, обслуживание долга, рентабельность и объем активов и потенциал роста [9, с. 52].

Наиболее комплексным подходом к анализу финансового состояния лизинговых компаний можно считать методику Е.П. Шаталовой. Автор в статье «Оценка финансового состояния заемщика – лизинговой компании» предлагает трансформировать отчетность компании с более точным отражением статей баланса в соответствии с их экономическим содержанием. Далее для финансового анализа кредитным аналитиком используется стандартная методика, по которой оцениваются заемщики.

Описание этапов трансформации отчетности лизинговых компаний подробно рассматривает В.И. Баженова в статье «Оценка ликвидности и платежеспособности лизинговых компаний». Для анализа используется аналитический баланс и трансформированные показатели актива, сгруппированные по степени ликвидности, и пассива, сгруппированные по срокам оплаты. На основе трансформации рассчитываются стандартные коэффициенты ликвидности и платежеспособности предприятия.

Усовершенствованием методики расчета показателей анализа финансовой отчетности лизинговых компаний в своей работе занимались Л.С. Хромцова и А.И. Паненко. Авторы статьи «Совершенствование методики расчета показателей анализа бухгалтерской (финансовой) отчетности лизинговой компании» учли такие особенности лизинговых компаний, как низкий объем собственного капитала и высокий объем заемных средств, значительная доля амортизации в себестоимости, а также преимущественная доля себестоимости в лизинговых платежах и др. Так, рентабельность затрат предложили рассчитывать с учетом процентов по кредитам, а фондоотдачу – с учетом доходных вложений в материальные ценности.

Анализируя труды вышеупомянутых авторов, можно сделать вывод, что ни одна из методик не учитывает комплексно существенные особенности финансовой отчетности лизинговых компаний и специфику лизинговых сделок. Трансформация бухгалтерской отчетности искажает финансовые результаты, а также оценку финансового состояния предприятия. Использование стандартной методики анализа результатов деятельности предприятия, оценки корпоративных заемщиков не дают общего понимания по финансовому положению лизинговой компании. Также важным фактором, затрудняющим объективную оценку финансового состояния лизинговых компаний, является слаборазвитое нормативно-правовое регулирование лизинга в России.

Подходы к оценке финансового состояния лизинговых компаний представлены в табл. 2.

Научная литература описывает особенности лизинговых сделок и различные аспекты финансового состояния лизинговых компаний, но унифицированной методики финансового анализа лизинговых компаний разработано не было. При этом немало научных публикаций раскрывают подходы к анализу финансового состояния лизинговых компаний, но, как упомянуто выше, чаще всего лизингодатель рассматривался посредником между финансирующей организацией, в частности банком, и лизингополучателем. Платежная дисциплина клиента была гарантом кредитоспособности лизинговой компании. По этой причине кредитор оценивал финансо-

вое состояние лизингополучателя, и разработка комплексного анализа лизинговых компаний не имела смысла.

Таблица 2. Методы оценки финансового состояния лизинговых компаний

Авторы, научная работа	Краткое описание методики	Коэффициенты	Нормативные значения	Порядок расчета	Теоретическое обоснование
Дж. Шельхейм, «Сдача в аренду расширяет возможности погасить долг?»	На основе выборки изучена взаимосвязь долга и срока аренды	Да	Нет	Да	Да
Н. Кукарова, «К вопросу о дифференциации понятий “ликвидность” и “риск ликвидности” лизинговых компаний»	Для анализа риска ликвидности необходима оценка убытков и степени их влияния на деятельность предприятия	Нет	Нет	Нет	Нет
М. Мишина, «Использование модели денежных потоков при анализе риска ликвидности лизинговых компаний»	С помощью метода построения денежных потоков проанализирована выборка по чистому денежному потоку	Да	Нет	Да	Да
Ф. Кузьмин, И. Дун, «Эффективность деятельности лизинговых компаний»	Анализ эффективности на основе КРІ	Нет	Нет	Нет	Нет
Т. Хартманн-Вендельс, П. Миллер «Убыток при дефолте по лизингу: параметрические и непараметрические оценки»	С помощью модели LGD изучена статистика убытков в случае дефолта лизингополучателей	Нет	Нет	Нет	Нет
И. Хендель, «Роль лизинга при неблагоприятном отборе»	Анализ эффективности лизинга для поставщиков и производителей с точки зрения повышения объемов продаж	Да	Нет	Да	Нет
Е.П. Шаталова, «Оценка финансового состояния заемщика – лизинговой компании»	Трансформация отчетности и ее анализ по стандартной методике	Да	Нет	Нет	Да
О.В. Рябов, «Практика оценки нефинансовых показателей деятельности лизинговых компаний», «Практика оценки финансовых показателей деятельности лизинговых компаний»	С помощью суммы взвешенных оценок по группе показателей в соответствии с присвоенными им весами проводится оценка эффективности деятельности лизинговых компаний	Да	Да	Да	Да
В.И. Баженова, «Оценка ликвидности и платежеспособности лизинговых компаний»	Коэффициенты ликвидности и платежеспособности рассчитываются по данным анали-	Да	Да	Нет	Да

Авторы, научная работа	Краткое описание методики	Коэффициенты	Нормативные значения	Порядок расчета	Теоретическое обоснование
	тического баланса и трансформации показателей актива по степени ликвидности и пассива по срокам оплаты				
Л.С. Хромцова, А.И. Паненко, «Совершенствование методики расчета показателей анализа бухгалтерской (финансовой) отчетности лизинговой компании»	Учет особенностей лизинговой деятельности при расчете показателей оборачиваемости, рентабельности, обеспеченности запасов и дебиторской задолженности собственными оборотными средствами и изменении финансового рычага	Да	Нет	Да	Да

В сфере лизинговой деятельности множество аспектов до сих пор ждут реформирования. Закон о лизинге претерпевает изменения, но до сих пор не является совершенным. Недостаточно раскрыты вопросы, связанные с обязательным раскрытием информации, учетной сферой, надзорными мероприятиями. Слабо развита законодательная база по регулированию и оценке лизинговой деятельности.

Необходимость разработки специальной методики анализа финансового состояния лизинговых компаний без трансформации отчетности обосновывается ростом популярности финансовой аренды и специфичностью сферы лизинга. В России лизинговая деятельность начала развиваться относительно недавно, однако в настоящее время лизинг – перспективный и быстрорастущий сектор рынка. Все чаще лизинговые компании источником финансирования используют собственные средства, и теория о взаимосвязи нерегулярности лизинговых платежей и риска возникновения кредитного долга становится неактуальной. На сегодняшний день лизинговые компании выступают самостоятельным финансовым институтом наряду с банками и страховыми компаниями, что еще раз подтверждает необходимость унифицированного анализа результатов деятельности организаций сферы лизинга.

Литература

1. *Применко Ю.В.* Элементы и этапы заключения договора финансовой аренды (лизинга) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 14. С. 69–70.
2. *Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть вторая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 мая 2021 г.]* // Собрание законодательства РФ. 1994. № 22. Ст. 665.

3. Юсупхаджиев М.Им-А. Особенности лизинга в современных условиях // Научные достижения и открытия. 2019. № 1. С. 131–133.
4. Торохова А.Н. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия // Директ-Медиа. 2017. № 1. С. 124.
5. Кудряшова Н.В. Финансовое положение и риски лизинговой компании // Вестник Российского университета кооперации. 2017. № 2. С. 38–40.
6. Кузьмин Ф. Эффективность деятельности лизинговых компаний // Лизинг. 2017. № 5. С. 5.
7. Lim S.C. Do operating leases expand credit capacity? Evidence from borrowing costs and credit ratings // Journal of Corporate Finance. 2017. Vol. 42, № 1. P. 100–114.
8. Рябов О.В. Практика оценки нефинансовых показателей деятельности лизинговых компаний // Национальная безопасность России: актуальные аспекты. 2019. № 1. С. 56–59.
9. Рябов О.В. Практика оценки финансовых показателей деятельности лизинговых компаний // Проблемы управления качеством образования. 2019. № 1. С. 52–57.

Methodological Approaches to Assessing the Financial Condition of Leasing Companies *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 2021. 56. pp. 128–137. DOI: 10.17223/19988648/56/10

Diana A. Oganyan, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: diysrf@edu.vvsu.ru

Tatyana E. Danilovskikh, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation).

E-mail: tatyana.danilovskikh@vvsu.ru

Keywords: assessment of financial condition, financial analysis, solvency, liquidity, financial result, leasing companies, leasing, financial lease.

The need to develop a special methodology for analyzing the financial condition of leasing companies without transforming reports is justified by the growing popularity of financial leases and the specificity of the leasing industry. In Russia, leasing activities began to develop relatively recently, but currently leasing is a promising and rapidly growing sector of the market. Standard criteria for assessing the financial condition of enterprises incorrectly reflect the financial condition of leasing companies. Poor analysis of financial and economic activities negatively affects the reputation of a leasing company, as well as effective management decision-making. This fact necessitates the development of a universal methodology for assessing the financial and economic activities of leasing companies. Consideration of modern scientific literature on the topic showed that neither domestic nor foreign experts developed a universal comprehensive methodology for assessing the financial condition of leasing companies. Many scientific publications reveal approaches to the analysis of the financial condition of leasing companies, but most often the lessor is considered an intermediary between the financing organization and the lessee, so the development of a unified analysis did not make sense. The problem of analyzing the activities of leasing companies was considered in foreign works by I. Hendel, T. Hartman-Wendels, D. Clark, S. Lim, A. Yan, D.J. Diltz, M.E. Bayliss, V. Beattie, A. Berger, F. Marston, and R.S. Hariss, and in domestic works by I.R. Dun, F. Kuzmin, E.P. Shatalova, N.V. Kudryashova, M. Mishina, N. Kukarova, R. Zaripov, and others. In the study of the specifics of leasing operations, works by V.V. Kovalyov, A.V. Busygin, M.L. Leshchenko, E.V. Kabatov, A.R. Galimov, T.A. Panteleev, and others were analyzed. In the field of leasing activities, many aspects are still awaiting reform. The issues related to the mandatory disclosure of information, accounting area, supervisory activities are not sufficiently considered. The legislative framework for the regulation and assessment of leasing activities is poorly developed. This article discusses the methodological approaches to the analysis of the financial condition of leasing companies, as well as the completeness and versatility of domestic and foreign methods.

References

1. Primenko, Yu.V. (2017) Elementy i etapy zaklyucheniya dogovora finansovoy arendy (lizinga) [Elements and stages of concluding a financial lease (leasing) agreement]. *Vestnik Nizhegorodskoy pravovoy akademii*. 14. pp. 69–70.
2. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Chast' vtoraya: Prinyat Gos. Dumoy 23 aprelya 1994 goda, s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 10 maya 2021 g. [The Civil Code of the Russian Federation: Part two: Adopted by the State Duma on April 23, 1994, with amendments and additions as of May 10, 2021]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 22. Art. 665.
3. Yusupkhadzhiyev, M.Im-A. (2019) Osobennosti lizinga v sovremennykh usloviyakh [Features of leasing in modern conditions]. *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya*. 1. pp. 131–133.
4. Torokhova, A.N. (2017) Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya [Analysis of financial and economic activity of the enterprise]. *Direkt-Media*. 1.
5. Kudryashova, N.V. (2017) Financial position and risks of leasing companies. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii – Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2. pp. 38–40. (In Russian).
6. Kuz'min, F. (2017) Effectiveness of activity for leasing companies. *Lizing*. 5. (In Russian).
7. Lim, S.C. (2017) Do operating leases expand credit capacity? Evidence from borrowing costs and credit ratings. *Journal of Corporate Finance*. 1 (42). pp. 100–114.
8. Ryabov, O.V. (2019) [Practice of assessing non-financial performance indicators of leasing companies]. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: aktual'nye aspekty* [National Security of Russia: Current aspects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saint Petersburg. 29 November 2019. Saint Petersburg: GNII "Natsrazvitie". pp. 56–59. (In Russian).
9. Ryabov, O.V. (2019) [The practice of assessing the financial performance of leasing companies]. *Problemy upravleniya kachestvom obrazovaniya* [Problems of Quality Management of Education]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 28 November 2019. Saint Petersburg: GNII "Natsrazvitie". pp. 52–57. (In Russian).

УДК 338:242

DOI: 10.17223/19988648/56/11

С.А. Али-Аскяри

МЕХАНИЗМ ОЦЕНКИ НЕПРЕРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РИСКОВ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО КОНТРОЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Научная новизна состоит в предложении нового подхода к оценке рисков деятельности организации в части требования непрерывности и принципа осмотрительности. Цель статьи – предложить механизм оценки компонентов системы внутреннего контроля через матрицу величины рисков. Исследование позволяет оценить непрерывность деятельности и требования осмотрительности в деятельности организации и своевременно выявлять их влияние на стратегию развития компании. Такие компоненты, как контрольная среда, оценка рисков, процедура и оценка внутреннего контроля, предложено определять через матрицу величины рисков, которые определяют степень влияния по шкале на содержание и качество изучаемых показателей. В исследовании использовались общенаучные методы, способы структурного и логического анализа, экспертный метод оценки рисков. Теоретическую и методическую основы исследования составили труды современных ученых, международные и действующие нормативно-правовые документы. Представленные значения оценочной вероятности наступления рисков и шкала степени влияния на финансовый результат и сроки их проявления позволяют использовать их на предприятиях различных сфер деятельности и организационно-правовой формы собственности. Результаты исследования рекомендуется использовать коммерческими корпоративными организациями, некоммерческими учреждениями и организациями бюджетной сферы при оценке рисков непрерывности деятельности и осмотрительности для рационального подхода оценки доходов и активов.

Ключевые слова: риск, непрерывность деятельности, компоненты оценки системы внутреннего контроля, матрица величины рисков, осмотрительность и должная осмотрительность

В рыночной экономике государство должное внимание уделяет риск-ориентированным отношениям. В этих условиях возрастают требования к учету и контролю, достоверности отчетности и оценке возможности экономических субъектов выполнять свои обязательства перед обществом, коллективом, контрагентами. Своевременная оценка рисков позволяет оперативно реагировать на возникающие события, влияющие на финансовое состояние организации.

В статье выделены основные показатели и их группировка для оценки рисков. Представлены компоненты, которые актуальны для системы внутреннего контроля в бухгалтерском и налоговом учете. Составлена матрица и обоснована шкала оценки рисков. Для выявления наступления события

или внештатной ситуации необходимо воспользоваться механизмом оценки рисков, в связи с чем требуется определить структуру системы внутреннего контроля и ее полномочия. Представленные информационные ресурсы дают возможность своевременно оценить риски и снизить их. Формирование действующих обязательных резервов в бухгалтерском учете позволяет сгладить возникающие негативные тенденции.

В процессе финансово-хозяйственной деятельности у экономического субъекта возникает необходимость в учете фактов хозяйственной жизни. В самом бухгалтерском учете используется диспозитивная норма права, за исключением общих (двойной записи, в рублях, взаимозависимых счетах), однако требования установлены к локальному документу «Учетная политика», который разрабатывает сам субъект предпринимательской деятельности с отражением совокупности способов ведения бухгалтерского учета.

Вместе с тем только пять процентов экономических субъектов используют данный инструмент полностью. Еще примерно 20 %, составляющих учетную политику, используют только половину из содержания документа. Для более 70 % субъектов принятие учетной политики – простая формальность, что отражается на стратегии развития организации.

Законодательные и нормативно-правовые акты через учетную политику приводят к соблюдению принципов и требований. Так, в учетной политике предполагается отражение обособленности имущества, непрерывности деятельности и последовательности применения учетной политики, а также раскрытие требований полноты, осмотрительности, приоритета содержания перед формой, непротиворечивости и рациональности.

Следует отметить, что в современных научных публикациях недостаточно уделено внимания соблюдению принципов и требований к бухгалтерскому учету через призму рисков, в связи с этим рассмотрение данной проблемы является актуальным и имеет практическую значимость [1–4].

Цель исследования – *оценить влияние принципа и требования бухгалтерского учета через призму рисков, влияющих на показатели финансовой отчетности.*

Риск – событие, оказывающее воздействие на финансово-хозяйственную деятельность организации. Существенность – это признак наиболее значимых событий или показателей, влияющих на результаты деятельности экономического субъекта.

Автор статьи исследует принцип непрерывности деятельности и требования осмотрительности, поскольку они в ряде стандартов и нормативных актов содержат императивные нормы права.

Учет принципа непрерывности деятельности. Организация должна составлять финансовую отчетность на основе допущения о непрерывности деятельности, кроме случаев, когда руководство либо намеревается ликвидировать эту организацию или прекратить ее коммерческую деятельность, либо не имеет никакой реальной альтернативы, кроме как поступить таким образом [5].

Согласно МСА 570, при ведении бухгалтерского учета на основе принципа непрерывности деятельности финансовая отчетность составляется

исходя из допущения о том, что организация непрерывно осуществляет свою деятельность и будет продолжать осуществлять свою деятельность в обозримом будущем [6].

Непрерывность деятельности предполагает, что экономический субъект ближайшее время от 12 месяцев и более сможет продолжать свою деятельность. Так, согласно концепции формирования бухгалтерской отчетности, принцип допущения непрерывности деятельности в России является обязательным.

Данную оценку ежегодно руководство экономического субъекта обязано раскрывать в пояснительной записке или дополнительной информации к годовой финансовой отчетности. Кроме того, аудиторы должны подтвердить в ходе аудита соблюдение данного принципа через собранные доказательства (на определенный период времени) из материалов ретроспективного характера, поскольку не могут прогнозировать будущие события и условия. В то же время аудиторы не обязаны проводить какие-либо аудиторские процедуры, кроме направления запроса руководству, для выявления событий или условий, которые могут вызвать сомнения в способности организации продолжать непрерывно свою деятельность. Непрерывность деятельности разделяется на два вида, которые отражены на рис. 1.

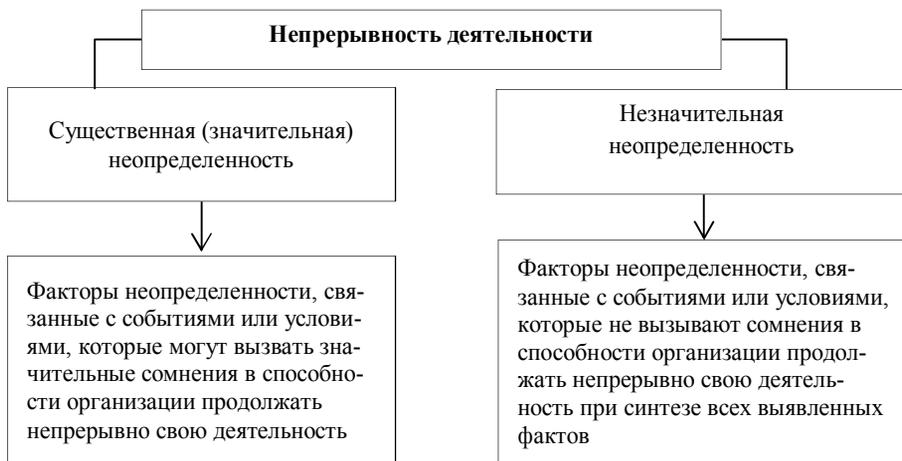

Рис. 1. Виды непрерывности деятельности

Признание непрерывности деятельности означает отсутствие в организации наличия существенной неопределенности.

В процессе финансово-хозяйственной деятельности организации сталкиваются с различными трудностями в зависимости от вида деятельности, сферы экономики, влияния внутренних и внешних факторов, предпринимательского и неопределенного риска. Это означает, что экономические субъекты должны проводить анализ, составлять прогнозы, рассчитывать риски и только на основании полученных данных давать оценку непрерывности деятельности.

На наш взгляд, для оценки непрерывности деятельности необходимо разработать механизм, сущность которого заключается в следующем:

1. Определяются качество системы внутреннего контроля, полнота использования учетной политики. Далее формируется система общих показателей, таких как выручка, себестоимость, управленческие расходы, коммерческие расходы, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, прочие доходы и расходы, задолженность по налогам.

2. Полученный результат позволит внутренним и внешним контролерам воспользоваться информацией для оценки системы внутреннего контроля и формирования доказательной базы. Внутренний контроль, в соответствии с рекомендациями Министерства финансов РФ, осуществляется следующими внутренними органами или сторонними организациями, на которые возложена данная функция экономического субъекта [7]:

- органы управления;
- ревизионная комиссия (ревизор);
- главный бухгалтер или иное должностное лицо, на которое возлагается ведение бухгалтерского учета (физическое или юридическое лицо, с которым экономический субъект заключил договор об оказании услуг по ведению бухгалтерского учета);
- внутренний аудитор, служба внутреннего аудита;
- специальные должностные лица, специальное подразделение экономического субъекта, ответственные за соблюдение правил внутреннего контроля, предусмотренного иными федеральными законами;
- другой персонал и подразделения.

Важно помнить, что при передаче обязанности внутреннего контроля сторонней организации необходимо данные функции прописать в договоре на обслуживание, и только тогда можно получить результат.

Осуществляющие внутренний контроль органы должны оценить понимание и содержание компонентов, которые определены в нормативных актах, однако значимость их применения и приоритетность остаются за экономическими субъектами.

Пять компонентов, которые определены Министерством финансов и Федеральной налоговой службой для оценки системы внутреннего контроля, показаны в табл. 1.

На первый взгляд, представленные компоненты одинаковые, однако их внутреннее содержание имеет свои особенности. Так, по информации Минфина РФ, в оценке системы внутреннего контроля уделяется больше внимания рискам и ошибкам в целом по организации, а по документу Федеральной налоговой службы (ФНС) приоритет имеет своевременность оплаты налогов и операций, подлежащих сомнению. Мы полагаем, что при формировании внутреннего локального документа для оценки системы внутреннего контроля необходимо учитывать оба документа как дополняющие друг друга. На практике учетная политика учитывает интересы и учета, и налогообложения.

Таблица 1. Компоненты оценки внутренней системы контроля

Информация Минфина РФ [7]	Приказ Федеральной налоговой службы [8]
Контрольная среда	Контрольная среда организации
Оценка рисков	Выявление и оценка организацией рисков
Процедуры внутреннего контроля	Контрольные процедуры организации
Информация и коммуникация	Информационная система организации
Оценка внутреннего контроля	Мониторинг организации средств контроля

Для общих показателей, таких как выручка, себестоимость, управленческие и коммерческие расходы, дебиторская и кредиторская задолженность, прочие доходы и расходы, налоги и др., автор предлагает использовать матрицу для оценки каждого выявленного нарушения или риска и определить результат их влияния на общий показатель деятельности (табл. 2). По данной матрице следует оценивать влияние рисков по профильному направлению для определения стоимости, сроков, содержания, качества [9] в зависимости от цели и задачи выявления рисков и профильного направления сферы деятельности предприятия.

В процессе внутреннего контроля риск-менеджер (далее – специалист) проводит оценку влияния выявленного отклонения (например, статья расхода «Заработная плата» к общей сумме «Расходы»), а также влияния общего показателя «Расходы» на выручку (доход) или прибыль (чистую прибыль).

Например, риск-менеджер по внутренним документам определил выдачу заработной платы иностранному работнику, которая осуществлялась через кассу (наличными), что нарушает нормы валютного законодательства. Далее риск-менеджер, исходя из имеющихся данных, определяет по табл. 2 вероятность и степень влияния этого нарушения на финансовую деятельность.

Первое действие. Оценка вероятности – «средняя»; расходы в целом по данной статье учтены правильно, отнесены на бухгалтерские счета верно, налоги и сборы уплачены в полном объеме и в срок. Степень влияния (отклонение статьи «Заработная плата» на расходы в целом) – «низкая».

Используя табл. 2 и сопоставляя значения, специалист классифицирует риск как «низкий» с позиции учета и дальнейшего расчета общих показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Второе действие. Полученное отклонение в неправильной выдаче заработной платы иностранному работнику риск-менеджер сопоставляет с общими показателями чистой прибыли, так как штрафы уплачиваются и относятся к данной статье.

Риск-менеджер определяет по табл. 2 вероятность и степень влияния на чистую прибыль предприятия. Вероятность оценивается как «высокая». Степень влияния определяется тоже как «высокая».

Используя табл. 2 и сопоставляя значения, специалист классифицирует риск как «высокий».

Таким образом, выявленное отклонение в части выдачи заработной платы наличными средствами иностранному работнику в общей сумме

расходов оценивается как «низкий» риск, в то же время к общему показателю чистой прибыли оно определяется как «высокий» риск.

Специалист составляет расчет обоснования выбора классификации риска по матрице (табл. 2), используя принцип осмотрительности, и рекомендует его снижение или недопущение возникновения в будущем с позиции непрерывности деятельности. Далее он передает информацию в органы управления, уполномоченные принимать решения.

Таблица 2. Матрица величины рисков

Вероятность	Классификация рисков (величина)				
	Очень высокая	Средний	Средний	Высокий	Высокий
Высокая	Низкий	Средний	Средний	Высокий	Высокий
Средняя	Низкий	Средний	Средний	Высокий	Высокий
Умеренная	Низкий	Низкий	Средний	Средний	Высокий
Низкая	Низкий	Низкий	Низкий	Низкий	Средний
	Низкая	Умеренная	Средняя	Высокая	Очень высокая
	Степень влияния				

Оценка рисков по матрице позволяет выделить риски, негативное влияние которых может быть значительным для достижения текущих или стратегических целей. Полученные результаты следует обобщить по шкале оценки рисков (табл. 3).

Таблица 3. Шкала оценки рисков

Риски	Оценочная вероятность наступления, %	Степень влияния на финансовый результат, %	Степень влияния на сроки, %	Степень влияния на содержание	Степень влияния на качество
Низкий	10–20	0–1,9	0–1,9	Изменения не заметны	Изменения не заметны
Умеренный	21–30	Увеличение < 2	Увеличение < 2	Незначительные изменения	Незначительные изменения
Средний	31–50	< 3–10	< 3–10	Значительные изменения	Изменения качества результатов деятельности, влияющие на среднесрочный и долгосрочный периоды
Высокий	51–70	< 11–20	< 11–20	Неприемлемое для предприятия	Существенное влияние на возможность достижения целевых показателей и результатов деятельности
Очень высокий	71–90	> 21	> 21	Достижение конечных результатов невозможно	Остановка и невозможность реализации в целом после наступления риска

В зависимости от принятия управленческих решений и структуры организации информация о выявленных рисках передается в органы управления, уполномоченные принимать решения.

По результатам полученных оценок составляется сводный документ с указанием недостатков, нарушений, а также причин возникновения рисков. На его основе разрабатываются мероприятия по устранению и/или снижению рисков, по совершенствованию системы внутреннего контроля организации, которые предлагается оформить в виде журнала (книги) с таким содержанием: задачи, мероприятия, сроки выполнения, ответственные исполнители, примечание.

Пользователи данного журнала (книги), в том числе аудитор, могут воспользоваться внутренними документами при их наличии в организации для оценки непрерывности деятельности организации на срок не более 12 месяцев, а для бюджетных и автономных учреждений – не менее 3 лет.

Предложенный перечень общих показателей носит открытый характер. Органы внутреннего контроля, выполняя свои функции, выбирают или дополняют содержание журнала рядом показателей, более существенных, что выявляется отношением статьи бухгалтерского баланса к валюте баланса и выражается в процентах. Значительные изменения статей в сторону увеличения или снижения за три года в отчетности характеризует уровень о непрерывности деятельности. Существенной при этом, на наш взгляд, считается не только сумма, но и характер ошибки и её влияние на финансовые показатели организации.

Например, увеличение выручки – в целом позитивный момент – в деятельности организации, однако, если в то же время увеличивается кредиторская задолженность быстрыми темпами и снижаются расчеты с контрагентами, то это может стать основной причиной неспособности своевременного расчета, возникновения исков, штрафов, что показывает перспективность или неспособность управлять активами и выполнять обязательства.

Еще один показатель – резкое увеличение расходов – также может вызвать риск непрерывности деятельности. Для разных организаций показатели могут быть неодинаковыми. Например, в общих показателях нивелируются такие явления, как потеря ключевого поставщика или сотрудника, право осуществлять деятельность по лицензии и др.

Учет требования осмотрительности. Далее рассмотрим допущения формирования бухгалтерской финансовой отчетности с учетом требования осмотрительности.

На практике специалисты экономических служб, как правило, требования осмотрительности путают с должной осмотрительностью при выборе контрагента в необоснованном обогащении за счет бюджета или своевременного выявления негативных обстоятельств в осуществляемых бизнес-процессах самой организации.

Для проверки сведений аудиторы и органы внутреннего контроля могут воспользоваться открытыми источниками о наличии / отсутствии

негативных факторов по конкретному юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю. Такая проверка позволяет выявить надежность партнера, своевременно обнаружить появление негативных обстоятельств в осуществляемых бизнес-процессах самих организаций, а также снизить возникающий риск или уменьшить влияние выявленного события.

Приведем несколько открытых надежных официальных источников для контроля контрагентов:

<http://egrul.nalog.ru> – сервис ФНС России, предоставляет выписку по ЕГРЮЛ / ЕГРИП, что позволяет получить существенную информацию: наименование юридического лица, юридический адрес, учредители, размер уставного капитала (изменения), сведения о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, и др. [10];

<https://service.nalog.ru/zd.do> – сервис ФНС России, можно получить по ИНН информацию проверяемого контрагента о состоянии на определенную дату, о наличии задолженности по уплате налогов, превышающей 1 000 руб., наличии сведений о том, направлялась ли информация судебному приставу, а также о предоставлении налоговой отчетности;

<https://service.nalog.ru/bi.do#result> – данные о блокировке счета или приостановлении, подробные сведения в pdf-формате [11];

<https://pb.nalog.ru> – сведения о физических лицах, являющихся руководителем (учредителем) нескольких юридических лиц, о наличии у руководителя ограничений в управлении в судебном порядке, т.е. дисквалификации по решению суда [12];

<https://egrul.nalog.ru/index.html> – источник дает важную дополнительную информацию о внесении изменений в учредительные документы [13];

<https://rmsp.nalog.ru> – ресурс, который позволяет узнать категорию экономического субъекта малого и среднего предпринимательства [14];

<https://service.nalog.ru/pau.do> – даёт возможность проверить арбитражного управляющего [15];

<http://zachestnyibiznes.ru> – альтернативный источник «За честный бизнес», который можно использовать для получения дополнительной информации, такой как судебное участие, выигранные / проигранные дела, наличие дополнительного бизнеса у руководителя контрагента [16];

<https://www.vestnik-gosreg.ru> – сведения о принятых регистрирующими органами решениях о предстоящем исключении недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ [17];

<https://fssp.gov.ru/iss/ip> – ресурс федеральной службы судебных приставов, который позволяет узнать о наличии задолженности [18];

<http://kad.arbitr.ru> – источник, позволяющий определить, является ли контрагент истцом (ответчиком, третьим лицом, иным лицом), дает возможность узнать сумму исковых требований, судить о потенциальном финансовом положении проверяемого контрагента [19].

Представленные информационные ресурсы помогают аудиторам и специалистам внутреннего контроля воспользоваться источниками, выявить

возможности наступления события и правильно оценить влияние риска на последующие действия.

В требовании осмотрительности в бухгалтерском учете заложен иной смысл, чем должная осмотрительность, оно направлено на рациональный подход к деятельности и не должно вводить в заблуждение мифическими доходами или активами. Так, осмотрительность – большая готовность к признанию в бухгалтерском учете расходов и обязательств, чем возможных доходов и активов, организация не должна допускать создание скрытых резервов [20].

Формирование бухгалтерской (финансовой) отчетности по требованию осмотрительности предполагает, что в организациях формируются различные резервы. Как правило, по итогам финансового года многие резервы закрываются бухгалтерской записью на финансовый результат. В то же время такие резервы, как выплаты отпускных, проведение капитального ремонта, могут формироваться и с переходящим остатком на следующий финансовый год и на несколько лет.

Действующие нормы права подразделяются на императивные и диспозитивные.

Императивные нормы, обязательные к исполнению, сочетаются со словами «обязан», «должен» или прямо прописаны текстом нормы для лица, попадающего в правовое поле.

Например, организация создает резервы сомнительных долгов в случае признания дебиторской задолженности сомнительной с отнесением сумм резервов на финансовые результаты организации (п. 70 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утвержденного приказом Минфина России от 29.07.98 № 34н). Следовательно, у организации нет права выбора, как создавать резервы сомнительных долгов.

Диспозитивные нормы оставляют право выбора. Данная норма выражается словами «может», «имеет право» или по тексту предоставляются способы, нормы, методы и другие критерии, то есть лицу, которое находится в правовом поле, предоставляется право выбора.

Например, диспозитивной нормой начисления амортизации при наличии основных средств в бухгалтерском учете выступают 4 способа, а в налоговом – 2 способа.

Согласно нормам резервы в бухгалтерском учете создаются на императивном, а в налоговом – на диспозитивном праве. Однако отказ от создания резерва с искажением статьи бухгалтерской отчетности не менее чем на 10 % будет считаться как грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета (ст. 15.11 КоАП РФ) [21].

Исходя из нормы права создания резервов полагаем, что информацию о требовании осмотрительности необходимо выявлять по данным бухгалтерского учета. Для этого предлагаем воспользоваться учетной политикой, информационными ресурсами и системой мероприятий (журнал-книга) по совершенствованию внутреннего контроля.

Алгоритм расчета резерва по сомнительным долгам нормативно-правовым актами по бухгалтерскому учету не установлен. Методы расчета резерва, их периодичность закрепляются в учетной политике. За основу можно взять порядок начисления резерва, предложенный п. 4 ст. 266 НК РФ [22].

Группируя и сравнивая полученные данные по ресурсным источникам, бухгалтерская служба должна иметь в наличии информацию о резервах их использования (списания / начисления). Оценка просроченной задолженности и ее уровень определяет сама организация. На наш взгляд, сформированная информация по каждому контрагенту и полученные результаты можно оценить по степени влияния на финансовый показатель экономического субъекта с использованием предложенной нами матрицы (см. табл. 2).

Особенности учета в бюджетной сфере принципа непрерывности. Для государственных и муниципальных бюджетных и автономных учреждений, а также казенных учреждений в последние годы введены новые стандарты для государственного сектора. Данные организации и учреждения также должны соблюдать допущение непрерывности деятельности, однако ее срок составляет не менее 3 лет [23].

Организации бюджетной сферы применяют Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 402-ФЗ, согласно которому они обязаны организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной деятельности с учетом положения бюджетного законодательства РФ и положения о внутреннем финансовом контроле.

С учетом специфики бюджетной сферы информативной базой для оценки непрерывности деятельности выступают результаты внутреннего финансового аудита. На практике контролируется эффективность и экономическая целесообразность расходования бюджетных средств. Этому способствует цифровизация экономики бюджетной сферы. Опыт показывает, что государство целенаправленно идет к тому, чтобы создать централизованные органы ведения бухгалтерского учета по ведомственной подчиненности.

Цели и задачи внутреннего финансового аудита бюджетной сферы направлены на оценку бюджетного риска, которая включает в себя качественные и количественные показатели. Полученные результаты могут способствовать внешним аудиторам в оценке непрерывности деятельности бюджетных организаций.

Особенности учета требования осмотрительности в бюджетной сфере. В части требования осмотрительности в организациях бюджетной сферы создаются резервы, которые обязательны в бухгалтерском учете, а в налоговом – по выбору самой организации. Однако при этом надо иметь в виду, что в стандарте «Резервы» [24] есть своя специфика. Для государственного сектора с 1 января 2020 г. введены в учете резервы при соблюдении критериев по норме диспозитивного права. Резервы представлены по следующим видам: по претензиям, искам, реструктуризации, по гарантийному ремонту, убыточным договорным обязательствам, демонтажу и выводу основных средств из эксплуатации.

В федеральном стандарте бухгалтерского учета «Резервы» подробно излагаются моменты признания, оценка при признании, последующая оценка резервов и раскрытие информации.

По результатам финансового года резервы списываются при наступлении события, при их недостаточности относятся на расходы текущего года, однако при неиспользовании суммы признаются как прочие доходы. На наш взгляд, некоторые резервы могут быть длительными по периоду наступления события, по срокам и / или сложности эксплуатации объектов. В этом особенности их учета.

Таким образом, экономические субъекты рыночной структуры и бюджетной сферы для применения требования осмотрительности должны формировать резервы в бухгалтерском и налоговом учете.

Аудиторы и органы внутреннего контроля должны вначале дать оценку системе внутреннего контроля. Предложенная матрица и шкала позволяют оценить риски и применить принцип непрерывности деятельности с учетом срока по сферам деятельности.

На основании предложенных нами данных и механизма ее реализации у аудиторов появляется возможность выполнить одно из основных требований проведения количественной и качественной оценки непрерывности деятельности экономического субъекта и оценить аналитические процедуры требования осмотрительности, это положительно отразится на снижение рисков экономического субъекта.

Литература

1. *Аманжолова Б.А.* Аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности: оценка непрерывности деятельности экономических субъектов. Новосибирск : СибУПК, 2006. 118 с.
2. *Леухина Т.Л.* Оценка непрерывности деятельности в теории и практике развития организации. Йошкар-Ола : МарГТУ, 2011. 147 с.
3. *Жминько С.И., Бакланова П.В.* Методика аудита непрерывности деятельности организаций. Краснодар : КубГАУ, 2013. 179 с.
4. *Бутусов Е.В.* Риск-ориентированный подход к оценке и внутреннему контролю непрерывности деятельности организации. Уфа : УГНТУ, 2014. 134 с.
5. *Приказ* Минфина России от 28.12.2015 № 217н «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 1 “Представление финансовой отчетности”».
6. *Приказ* Минфина России от 09.01.2019 № 2н «Международный стандарт аудита 570 (пересмотренный) “Непрерывность деятельности”».
7. *Информация* Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности».
8. *Приказ* ФНС России от 16.06.2017 № ММВ-7-15/509@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля».
9. *Али-Аскяри С.А.* Методика риск-ориентированного аудита. Новосибирск, 2020. 192 с.
10. *Сервис* предоставления сведений из реестра ЕГРЮЛ/ЕГРИП. URL: <http://egrul.nalog.ru>
11. *Сведения* о юридических лицах, имеющих задолженность по уплате налогов и / или не представляющих налоговую отчетность более года. URL: <https://service.nalog.ru/zd.do>

12. Информирование банков о состоянии обработки электронных документов. URL: <https://service.nalog.ru/bi.do#result>.
13. Прозрачный бизнес. URL: <https://pb.nalog.ru>
14. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru>
15. Сайт ФНС. URL: <https://service.nalog.ru/pau.do>
16. За честный бизнес. URL: <http://zachestnyibiznes.ru>
17. Вестник государственной регистрации. URL: <https://www.vestnik-gosreg.ru>
18. Банк данных исполнительных производств: ФСПП России. URL: <https://fssp.gov.ru/iss/ip>
19. Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru>
20. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете».
21. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001.
22. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 117-ФЗ от 05.08.2000.
23. Приказ Минфина России от 31.12.2016 № 260н «Представление бухгалтерской (финансовой) отчетности / ФСБУ».
24. Приказ Минфина России от 30.05.2018 № 124н «Резервы. Раскрытие информации об условных обязательствах и условных активах».

A Framework for Assessing Going Concern and Prudence Through the Prism of Risks in the Organization's Internal and External Control

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 138–151. DOI: 10.17223/19988648/56/11

Sarvaz A. Ali-Askari, Novokurs Center for Continuing Professional Education LLC (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: arim@inbox.ru

Keywords: risk, going concern, internal control assessment components, risk magnitude matrix, prudence and due diligence.

The research novelty consists in proposing a new approach to assessing the risks of an organization's activities in terms of the going concern principle and the requirement of prudence. The aim of the article is to propose a mechanism for assessing the components of the internal control system through a matrix of the magnitude of risks. The study allows assessing the going concern and due diligence requirements in the organization's activities, and to timely identify their impact on the company's development strategy. The study employed general scientific methods, methods of structural and logical analysis, an expert method for assessing risks. The theoretical and methodological foundations of the study were the works of modern scientists, international and current regulatory documents. The values of the estimated probability of risks to occur, the scale of influence on the financial result and the timing of their manifestation are presented, which allows using them at enterprises different in activities and form of ownership. The results of the study can be used by commercial corporate organizations, non-profit institutions, and public sector organizations in assessing the going concern risks and prudence for a rational approach to assessing income and assets.

References

1. Amanzholova, B.A. (2006) *Audit bukhgalterskoy (finansovoy) otchetnosti: otsenka nepreryvnosti deyatel'nosti ekonomicheskikh sub"ektov* [Audit of accounting (financial) statements: assessment of the going concern of economic entities]. Novosibirsk: SibUPK.
2. Leukhina, T.L. (2011) *Otsenka nepreryvnosti deyatel'nosti v teorii i praktike razvitiya organizatsii* [Assessment of Going Concern in the Theory and Practice of Organization Development]. Yoshkar-Ola: MarSTU.

3. Zhmin'ko, S.I. & Baklanova, P.V. (2013) *Metodika audita neprerывnosti deyatel'nosti organizatsiy* [Methodology of Audit of the Going Concern of Organizations]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
4. Butusov, E.V. (2014) *Risk-orientirovanny podkhod k otsenke i vnutrennemu kontrolyu neprerывnosti deyatel'nosti organizatsiy* [Risk-oriented approach to the assessment and internal control of the going concern of the organization's activities]. Ufa: Ufa State Petroleum Technological University.
5. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2015) *Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IAS) 1 "Predstavlenie finansovoy otchetnosti": prikaz Minfina Rossii ot 28.12.2015 № 217n* [International Financial Reporting Standard (IAS) 1 "Presentation of Financial Statements": Order No. 217n of the Ministry of Finance of Russia of December 28, 2015].
6. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2019) *Mezhdunarodnyy standart audita 570 (peresmotrennyy) "Nepriyemnost' deyatel'nosti": prikaz Minfina Rossii ot 09.01.2019 № 2n* [International Auditing Standard 570 (revised) "Going Concern": Order No. 2n of the Ministry of Finance of Russia of January 9, 2019].
7. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2013) *Organizatsiya i osushchestvlenie ekonomicheskim sub'ektom vnutrennego kontrolya sovershaemykh faktov khozyaystvennoy zhizni, vedeniya bukhgalterskogo ucheta i sostavleniya bukhgalterskoy (finansovoy) otchetnosti: informatsiya Minfina Rossii № PZ-11/2013* [Organization and Implementation by an Economic Entity of Internal Control of the Facts of Economic Life, Accounting and Preparation of Accounting (Financial) Statements: Information No. PZ-11/2013 of the Ministry of Finance of Russia].
8. Federal Tax Service of Russia. (2017) *Ob utverzhdenii Trebovaniy k organizatsii sistemy vnutrennego kontrolya: prikaz FNS Rossii ot 16.06.2017 № MMV-7-15/509@* [On Approval of Requirements for the Organization of the Internal Control System: Order No. MMV-7-15/509@ of the Federal Tax Service of Russia of June 16, 2017].
9. Ali-Askari, S.A. (2020) *Metodika risk-orientirovannogo audita* [Methodology of Risk-Based Audit]. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation.
10. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) *Servis predostavlenie svedeniy iz reestra EGRYuL/EGRIP* [Get information from business registers (USRLE/USRIE)]. [Online] Available from: <http://egrul.nalog.ru>
11. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) *Svedeniya o yuridicheskikh litsakh, imeyushchikh zadolzhennost' po uplate nalogov i/ili ne predstavlyayushchikh nalogovuyu otchetnost' bolee goda* [Information about juridical persons that have tax arrears and/or have not submitted tax reports for more than a year]. [Online] Available from: <https://service.nalog.ru/zd.do>
12. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) *Informirovanie bankov o sostoyanii obrabotki elektronnykh dokumentov* [Informing banks about the status of processing electronic documents]. [Online] Available from: <https://service.nalog.ru/bi.do#result>
13. *Prozrachnyy biznes* [Transparent Business]. (n.d.) [Online] Available from: <https://pb.nalog.ru>
14. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) *Edinyy reestr sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva* [Unified Register of Small and Medium-Sized Enterprises]. [Online] Available from: <https://rmsp.nalog.ru>
15. Federal Tax Service of Russia. (n.d.) [Online] Available from: <https://service.nalog.ru/pau.do>
16. *Za chestnyy biznes* [For Fair Business]. (n.d.) [Online] Available from: <http://zachestnyibiznes.ru>
17. *Vestnik gosudarstvennoy registratsii* [Bulletin of State Registration]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.vestnik-gosreg.ru>
18. Federal Bailiffs Service (n.d.) *Bank dannykh ispolnitel'nykh proizvodstv* [Data bank of enforcement proceedings]. [Online] Available from: <https://fssp.gov.ru/iss/ip>

19. *Elektronnoe pravosudie* [Electronic Justice]. (n.d.) [Online] Available from: <http://kad.arbitr.ru>

20. Russian Federation. (2011) *O bukhgalterskom uchete: federal'nyy zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ* [On Accounting: Federal Law No. 402-FZ of December 6, 2011].

21. Russian Federation. (2001) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh № 195-FZ ot 30.12.2001* [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001].

22. Russian Federation. (2000) *Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) № 117-FZ ot 05.08.2000* [The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ of August 5, 2000].

23. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2016) *Predstavlenie bukhgalterskoy (finansovoy) otchetnosti / FSBU: prikaz Minfina Rossii ot 31.12.2016 № 260n* [Presentation of Accounting (Financial) Statements / FSBU: Order No. 260n of the Ministry of Finance of Russia of December 31, 2016].

24. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2018) *Rezervy. Raskrytie informatsii ob uslovykh obyazatel'stvakh i uslovykh aktivakh: prikaz Minfina Rossii ot 30.05.2018 № 124n* [Reserves. Disclosure of Information on Contingent Liabilities and Contingent Assets: Order No. 124n of the Ministry of Finance of Russia of May 30, 2018].

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 332.01

DOI: 10.17223/19988648/56/12

И.Б. Адова, Г.Н. Ибрагимов

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОГО ГРАЖДАНСТВА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

В данной статье проведен научный обзор феномена корпоративного гражданства на основе анализа текстов исследований российских авторов, выполнен критический анализ в методологическом, политологическом и прикладном (управленческом) аспектах, сделан вывод об имплементации управленческого подхода в рамках реализации ценностно-ориентированной модели корпоративного управления, направленной на достижение устойчивого успеха бизнес-организаций в контексте устойчивого и эффективного развития экосистемы территориальных образований.

Ключевые слова: бизнес, власть, заинтересованные стороны, корпоративное гражданство, социальная ответственность, территория присутствия

Единства мнений относительно концептуальных основ построения и развития корпоративного гражданства в бизнес-среде не выработано до сих пор ни в среде теоретиков и ученых, ни в среде предпринимателей, бизнесменов и менеджеров. Основной целью статьи явился концептуальный дискурс вокруг понятия «корпоративное гражданство», определение сущности, черт и особенностей, отличающих его от корпоративной социальной ответственности. Результатом ее решения должно стать определение сущности корпоративного гражданства и концептуальных основ его реализации на современном этапе развития общества.

Лексема «корпоративное гражданство» многоаспектна и многогранна. Единого подхода к определению его сущности не существует до сих пор. Исследователи, теоретики и практики бизнеса по-разному трактуют понятие корпоративного гражданства и его составляющие.

В поисковой системе по полным текстам научных публикаций Google Scholar первое упоминание понятия «корпоративное гражданство» отмечено в реферативной статье 1999 г. в контексте политологических изысканий [15].

Проведенный текстологический анализ найденных и отобранных релевантных статей позволил выявить 11 направлений рассмотрения названного понятия:

- как составляющая устойчивого развития бизнеса и региона;
- как концепция социальной ответственности бизнеса;
- как философия социальной ответственности бизнеса;
- как способ ведения бизнеса;

- как форма социального партнерства государства и бизнеса в публичной сфере;
- как элемент системы отношений государства и бизнеса;
- как механизм взаимодействия бизнеса и общества;
- как фактор экономической эффективности организации;
- как форма социальной инженерии;
- как инструмент модернизации российской экономики;
- как управленческая инновация.

Эти аспекты можно объединить в три группы в соответствии с такими аспектами, как 1) методологический аспект, исследующий и объясняющий принципы и механизмы; 2) макроэкономический и политологический аспекты, анализирующие корпоративное гражданство на уровне социально-экономической системы общества и государства; 3) прикладной (управленческий) аспект, представляющий корпоративное гражданство как управленческую инновацию, способствующую достижению устойчивого успеха отдельных организаций и их объединений (рис. 1).

Охарактеризуем представленные направления.

Рис. 1. Многоаспектность феномена корпоративного гражданства
Составлено авторами

Многие исследователи связывают реализацию концепции корпоративного гражданства с устойчивым развитием, при этом речь идет о стабильном развитии как самой корпорации, выступающей в роли ответственного гражданина, так и об обществе, ее окружающем. Соответственно, свой вклад корпоративное гражданство вносит и в обеспечение устойчивости территорий присутствия. Подобной позиции придерживаются такие авторы, как Ю.М. Егорова, С.П. Перегудов, И.С. Семененко и др.

Вопрос о формировании концептуальных основ устойчивого развития и определении траектории дальнейшего развития цивилизации на официальном уровне был выдвинут еще в 1980-х гг. В последующие годы происходила разработка и формирование программных документов, его определяющих. Сегодня концепция устойчивого развития опирается на сбалансированность, последовательность и динамизм экономического, социального и экологического развития общества, не допускающих деструктивных процессов. В макроэкономическом аспекте обеспечение устойчивости общественного развития опирается на устойчивость развития государств, отдельных регионов. Это относится и к территориям присутствия отдельных организаций и корпораций.

В основе обеспечения сбалансированности экономического, социально и экологического развития региона, определяющего его устойчивость, лежит социальное партнерство [6], одной из форм которого, по мнению Ю.М. Егорова, как раз и выступает корпоративное гражданство.

В.Н. Кириллина указывает на вклад корпоративной социальной ответственности и корпоративного гражданства в обеспечение устойчивости развития регионов присутствия и страны в целом. Руководитель проектов Центра общественных связей ООО «Лукойл-Пермь» А. Андреюшкин рассматривает проблему корпоративного гражданства как один из факторов повышения социальной стабильности и благосостояния населения, определяя его таким образом в качестве составляющей устойчивого развития бизнеса и территории [2, с. 44].

Многие представители крупного бизнеса, такие как «Volvo», «ЕхонMobil» и др., в своих отчетах признают корпоративное гражданство в качестве ключевого компонента устойчивого развития [28, 29]. Ценность управления устойчивостью российских организаций корпоративного сектора исследуют в своих работах С.Н. Апенько и Ю.А. Фомина [3, 4] и другие ученые.

Весьма широкое распространение получил подход, согласно которому корпоративное гражданство рассматривают в качестве некой концепции социальной ответственности бизнеса. Данный подход особенно широко использовался на этапе становления концептуальных основ корпоративного гражданства. Его придерживаются такие ученые, как А. Крейн, В. Чеппл, Н.В. Черепанова, Л.З. Абдокова и др. При этом отмечается разделение мнений на отождествление корпоративного гражданства с социальной ответственностью компании в целом или с отдельными ее компонентами в частности. В первом случае корпоративная социальная ответственность рассматривается в качестве фундамента и первоосновы корпоративного гражданства, которое из него вытекает. Во втором случае корпоративное гражданство чаще всего воспринимается в качестве высшей формы (уровня) социальной ответственности бизнеса, основанной исключительно на гражданском самосознании и доброй воле.

Тем не менее все чаще исследователи указывают на недопустимость отождествления понятий корпоративной социальной ответственности

икорпоративного гражданства [1]. Принципиальное отличие между ними заключается в позиционировании бизнеса в отношении стейкхолдеров и значения принимаемой им на себя ответственности [18].

В случаях, когда речь идет о корпоративной социальной ответственности, имеются в виду обязательства бизнеса по оказанию помощи нуждающимся в ней заинтересованным сторонам, предотвращение потенциально вреда от своей деятельности либо его компенсация. В основе данной модели лежит баланс интересов.

Корпоративное гражданство имеет проактивный характер, связанный с опережающим сотрудничеством организаций с обществом и государством по решению как уже имеющихся социальных проблем, так и по предупреждению потенциально возможного их возникновения. Кроме того, корпоративное гражданство, в отличие от социальной ответственности бизнеса, строится не столько на помощи нуждающимся и благотворительности, сколько на развитии конструктивных взаимоотношений со стейкхолдерами, ориентированными на установление и поддержание систематического двухстороннего взаимодействия с целью решения комплексных проблем современности в наиболее значимых областях [23].

Воспринимают корпоративное гражданство и в качестве философии социальной ответственности бизнеса. Так, Д. Маттен определяет корпоративное гражданство как философию общественного позиционирования организации [26]. В этом смысле оно чаще всего находит свое отражение в миссии компании, определяющей ее текущее функционирование и перспективное будущее развитие. Е.В. Матвеева, говоря о корпоративном гражданстве, характеризует ее как философию, обосновывающую приоритетность вклада бизнеса в развитие общества при условии получения им собственных выгод [16, с. 52].

В целом же, рассматривая корпоративное гражданство как особую философию социальной ответственности бизнеса, исследователи отводят центральное место ценностному характеру мотивации субъектов предпринимательской деятельности как морально-ответственного сообщества и носителя определенных ценностных установок [25]. В этом смысле философия корпоративного гражданства трансформируется в систему деятельности корпорации, приносящую выгоду собственникам капитала при условии соблюдения обязательств перед всеми стейкхолдерами.

Изучают корпоративное гражданство и с позиции некоего способа ведения бизнеса, обеспечивающего основу для его успешного развития не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе и соответствующего широкому контексту ориентиров социальных ценностей и общественного развития. В частности, данного подхода придерживается М.В. Киварина. Она отождествляет корпоративное гражданство с проявлением политической, экономической и социальной активности корпораций, имеющей собственную теоретическую, концептуальную и организационную основу [11].

Как способ ведения бизнеса корпоративное гражданство опирается на ряд принципов, основными из которых считаются:

- инициативность в направлении социальных инвестиций;
- самостоятельность в поиске и решении актуальных для общества проблем;
- плюрализм целей, включая получение экономической отдачи для бизнеса;
- готовность к конфронтации с государством при отстаивании общественных интересов.

Эти принципы соотносятся с принципами корпоративного гражданства, выделенными нами ранее [10]. Они объединены нами в четыре группы с точки зрения открытости, системности, значимости и избегания конфликтов.

В статье Б.С. Батаевой корпоративное гражданство называется формой социально ответственного поведения бизнеса [5, с. 78]. Тем самым подчеркивается деятельностный поведенческий аспект.

Весьма высокую популярность в современном мире набирает подход к определению корпоративного гражданства в качестве новой формы социального партнерства между бизнесом и государством. Впервые об этом заговорили еще в 1980-х гг., когда в условиях экономического кризиса было положено начало процессу переосмысления отношений между бизнесом, государством и обществом и поиску оптимального баланса между социальной ответственностью предпринимательских структур и их рыночной эффективностью. Среди российских ученых эту позицию довольно четко отстаивает А.А. Косоруков.

В рамках концепции корпоративного гражданства выделяется «компания-гражданин», чьи обязательства помимо сферы профильной деятельности включают в себя также социально-политические права и обязанности, вытекающие из деятельности бизнес-структур в качестве общественных акторов. В отличие от «корпоративного игрока», «корпоративный гражданин» принимает на себя не только первичные, но и вторичные формы гражданской ответственности, включая дополнительные обязательства социального характера.

Наряду с государством бизнес выступает одной из движущих сил развития общества. Он отстаивает не только социально-экономическую, но и социально-политическую составляющую прав человека, поддерживая местное самоуправление и самоорганизацию гражданского общества. При прочих равных условиях, попадая под теорию разумного эгоизма, все это позволяет обеспечить легитимность корпоративного сектора в глазах общества, укрепить его конкурентоспособность и повысить рентабельность [13].

В плоскости взаимоотношений государства и бизнеса корпоративное гражданство служит одной из форм поведения бизнеса, предполагающей принятие на себя корпоративным сектором ответственности за происходящее в стране, а также взаимную ответственность бизнеса и государства перед обществом [23].

Придерживаясь данного подхода, Е.Н. Костина и А.С. Тетерюк отмечают значимость инициации бизнесом процессов взаимодействия с орга-

нами власти в рамках системы государственного корпоративизма. В соответствии с общей логикой корпоративного гражданства, предпринимательские структуры должны стремиться к построению такой системы отношений с государством, в рамках которой они будут способны реализовывать коммерческие проекты посредством внесения вклада в социально-экономическое развитие территории [14].

Г.И. Грекова и М.В. Киварина формирование социально ориентированной экономики и построение гражданского общества зывают основной целью включения бизнеса во взаимодействие с политическими институтами [11]. Важную роль в системе корпоративного гражданства играет его изучение с позиции особого механизма взаимодействия бизнеса и общества. Данного подхода придерживаются также такие авторы, как И.С. Семенов, С.П. Перегудов, М.В. Бадальянц и др. Уровнем развития этого взаимодействия считается степень вовлеченности корпорации в гражданское общество. Гражданское общество, в свою очередь, может быть представлено различными институтами, будь то некоммерческие организации, субъекты информационного пространства, местные сообщества и пр. Одновременно с развитием общества растут и его требования к корпоративному сектору.

С.П. Перегудов и И.С. Семенов определяют корпоративное гражданство в качестве особой стратегии бизнеса по взаимодействию с обществом в целях обеспечения устойчивого развития и повышения собственной репутации как ответственного «гражданина» и полноправного участника такого развития [21, с. 4].

С. Симпсон и П. Туркин определяют корпоративное гражданство в качестве определенного рода «сделки» или «договора», заключаемого между бизнесом и обществом / государством, в рамках которого корпоративный сектор, принимая на себя ответственность за общественные нужды, рассчитывает на получение определенных преимуществ [22].

Согласно С.Н. Заплетиной, корпоративное гражданство смещает акценты с проблем, порождаемых взаимодействием бизнеса со стейкхолдерами, в сторону нужд и проблем местных сообществ, в которых функционирует компания [8, с. 37]. В целом же в рамках данного подхода бизнес рассматривается в качестве общественного актора.

Справедливо рассматривать институцию корпоративного гражданства и с точки зрения его восприятия в качестве фактора экономической эффективности организации. В данном случае речь может идти о получении репутационных и имиджевых выгодах, а также формировании основ устойчивого развития предпринимательских структур в долгосрочной перспективе. Реализуя концепцию корпоративного гражданства, бизнес, перераспределяя часть своих финансовых ресурсов на решение общественно значимых проблем, в ответ получает доверие и признание со стороны внешних стейкхолдеров. Его конкурентоспособность и рыночная капитализация растут.

Помимо прочего, корпоративное гражданство считается одной из современных форм социальной инженерии, опосредованной общественно-

политической ролью корпорации. В частности, данного подхода придерживается С.П. Перегудов: говоря о социальной инженерии, он ссылается на П. Друкера, который сущностным предназначением последней считает получение ответа на вопрос о том, как и каким образом общественные институты могут и должны способствовать становлению стабильного и эффективно функционирующего общества [24].

В рамках данного подхода коммерческому сектору отводится не только экономическая, но и социальная роль. При этом бизнес, соблюдая принципы социальной ответственности, должен выстраивать конструктивные и тесные взаимоотношения с гражданским обществом, постепенно сближаясь с ним. Таким образом, выступая в роли основы социальной инженерии, корпоративное гражданство призвано обеспечивать развитие институтов гражданского общества и постепенно интегрироваться в его структуру [20].

Некоторые авторы рассматривают корпоративное гражданство как один из инструментов модернизации российской экономики. В частности, Ж.А. Мигалева и И.П. Смилевская в основе модернизации российской экономики видят изменение взаимоотношений между обществом, бизнесом и государством. При этом они отмечают наличие определенной связи между деятельностью корпоративного сектора, долгосрочными интересами общественного развития и задачами модернизации экономической системы и общества в целом [18].

В условиях российской действительности история становления и развития корпоративного гражданства имела неоднозначный характер. Сегодня единого подхода к его определению среди ученых и практиков не существует. Тем не менее многие эксперты сходятся во мнении об отведении в этой системе первостепенной роли не только крупным предпринимательским структурам, но и государственным институтам и сетевым некоммерческим организациям. При этом особое внимание уделяется обеспечению многостороннего взаимодействия бизнеса со всеми основными сторонами, обеспечивающего заботу о всей совокупности аспектов функционирования социума, определяющей состояние общественного развития.

Характерной особенностью практической реализации гражданских инициатив корпоративного сектора в России выступает традиционно высокая степень государственного контроля, в то время как равноправие участников считается одним из базовых принципов корпоративного гражданства. Дальнейшее добровольное и инициативное развитие корпоративного гражданства выступает одним из необходимых основ модернизации национальной экономической системы нашей страны.

Многими учеными корпоративное гражданство рассматривается в качестве составного элемента корпоративного управления. Более того, оно отождествляется с управленческой инновацией, позволяющей повысить не только качество управления корпоративными структурами, но и общую эффективность их функционирования, включая эффективность взаимодействия с обществом и государством.

Позиционирование корпоративного гражданства российскими исследователями

Аспекты корпоративного гражданства	Авторы	Базовая парадигма	Описание	Ключевые компоненты
Составляющая устойчивого развития бизнеса и региона	Егорова Ю.М. [6], Кириллина В.Н. [12], Андреюшин А. [2], Перегулов С.П., Семеновко И.С. [21]	Корпоративное гражданство – ключевой аспект обеспечения устойчивости развития экономических систем	Корпоративное гражданство способствует формированию и развитию устойчивой структуры региональных образований, а также обеспечивает баланс между воспроизводственным потенциалом региональной экономики, социальным развитием территорий присутствия и сохранением окружающей среды	Социальные инвестиции
Концепция социальной ответственности бизнеса	Крейн А., Чепл В. [26], Черепанова Н.В., Абдокова Л.З.	Корпоративная гражданство – часть практики корпоративной социальной ответственности	Корпоративная социальная ответственность служит основой для формирования корпоративного гражданства. Корпоративное гражданство является высшей формой корпоративной социальной ответственности	Уровень ответственности
Философия социальной ответственности бизнеса	Маттен Д., Матвеева Е.В. [16, 17]	Корпоративное гражданство – мировоззрение и идеология функционирования социально ответственных организаций	Корпоративное гражданство представляет собой особую систему взглядов субъектов предпринимательской деятельности, трансформирующуюся в ее миссию и общую систему деятельности	Идеология гражданского самосознания
Способ ведения бизнеса	Киварина М.В. [11]	Корпоративное гражданство – определённый способ проявления активности со стороны корпоративных структур	Корпорация как социально-экономический институт осознанно формирует комплекс мер по ведению своей предпринимательской деятельности, обеспечивающий ей определенные конкурентные преимущества и выражающийся в целостной системе приемов, направленных на удовлетворение бизнесом интересов общества	Общественный договор

Аспекты корпоративного гражданства	Авторы	Базовая парадигма	Описание	Ключевые компоненты
Форма социального партнерства государства и бизнеса в публичной сфере	Косоруков А.А. [13]	Корпоративное гражданство – одна из форм взаимодействия корпоративного и государственного сектора в части решения общественно значимых проблем	Выступая в роли ответственного гражданина, корпоративные структуры включаются в систему властных отношений с целью решения общественно значимых проблем и повышения собственной легитимизации	Государственно-частное партнерство
В системе отношений государства и бизнеса	Тетерюк А.С. [23], Костина Е.Н. [14]	Корпоративное гражданство – один из способов взаимодействия бизнеса с органами государственной власти	Подобный способ взаимодействия с государством, основанный на участии бизнеса в социально-экономическом развитии страны, нацелен на обеспечение благоприятных внешних условий для реализации собственных коммерческих инициатив	Таргетированные корпоративные инвестиции
Механизм взаимодействия бизнеса и общества	Семененко И.С., Перегудов С.П. [21], Киварина М.В. [11], Бадальянц М.В.	Корпоративное гражданство – форма взаимодействия предпринимательских структур и гражданского общества	Основной целью взаимодействия бизнеса с институтами гражданского общества выступает решение проблем последнего, обеспечение устойчивости его развития и создание благоприятного отношения к корпорации. Основной формой его организации выступает диалог с местными сообществами	Социальные проекты
Фактор экономической эффективности организации	Косоруков А.А. [13], Никандрова О.А. [19]	Корпоративное гражданство – способ повышения рентабельности и устойчивости бизнеса в долгосрочной перспективе	Перераспределение ресурсов на решение общественно значимых проблем способно принести компании определённые выгоды, благоприятно сказывающиеся на общей эффективности ее функционирования	Целевые инвестиции
Форма социальной инженерии	Перегудов С.П. [20]	Корпоративное гражданство – основа институционального развития гражданского общества	Реализуя социально ответственную модель поведения, бизнес должен выстраивать тесные и конструктивные отношения с гражданским обществом и стремиться к интеграции с ним	Социальный капитал

Аспекты корпоративного гражданства	Авторы	Базовая парадигма	Описание	Ключевые компоненты
Инструмент модернизации российской экономики	Мингалева Ж.А., Смилевская И.П. [18]	Корпоративное гражданство – одно из условий обеспечения поступательного развития национальной экономической системы	Корпоративный сектор, в особенности крупнейшие его игроки, уже вносят ощутимый вклад в решение социально-экономических проблем российского общества. Поступательное развитие много-стороннего взаимодействия бизнеса с обществом и государством, наряду со снижением степени давления и контроля последним, выступает необходимым условием прогрессивного развития российской экономики	Корпоративные инвестиции, государственные проекты
Управленческая инновация	Никандрова О.А. [19]	Корпоративное гражданство – новомодная форма управления корпоративными образованиями	Как управленческая инновация корпоративное гражданство представляет собой систему выстраивания конструктивных и взаимовыгодных взаимоотношений бизнеса и внешних институтов	Управленческая стратегия и инструменты ее реализации

Составлено авторами.

В данном случае речь может идти о трансформации первичных форм гражданства корпоративных образований в интеграцию усилий бизнеса, общества и власти для решения социально значимых общественных проблем и обеспечения основ его устойчивого развития [19]. Подобного рода трансформации выступают источником повышения эффективности функционирования не только предпринимательских структур, но и национальных экономических систем как на макро-, так и на микро уровнях.

Таким образом, корпоративное гражданство выступает в качестве особой стратегии бизнеса по взаимодействию с внешними гражданскими и государственными институтами, призванной обеспечить материальные и нематериальные выгоды как для самой корпорации, так и для внешнего сообщества.

Обобщая все вышесказанное, объединим основные подходы к интерпретации корпоративного гражданства. Полученные результаты представим в таблице.

Таким образом, систематизируя теоретические источники, мы определили содержание корпоративного гражданства, которое может быть представлено как система проактивного конструктивного взаимодействия корпоративного сектора с институтами гражданского общества и власти, целенаправленно выстраиваемая, опирающаяся на добровольные начала и соответствующая базовым принципам социальной ответственности, но выходящая за ее рамки. Решая задачу изучения актуальности и стратегической направленности корпоративного гражданства, уточним его основную цель – развитие проактивных и конструктивных отношений с заинтересованными сторонами в той части, в которой они причастны к деятельности организации. Эти отношения строятся на основе интеграции организации в гражданское общество, означающей системное взаимодействие с социальными и политическими институтами для удовлетворения ожиданий их представителей.

Такая интерпретация своей целью преследует формирование основы для устойчивого и эффективного развития экосистемы территориальных образований. При исследовании характеристик корпоративного гражданства обусловленность социального сотрудничества выявляет ряд внешних условий корпоративного гражданства, относящихся к экономическим, культурным, социальным, политическим и иным факторам. Эти внешние условия включают поле интерактивных сетей между ответственными сторонами, которые влияют на гражданство корпораций.

Литература

1. Адова И.Б., Гудяева Н.А. Оценка эффективности социальной ответственности телекоммуникационных компаний России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 4 (32). С. 144–159.
2. Андреюшин А. Корпоративное гражданство как составляющая устойчивого развития бизнеса и региона // Бизнес и общество. 2012–2013. № 72–77. С. 44–49.
3. Апенько С.Н., Фомина Ю.А. Мотивы и ценность управления устойчивостью в организации // Вестник НГУЭУ. 2020. № 1. С. 24–31.

4. *Апенько С.Н., Фомина Ю.А.* Оценка устойчивости управления проектами на предприятиях регионов России // Вопросы управления. 2019. № 06 (61).
5. *Батаева Б.С.* Корпоративное гражданство. Российские реалии // Финансы и кредит. 2004. № 9 (147). С. 78–82.
6. *Егорова Ю.М.* Устойчивое развитие региона на основе корпоративной социальной ответственности // Экономические системы. 2013. № 2. С. 5–10.
7. *Задорожная И.И., Петрова Т.Э.* Анализ благотворительной деятельности и волонтерства в России и за рубежом // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 89–102.
8. *Заплетина С.Н.* Корпоративная социальная ответственность : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1. Самара : Самар. гос. аэрокосм. ун-т, 2014. 144 с.
9. *Ибрагимов Г.Н.* Роль корпоративного гражданства в обеспечении устойчивого развития и инклюзивного роста // Оценка программ и политик в условиях нового государственного управления : сб. статей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И.В. Барановой. 2018. С. 54–59.
10. *Ибрагимов Г.Н., Адова И.Б.* Принципы взаимодействия бизнеса с внешними заинтересованными сторонами // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6, № 3. С. 209–222.
11. *Киварина М.В.* Корпоративное гражданство: современный способ ведения бизнеса // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 19. С. 2485–2494.
12. *Кириллина В.Н.* Формирование концепции корпоративного гражданства в контексте развития стратегии устойчивого развития // Журнал научных исследований аспирантов и докторантов ВШЭ. 2010. № 5. С. 43–51.
13. *Косоруков А.А.* Корпоративное гражданство как форма социального партнерства государства и бизнеса в публичной сфере // Социодинамика. 2017. № 10. С. 45–58.
14. *Костина Е.Н.* Корпоративное гражданство в системе отношений государства и бизнеса в России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 17 с.
15. *Летов О. В.* 99.04.012-020. Культура и этика бизнеса (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 1999. № 4.
16. *Матвеева Е.В.* Корпоративное гражданство как философия социально ответственного бизнеса: новый уровень развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2 (30). С. 49–54.
17. *Матвеева Е.В.* Институт корпоративной социальной ответственности организаций как механизм удовлетворения социально-экономических потребностей общества // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. DOI: 10.17223/19988648/42/15
18. *Мингалева Ж.А., Смилевская И.П.* Корпоративное гражданство как инструмент модернизации национальной экономики // Креативная экономика. 2012. Т. 6, № 5. С. 65–69.
19. *Никандрова О.А.* Корпоративное гражданство и стратегия повышения эффективности функционирования крупного бизнеса в России // Экономические науки. 2012. № 88. С. 22–26.
20. *Перегудов С.П.* Корпоративное гражданство как современная форма социальной инженерии // Социальная политика бизнеса в российских регионах. 2005. С. 182–206.
21. *Перегудов С.П., Семененко И.С.* Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М. : Прогресс Традиция, 2008. 447 с.
22. *Симпсон С., Туркин С.* Социальное измерение в бизнесе. Как сделать корпоративное гражданство выгодным для бизнеса. М. : Красная площадь, 2001. 96 с.
23. *Тетерюк А.С.* Особенности развития GR-связей с государственными органами в России в контексте корпоративного гражданства // Политика и общество. 2017. № 3. С. 76–91.
24. *Drucker P.* Concept of the corporations. N.Y. : Day, 1946. P. 10.
25. *Goodpaster K.E., Mathews J.* Can a Corporation Have a Conscience? // Harvard Business Review on Corporate Responsibility. Boston, 2003.

26. *Matten D., Crane A., Chapple W.* Behind the Mask: Revealing the True Face of Corporate Citizenship // *Journal of Business Ethics*. 2003. № 45 (1/2). P. 109–120.

27. *Кабир Л. С.* Социально ответственное инвестирование: тренд или временное явление? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-otvetstvennoe-investirovanie-trend-ili-vremennoe-yavlenie/viewer> (дата обращения: 04.09.2021).

28. *Corporate Citizenship Report*. URL: <https://corporate.exxonmobil.com/-/media/global/files/sustainability-report/publication/2015-ccr-full-digital.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).

29. *VOLVO for life: Corporate Citizenship Report*. URL: <https://www.volvocars.com/-/media/shared-assets/downloads/sustainability-reports/vccorporate-citizenshipreport2002.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).

The Phenomenon of Corporate Citizenship in Russian Scientific Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 152–166. DOI: 10.17223/19988648/56/12

Irina B. Adova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: i.b.adova@edu.nsuem.ru

Garib N. Ibragimov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: i.b.adova@edu.nsuem.ru

Keywords: business, government, stakeholders, corporate citizenship, social responsibility, territory of presence.

Corporate citizenship is a fairly new concept in scientific and business use. It characterizes the current stage in the development of socioeconomic systems, which are transformed under the influence of sociocultural, technological, and other factors into the ecosystems of the future. Its participants rethink their own value system and interact with each other in a completely different way. The aim of the article is to analyze the phenomenon of corporate citizenship in order to identify its basic concepts and key elements. To achieve this aim, the following objectives were formulated: to analyze the texts of scientific research by Russian authors; to make an overview of the phenomenon of corporate citizenship. Critical analysis is carried out in the methodological, political science, and applied (managerial) aspects. Conclusions are drawn. As a result of a bibliographic search in the Google Scholar search engine, it was established that the term “corporate citizenship”, used in foreign studies since the middle of the past century, appeared in domestic publications only at the turn of the 21st century. The textual analysis of the selected articles made it possible to identify the following considerations of the concept: as a component of sustainable development of business and the region; as a concept of social responsibility of business; as a philosophy of social responsibility of business; as a way of doing business; as a form of social partnership between the state and business in the public sphere; as an element of the system of relations between the state and business; as a mechanism for interaction between business and society; as a factor in the economic efficiency of the organization; as a form of social engineering; as a tool for modernizing the Russian economy; as a management innovation. The grouping of these directions into three aspects was substantiated. The methodological aspect explores and explains the principles and mechanisms of corporate citizenship. The macroeconomic and political science aspects analyze corporate citizenship at the level of the socioeconomic system of society and the state. The applied (managerial) aspect presents corporate citizenship as a managerial innovation that contributes to the sustainable success of individual organizations and their associations. The implementation of the managerial approach is aimed at achieving sustainable success of business organizations within the framework of the implementation of a value-based corporate governance model, in the context of sustainable and effective development of the ecosystem of territorial entities. Finally, the content of corporate citizenship was defined. Corporate citizenship is a system of proactive constructive interaction of the corporate sector with civil society institutions and authorities, which is purposefully built, relies on voluntary

principles, and complies with the basic principles of social responsibility, but at the same time goes beyond it.

References

1. Adova, I.B. & Gudyayeva, N.A. (2015) Assessment of efficiency of Russian telecommunications companies' social responsibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 4 (32). pp. 144–159. (In Russian).
2. Andreyushin, A. (2012–2013) Korporativnoe grazhdanstvo kak sostavlyayushchaya ustoychivogo razvitiya biznesa i regiona [Corporate citizenship as a component of sustainable development of business and the region]. *Biznes i obshchestvo*. 72–77. pp. 44–49.
3. Apen'ko, S.N. & Fomina, Yu.A. (2020) Motives and values of sustainability management in organization. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 1. pp. 24–31. (In Russian). DOI: 10.34020/2073-6495-2020-1-024-031
4. Apen'ko, S.N. & Fomina, Yu.A. (2019) Project management sustainability assessment at enterprises of the Russian regions. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 6 (61). pp. 233–240. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-233-240
5. Bataeva, B.S. (2004) Korporativnoe grazhdanstvo. Rossiyskie realii [Corporate citizenship. Russian realities]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 9 (147). pp. 78–82.
6. Egorova, Yu.M. (2013) Sustained development of a region based on corporate social responsibility. *Ekonomicheskie sistemy – Economic Systems*. 2. pp. 5–10. (In Russian).
7. Zadorozhnaya, I.I. et al. (2021) Analysis of charitable work and volunteering activities in Russia and abroad. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 1. pp. 89–102. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-89-102
8. Zapletina, S.N. (2014) *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'* [Corporate social responsibility]. Pt. 1. Samara: Samara State Aerospace University.
9. Ibragimov, G.N. (2018) [The role of corporate citizenship in ensuring sustainable development and inclusive growth]. *Otsenka programm i politik v usloviyakh novogo gosudarstvennogo upravleniya* [Evaluation of Programs and Policies in the Conditions of New Public Administration]. Proceedings of the All-Russian Conference. Novosibirsk. 16 November 2018. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. pp. 54–59. (In Russian).
10. Ibragimov, G.N. & Adova, I.B. (2019) Principles of business interaction with external stakeholders. *Liderstvo i menedzhment – Leadership and Management*. 3 (6). pp. 209–222. (In Russian). DOI: 10.18334/lim.6.3.41016
11. Kivarina, M.V. (2016) Corporate citizenship: the modern business operational method. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 19 (17). pp. 2485–2494. (In Russian).
12. Kirillina, V.N. (2010) Formirovanie kontseptsii korporativnogo grazhdanstva v kontekste razvitiya strategii ustoychivogo razvitiya [The formation of the concept of corporate citizenship in the context of the development of the sustainable development strategy]. *Zhurnal nauchnykh issledovaniy aspirantov i doktorantov VShE*. 5. pp. 43–51.
13. Kosorukov, A.A. (2017) Corporate citizenship as a form of social partnership between government and business in public sphere. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 10. pp. 45–58. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2017.10.21739
14. Kostina, E.N. (2010) *Korporativnoe grazhdanstvo v sisteme otnosheniy gosudarstva i biznesa v Rossii* [Corporate citizenship in the system of relations between the state and business in Russia]. Abstract of Politology Cand. Diss. Saint Petersburg.
15. Letov, O.V. (1999) 99.04.012-020. Kul'tura i etika biznesa (svodnyy referat) [99.04.012-020. Culture and ethics of business (summary abstract)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3. Filosofiya – Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*. 4. pp. 60–70.

16. Matveeva, E.V. (2014) Corporate citizenship as a philosophy of socially-responsible business: new level of development. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Russian Journal of Economics and Law*. 2 (30). pp. 49–54. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.08.2014.2.49-54
17. Matveeva, E.V. (2018) Institute of corporate social responsibility of organizations as a mechanism for meeting socio-economic needs of society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 42. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/42/15
18. Mingaleva, Zh.A. & Smilevskaya, I.P. (2012) Corporate citizenship as the tool of national economy modernization. *Kreativnaya ekonomika – Creative Economy*. 5 (65). pp. 65–69. (In Russian).
19. Nikandrova, O.A. (2012) Korporativnoe grazhdanstvo i strategiya povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya krupnogo biznesa v Rossii [Corporate citizenship and strategy for improving the efficiency of big business in Russia]. *Ekonomicheskie nauki – Economic Sciences*. 88. pp. 22–26.
20. Peregudov, S.P. (2005) Korporativnoe grazhdanstvo kak sovremennaya forma sotsial'noy inzhenerii [Corporate citizenship as a modern form of social engineering]. In: Lapina, N.Yu. (ed.) *Sotsial'naya politika biznesa v rossiyskikh regionakh* [Social Policy of Business in Russian Regions]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS. pp. 182–206.
21. Peregudov, S.P. & Semenenko, I.S. (2008) *Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossiyskie realii* [Corporate Citizenship: Concepts, world practice and Russian realities]. Moscow: Progress Traditsiya.
22. Simpson, S. & Turkin S. (2001) *Sotsial'noe izmerenie v biznese. Kak sdelat' korporativnoe grazhdanstvo vygodnym dlya biznesa* [Social Dimension in Business. How to make corporate citizenship profitable for business]. Moscow: Krasnaya ploshchad'.
23. Teteryuk, A.S. (2017) Osobennosti razvitiya GR-svyazey s gosudarstvennymi organami v Rossii v kontekste korporativnogo grazhdanstva [Features of the development of GR-relations with state bodies in Russia in the context of corporate citizenship]. *Politika i Obshchestvo*. 3. pp. 76–91.
24. Drucker, P. (1946) *Concept of the corporations* [Concept of the Corporations]. New York: Day.
25. Goodpaster, K.E. & Mathews, J. (2003) Can a Corporation Have a Conscience? In: Prahalad, C.K. (ed.) *Harvard Business Review on Corporate Responsibility*. Boston: Harvard Business School Press.
26. Matten, D., Crane, A. & Chapple, W. (2003) Behind the Mask: Revealing the True Face of Corporate Citizenship. *Journal of Business Ethics*. 45 (1/2). pp. 109–120.
27. Kabir, L.S. (2017) Socially responsible investing: a trend or a temporary phenomenon? *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 4 (10). pp. 35–41. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-otvetstvennoe-investirovanie-trend-ili-vremennoe-yavlenie/viewer> (Accessed: 04.09.2021). (In Russian).
28. ExxonMobil. (2015) *Corporate Citizenship Report*. [Online] Available from: <https://corporate.exxonmobil.com/-/media/global/files/sustainability-report/publication/2015-ccr-full-digital.pdf> (Accessed: 26.09.2021).
29. Volvo. (2002) *VOLVO for life: Corporate Citizenship Report*. [Online] Available from: https://www.volvocars.com/~/_/media/shared-assets/downloads/sustainability-reports/vccorporate-citizenshipreport2002.pdf (Accessed: 26.09.2021).

УДК 334.012.6

DOI: 10.17223/19988648/56/13

С.В. Юдина, О.Н. Мингазова

О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ОСНОВАНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье авторы задаются вопросом, видоизменяется ли предпринимательская деятельность в направлении инновационности или же инновационный тип предпринимательства становится заметнее и значимее в системе экономических отношений. Для этого предпринята попытка классифицировать предпринимательскую деятельность по природе возникновения: как источник дохода, как новая рыночная возможность, как инновация. Проанализирована активность применения терминов «инновационное предпринимательство» и «технологическое предпринимательство» в научных публикациях. Исследованы отдельные причины невысокой инновационной активности российских малых и средних предприятий в Юго-восточной экономической зоне Республики Татарстан. На основании исследования авторы приходят к выводу, что крупный бизнес может быть существенным фактором развития малого инновационного предпринимательства, а характер его влияния требует глубокого комплексного исследования.

Ключевые слова: предпринимательство, технологическое предпринимательство, инновационное предпринимательство, малый бизнес, характер предпринимательства

Постановка проблемы исследования

Современное понимание природы и содержания предпринимательской деятельности намного шире и сложнее стереотипов классической экономической науки. Например, ни в коей мере не настаивая на исключительности альтруистических мотивов современных (в том числе российских) предпринимателей, следует отметить более сложный, нежели примитивно-утилитарный характер этой деятельности. Ряд исследований последних десятилетий уверенно свидетельствуют [1] о творческой, инновационной природе возникновения у человека желания реализовываться в собственном деле. Много исследований также посвящены [2] изучению роли потребности достижения в становлении предпринимателя. Современные сложные синтетические формы собственности, особенно на нематериальные активы (франчайзинг, сетевые структуры, лицензионные соглашения и пр.), предполагают диверсификацию рисков между участниками разного рода. Фандрайзинг, кроссфандинг, государственно-частное партнерство с привлечением финансово-кредитных организаций и инвестиционных фондов, передача объектов социальной инфраструктуры на баланс коммерческих организаций для поддержания операционной деятельности – вот небольшой перечень активно развивающихся форм

финансирования бизнеса, где собственность, право принятия решений и риски распределяются между значительным числом участников. То есть можно говорить об определенных изменениях в содержании тривиального понятия «предпринимательство». Не то чтобы оно коренным образом изменилось, но степень проявления хрестоматийных характеристик (по Й. Шумпетеру) [3] изменяется значительно. Эта трансформация не всегда носит явный характер, поэтому задача исследователя – зафиксировать то, что «не лежит на поверхности». В нашем случае – это попытка понять, видоизменяется ли предпринимательская деятельность в направлении инновационности или же инновационный тип предпринимательства становится заметнее и значимее в системе экономических отношений.

Базовые предпосылки

Определения, примыкающие к данному понятию, уточняют его и делают акцент на отдельном признаке или группе признаков вида (типа) предпринимательства. Многочисленные обобщенные классификации предпринимательской деятельности выделяют виды предпринимательства по масштабу деятельности (малое, среднее, крупное), по организационно-правовому статусу (без образования юридического лица и юридические лица), по количеству собственников (индивидуальное и коллективное (партнерства и акционерные общества)), по укрупненной отраслевой принадлежности (производственное, коммерческое, финансовое и в сфере услуг), по темпам развития и уровню прибыльности и риска (быстрорастущие, высокоприбыльные, низкорентабельные, безрисковые, венчурные и т.п.) [4]. В нашем контексте правильнее обратиться к такому важному классификационному признаку, как природа предпринимательской деятельности. В этой связи представляется целесообразным разделять:

- предпринимательство, основанное на отсутствии иных форм дохода [5];
- предпринимательство, основанное на рыночных возможностях (заполнение лакун);
- предпринимательство, основанное на инновациях (знаниях и идеях) [6].

Предпринимательство, основанное на отсутствии иных форм дохода, предполагает, что либо ввиду определенной конъюнктуры рынка труда (высокий уровень безработицы), либо из-за невысокого уровня профессиональных компетенций (недоступность образования и т.п.) определенная часть людей занимаются (а точнее – вынуждены заниматься) предпринимательской деятельностью, граничащей с samozанятостью. В этом случае главный мотив предпринимательской деятельности – получение предпринимательского дохода на уровне среднедушевого дохода в регионе.

Предпринимательство, основанное на рыночных возможностях, – это такое традиционное предпринимательство, которое основано на поиске незанятых рыночных ниш и их заполнении без использования каких-либо существенных новых идей по удовлетворению имеющихся потребностей. Большую долю предприятий малого и среднего бизнеса в большинстве стран с рыночной экономикой можно отнести именно к данному виду

предпринимательской деятельности. Как правило, норма прибыли в таком бизнесе находится на среднем и ниже среднего уровня.

Предпринимательство, основанное на инновациях, в отличие от предыдущих типов, в меньшей степени имеет утилитарные мотивирующие основания. Зачастую инновационные идеи и технологии возникают не как ответная реакция на неожиданно выявленную потребность, а как естественное продолжение научно-исследовательской деятельности. Лишь после выхода на рынок становится понятно, имеет ли новый товар (услуга) отклик у потребителей. Это, как правило, рисковая предпринимательская деятельность, но с высоким потенциалом нормы прибыли и маржинальности.

Новый способ комбинирования ресурсов (факторов производства), выраженный в новой технологии как признак такого предпринимательства [7], сегодня становится едва ли не самой важной его характеристикой. Причем уникальность этого способа очень быстротечна, соответственно, предпринимателем – владельцем технологии – в цену продукта или услуги закладывается высокая маржинальность. В этом смысле очень важным фактором эффективности предпринимательства и инвестиционной привлекательности становится фактор времени. Ввиду открытости информационного пространства практически девальвировано понятие защиты интеллектуальной собственности. Даже напротив, когда высокотехнологичные компании выводят на рынок совершенно новый, революционный продукт, возможно, не совсем понятный и привычный для потребителя, они зачастую «открывают» для потенциальных конкурентов свои разработки (компания Tesla). Это делается, прежде всего, потому, что для формирования устойчивой потребности и платежеспособного спроса, позволяющего выйти на окупаемость инвестиций, недостаточно усилий одного эксклюзивного производителя. Для этого требуется развитый рынок.

Кроме выше отмеченных особенностей предпринимательской деятельности в целом и инновационного предпринимательства в частности, на наш взгляд, требует отдельного исследования следующее обстоятельство. Ряд публикаций рассматривают [8] **предпринимательство, основанное на инновациях, во взаимосвязи с корпоративными инновациями**, которые, строго говоря, не являются предпринимательством, если в какой-то момент не становятся самостоятельным стартапом с образованием нового юридического лица. Другими словами, для современной российской ситуации как никогда актуальным может быть исследование диффузии (а, возможно, структурных диспропорций и фундаментальных препятствий) рыночных и корпоративных инноваций через людей-инноваторов, делающих осознанный выбор между новаторской деятельностью в качестве наемного специалиста в крупной компании и независимого инноватора-предпринимателя, инициатора и создателя стартапа. При каких условиях может происходить взаимообогащение этих двух сфер, помогающее более масштабному развитию, а в каких случаях – напротив, препятствовать развитию и друг друга, и более глобальным экономическим системам? Где, например, находится «точка равновесия» рынка труда, когда наемным спе-

циалистом быть выгоднее, чем инновационным предпринимателем? Ответы на подобные вопросы позволили бы, поняв механизм взаимодействия этих двух сфер, разработать конкретные программы максимизации целевой функции – экономического богатства общества.

Выбор терминов и определений

Для дальнейших исследований важно определиться с дефиницией, наиболее точно и полно определяющей исследуемое явление. Выбор осуществлялся между двумя альтернативами: «технологическое предпринимательство» и «инновационное предпринимательство» в пользу последнего.

Большинство определений термина «технологическое предпринимательство» все-таки связывает традиционное предпринимательство с инновациями. При этом к технологическому предпринимательству относят компании, применяющие технологии, внедряющие новые приложения или использующие возможности, которые опираются на научно-технические знания [9]. С нашей точки зрения, сегодня использование, применение, внедрение технологий, пусть даже и наукоемких, – это уже не особенность отдельного вида предпринимательства, а характеристика современного предпринимательства как такового и не может рассматриваться в качестве признака классификации. Термин «инновационное предпринимательство», на наш взгляд, более точен. Под инновационным предпринимательством предлагается понимать деятельность, направленную на **получение прибыли за счет реализации идеи о новом способе создания добавленной стоимости (ценности, полезности)**. Нами исследована активность применения этих двух близких терминов в научных публикациях, входящих в российскую и одну из зарубежных научных индексных баз (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение результатов запросов

Параметр сравнения	Технологическое предпринимательство		Инновационное предпринимательство	
	РИНЦ	Скопус	РИНЦ	Скопус
Параметры запроса				
Дата запроса	10 марта 2021 г.	10 марта 2021 г.	15 марта 2021 г.	15 марта 2021 г.
Область поиска	Название, аннотация, ключевые слова			
Тип публикации	Статья	Статья	Статья	Статья
Годы публикации	2016–2021	2016–2021	2016–2021	2016–2021
Выдача по	Цитированию	Цитированию	Цитированию	Цитированию
Параметры результатов запроса				
Количество статей	159	45	510	136
Максимальное цитирование	39	219	49	71
Количество статей экономической тематики (из первых 20)	10	16	17	17

Таким образом, результаты тоже красноречиво доказывают преобладающий уровень применения термина «инновационное предпринимательство».

Основания для обращения к исследованию проблем инновационного предпринимательства

Одной из причин слабого развития МСП в России принято считать отраслевую специфику национальной экономики, состоящую в низком удельном весе отраслей, требующих серьезных инноваций. Действительно, лишь от трети до чуть более 40 % в ВВП Российской Федерации занимают отрасли, которые так или иначе основаны на сложных [10] технологиях (обрабатывающие производства, информация и связь и т.п.). А ведь движущая сила конкуренции на технологичных рынках и в наукоемких отраслях в дополнительных доказательствах не нуждается. Таким образом, одна из черт российского предпринимательства – **отсутствие фундаментальных причин и заказчика для современных типов предпринимательства**: технологического, инновационного, венчурного и т.п. **Недоступность высоких технологий для МСП** является, в том числе, следствием обозначенной выше причины. Но не только. Санкционный режим стран Запада и сокращение доходов бюджета от экспорта сырьевых ресурсов также не добавляют оптимизма в перспективы развития данного сектора. К сожалению, полностью заместить западные технологии отечественными пока не удастся. Это сложный эволюционный процесс, требующий не только экспертных знаний, но и тонкой настройки всего инновационного процесса от фундаментальных НИОКР до маркетинга новой продукции. Относительно недорогие азиатские оборудование и технологии, зачастую являющиеся не самой качественной «калькой» западных, в процессе закупки через многочисленных посредников, уплаты таможенных пошлин, доставки, монтажа, наладки и пр. не дают требуемых конкурентных преимуществ.

Поэтому мы считаем очень важным сегодня обращаться к исследованию причин невысокой инновационной активности российских малых и средних предприятий. Поскольку российская экономика негетогенна прежде всего в географическом разрезе, было принято решение провести исследование в определенных территориальных границах: на примере Юго-восточной экономической зоны Республики Татарстан (ЮВ РТ). Гипотеза состоит в том, что **крупная форма организации нефтегазового бизнеса оказывает влияние на малое инновационное предпринимательство в регионе своего присутствия, причем как положительное (стимулируя развитие инноваций в качестве заказчика), так и отрицательное (как причина оттока новаторских кадров из малого предпринимательства)**.

В ЮВ РТ входит 8 муниципальных районов (Альметьевский, Азнакаевский, Бугульминский, Бавлинский, Лениногорский, Сармановский, Че-

ремшанский и Ютазинский) и 5 городов республиканского значения (Альметьевск, Азнакаево, Бугульма, Бавлы и Лениногорск). Население зоны – 577,66 тыс. человек, площадь – 12 613,7 км², что занимает 18,6 % территории РТ [11].

Основная сфера деятельности этой экономической зоны: нефтегазодобыча, нефтепереработка, геологоразведка, разработка и производство оборудования для нефтегазовой отрасли и блок сервисных структур нефтегазовой направленности. Региональный продукт производится преимущественно российской нефтяной компанией «Татнефть» и рядом мелких предприятий, прямо или косвенно сотрудничающих с группой «Татнефть». В этом районе находится Ромашкинское нефтяное месторождение – крупнейшее месторождение Волго-Уральской провинции России. Ромашкинское месторождение дает за год половину объемов, добываемых в Республике Татарстан. В связи с высокой долей концентрации населения, большими объемами промышленного производства, развитости транспортной и рыночной инфраструктуры, Юго-восточная экономическая зона находится на третьем месте по уровню социально-экономического развития в Республике Татарстан.

Статистика по вкладу предприятий (юридических лиц) ЮВ РТ в экономику республики приведена в табл. 2 и на рис. 1.

Очевидно, что муниципальное образование (г. Альметьевск и АМР), в котором находится крупнейшая нефтяная компания, «делает погоду» во всей экономической зоне: около 90 % объема производства и прибыли формируется на его предприятиях. При том, что только немногим более 3 % предприятий республики находится именно здесь, здесь же формируется пятая часть объема производства и треть прибыли субъекта. То есть не вызывает сомнений регионообразующая роль крупной нефтяной компании.

Статистика по вкладу отраслей и отраслевых предприятий ЮВ РТ в экономику республики приведена в табл. 3 и на рис. 2.

Данные рис. 2 также подтверждают определяющее значение г. Альметьевска и АМР в отраслевой структуре экономики РТ. Но если в целом доля выручки альметьевских компаний в выручке предприятий республики чуть более 17 %, то в отраслях с потенциально высоким уровнем разработки и использования инноваций соответствующая доля где-то (в информации и связи) незначительно уступает общему уровню, а где-то (в обрабатывающем производстве, консалтинге и ИТД) – существенно отстает от него и составляет 6,63 и 3,06 % соответственно. Следовательно, **для доказательства неоднозначного влияния крупных предпринимательских форм (корпораций) на малый инновационный бизнес в регионе присутствия необходимо продолжать поиск тенденций и закономерностей их развития.**

Таблица 2. Исходные данные для расчета вклада компаний ЮВ РТ в экономику РТ

	Число компаний, ед.			Общая выручка, млн руб.						Общая прибыль, млн руб.		
				Год								
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
РТ	113 490	107 192	103 691	6 009 745	6 582 613	5 912 056	763 692	763 692	625 260	625 260	382 206	
ЮВ РТ	7 706	7 380	7 206	1 314 307	1 422 827	1 186 976	255 553	255 553	220 491	220 491	125 111	
г. Азнакаево и АзнМР	737	701	684	12 637	10 515	12 615	752	752	605	605	549	
г. Альметьевск и АМР	3 325	3 287	3 226	1 175 278	1 258 050	1 021 629	245 420	245 420	207 857	207 857	116 308	
г. Бавлы и БМР	444	399	386	11 754	13 503	11 664	1823	1823	1878	1878	1470	
г. Бугульма и БугМР	1322	1224	1192	55424	58702	56193	2875	2875	6127	6127	2826	
г. Лениногорск и ЛМР	1041	947	925	46443	68959	70519	3321	3321	3028	3028	2513	
Сармановский	300	295	287	3256	3754	4814	40	40	43	43	48	
Черемшанский	274	272	258	4148	4054	3919	921	921	510	510	902	
Ютазинский	263	255	248	5367	5289	5623	402	402	443	443	494	

Таблица 3. Вклад отдельных отраслей в экономику РТ

	2019 г.						2020 г.					
	Число компаний, ед.			Общая выручка, млн руб.			Число компаний, ед.			Общая выручка, млн руб.		
	ОП	ИнС	КиНГД	ОП	ИнС	КиНГД	ОП	ИнС	КиНГД	ОП	ИнС	КиНГД
РТ	9 160	3 023	8 814	1 644 694	76 550	114 306	8 814	3 002	8 339	1 449 035	92 308	92 955
ЮВ РТ	565	148	476	48 240	8 531	8 444	566	141	464	49 333	13 679	8 018
г. Азнакаево и АзнМР	44	11	29	2 583	8	204	43	11	29	3 948	4	298
г. Альметьевск и АМР	286	94	284	29 166	8 235	6 388	279	92	274	33 226	13444	6162
г. Бавлы и БМР	2	5	26	1 663	18	74	16	4	27	1 715	17	1107
г. Бугульма и БугМР	107	20	77	9 686	246	1 542	108	18	78	5 588	175	42
г. Лениногорск и ЛМР	76	9	38	2 501	21	124	73	7	36	2 073	39	106
Сармановский	13	3	5	181	0	13	12	3	5	228	0	15
Черемшанский	10	1	8	24	0	14	9	1	7	30	0	8
Ютазинский	27	5	9	2 437	1	85	26	5	8	2 526	1	280

Примечание. ОП – обрабатывающее производство; ИнС – информация и связь; КиНГД – консалтинг и научно-техническая деятельность.

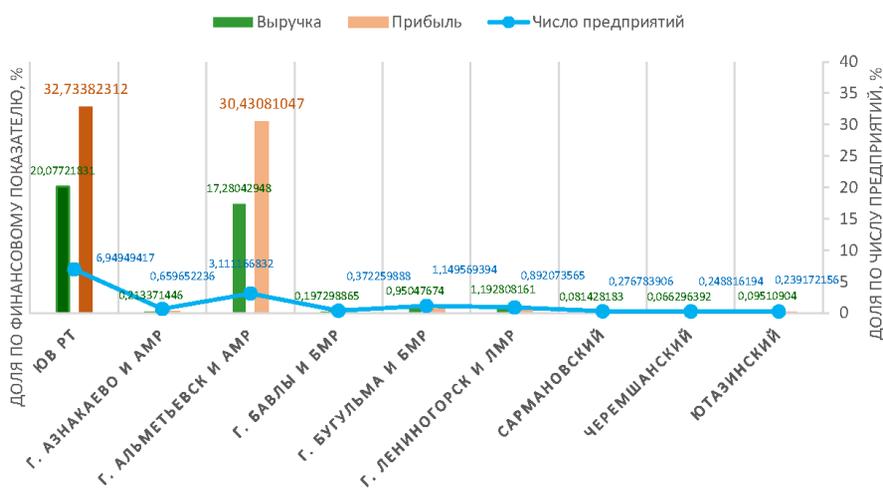

Рис. 1. Вклад компаний ЮВ РТ в экономику РТ, %

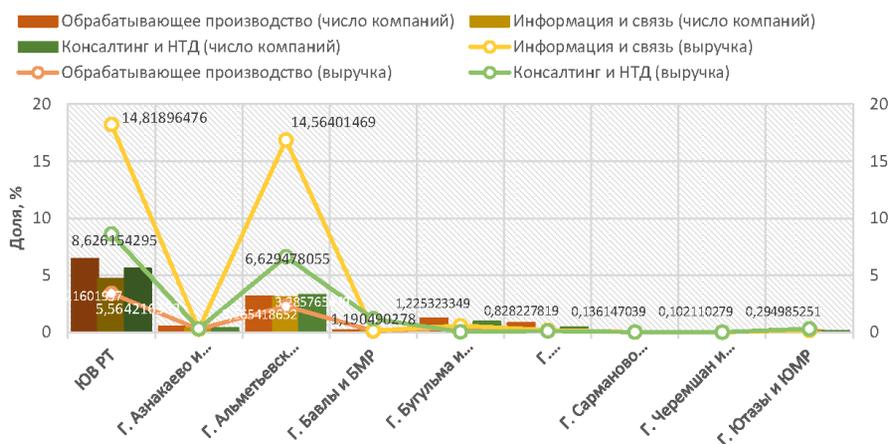

Рис. 2. Вклад отраслей в экономику РТ, %

Выводы

Таким образом, предпринимательская деятельность в настоящее время видоизменяется, все больше приобретая характеристики инновационности. При этом для глубокого исследования современных тенденций трансформации предпринимательской природы **необходимо учитывать контекстуальные переменные**, в том числе удельный вес крупных (корпоративных) форм бизнеса в экономических системах, отраслевую структуру последних и т.д. Методология таких исследований, с нашей точки зрения, должна быть построена на **принципах системности и комплексности**.

Литература

1. Борисова Л.М., Таран Е.А., Титенко Е.А. Инновационное предпринимательство : учеб. пособие. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 235 с.
2. Пономаренко К.Г., Шапарь Я.Д. Психологическое становление будущего предпринимателя // SCIENCE TIME. 2015. № 6 (18). С. 419–422.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 455 с.
4. Муравьев А.И., Игнатьев А.М., Крутик А.Б. Предпринимательство. М. : Лань, 2018. 696 с.
5. Fairlie R.W., Fossen F.M. Defining Opportunity Versus Necessity Entrepreneurship: Two Components of Business Creation (October 2019). NBER Working Paper No. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3472812 (дата обращения: 13.05.2021).
6. Bradley S.W., McMullen J.S., Artz K., Simiyu E.M. Capital Is Not Enough: Innovation in Developing Economies // Journal of Management Studies. 2012. № 49. 4 June. P. 684–717.
7. Попов А.И. Экономическая теория : учебник для вузов. 4-е изд. СПб. : Питер, 2006. 544 с.
8. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) : офиц. сайт. М., 2019. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/87> (дата обращения: 13.07.2021).
9. Бутрюмова Н.Н., Карпычева С.А., Назаров М.Г., Сидоров Д.В. Исследование эволюции технологического предпринимательства Нижегородской области // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 80–89.
10. Юдина С.В., Закиров Р.Т., Мингазова О.Н. Предпринимательство: еще раз о дефиниции и проблемах развития в современной экономике РФ // Вестник Академии знаний. 2020. № 40(5). С. 487–493.
11. MediaInform: Юго-Восточная экономическая зона. 2020. URL: <https://media-inform.com/3441333/1/yugo-vostochnaya-ekonomicheskaya-zona.html> (дата обращения: 11.07.2021).

On the Background and Basis for Innovative Entrepreneurship Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 167–176. DOI: 10.17223/19988648/56/13

Svetlana V. Yudina, Almet'yevsk Branch of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (Almet'yevsk, Russian Federation). E-mail: yudina100700@gmail.com

Olesya N. Mingazova, Almet'yevsk Branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (Almet'yevsk, Russian Federation). E-mail: kmolesia@yandex.ru

Keywords: entrepreneurship, technological entrepreneurship, innovative entrepreneurship, innovator, small business, nature of entrepreneurship.

The authors of the article touch upon the question whether entrepreneurial activity is changing in the direction of innovation, or the innovative type of entrepreneurship is becoming more noticeable and significant in the system of economic relations. For that, they attempted to classify entrepreneurial activity by the nature of its origin: as a source of income, as a new market opportunity, as an innovation. The activity of using the terms “innovative entrepreneurship” and “technological entrepreneurship” in scientific publications is analyzed. Some reasons for the low innovative activity of Russian small and medium-sized enterprises in the South-Eastern economic zone of the Republic of Tatarstan are investigated. Based on the study, the authors draw a conclusion that large business can be a significant factor in the development of a small innovative entrepreneurship, and the nature of its influence requires a deep complex study.

References

1. Borisova, L.M., Taran, E.A. & Titenko, E.A. (2013) *Innovatsionnoe predprinimatel'stvo* [Innovative Entrepreneurship]. Tomsk: Tomsk Polytechnical University.
2. Ponomarenko, K.G. & Shapar', Ya.D. (2015) Psikhologicheskoe stanovlenie budushchego predprinimatelya [Psychological formation of a future entrepreneur]. *Science Time*. 6 (18). pp. 419–422.
3. Shumpeter, Y. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow: Progress.
4. Murav'ev, A.I., Ignat'ev, A.M. & Krutik, A.B. (2018) *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. Moscow: Lan'.
5. Fairlie, R.W. & Fossen, F.M. (2019) Defining Opportunity Versus Necessity Entrepreneurship: Two Components of Business Creation. *NBER Working Paper 26377*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3472812 (Accessed: 13.05.2021).
6. Bradley, S.W. et al. (2012) Capital Is Not Enough: Innovation in Developing Economies. *Journal of Management Studies*. 49. pp. 684–717.
7. Popov, A.I. (2006) *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. 4th ed. Saint Petersburg: Piter.
8. *Vyssshaya attestatsionnaya komissiya (VAK)* [Higher Attestation Commission (VAC)]. (2019) [Online] Available from: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/87> (Accessed: 13.07.2021). (In Russian).
9. Butryumova N.N. et al. (2015) Research of technological entrepreneurship development in Nizhny Novgorod region. *Innovatsii – Innovations*. 7 (201). pp. 80–89. (In Russian).
10. Yudina, S.V., Zakirov, R.T. & Mingazova, O.N. (2020) Entrepreneurship: once again about the definition and problems of development in the modern economy of the Russian Federation. *Vestnik Akademii znaniy – Bulletin of the Academy of Knowledge*. 5 (40). pp. 487–493. (In Russian). DOI: 10.24412/2304-6139-2020-10668
11. MedialInform. (2020) *Yugo-Vostochnaya ekonomicheskaya zona* [South-Eastern Economic Zone]. [Online] Available from: <https://media-inform.com/3441333/1/yugo-vostochnaya-ekonomicheskaya-zona.html> (Accessed: 11.07.2021).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.7

DOI: 10.17223/19988648/56/14

А.Д. Лукьянин

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МИРОВОГО РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ: ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В работе рассмотрены современные процессы трансформации мирового рынка ценных бумаг, выделены основные периоды сегментации. Также был проведен анализ факторов, способствовавших трансформационным процессам на каждом из периодов. Исследованы современные тенденции, выявлены особенности и отличительные черты современного этапа развития. Рассмотрен вопрос цифровизации рынков ценных бумаг.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, трансформация, финансовые рынки, факторы, цифровизация

Введение

Мировой рынок ценных бумаг, являясь структурным элементом мирового финансового рынка, претерпевает постоянные качественные изменения, связанные с его ролью и функционированием. Данные изменения вынуждают субъектов рынка адаптироваться к ним, с целью сохранения конкурентоспособности как с точки зрения инвесторов и эмитентов, так и национальных рынков. Несмотря на актуальность, данная проблема не имеет актуального обобщения, так как большинство исследований в области финансовых рынков посвящено прикладным аспектам их функционирования. Следовательно, появляется необходимость изучения процессов, протекающих на мировом рынке ценных бумаг, и анализа факторов, оказывающих на них влияние.

Таким образом, целью данной статьи является выявление основных трансформационных процессов мирового рынка ценных бумаг, выявление факторов трансформации и систематизации существующих в науке выводов по данной теме. Основная гипотеза заключается в том, что в процессе развития рынка ценных бумаг изменения формируются под влиянием отличительных факторов, при этом на современном этапе развития одним из основных факторов является цифровизация.

Материалы и методология

В качестве материалов исследования использованы труды отечественных и зарубежных авторов. Статистические данные были получены с сай-

тов Всемирного банка и Международного валютного форума. Для визуализации работы приведенные данные представлены в таблицах и графиках. В качестве методов исследования использованы: графический анализ, группировка, сравнение, обобщение и систематизация.

Результаты исследования

Несмотря на то, что рынок ценных бумаг насчитывает более 500 лет развития, наиболее актуальные всесторонние изменения происходили на современном этапе, с 1970-х гг. и протекают в настоящее время. Данный период можно условно разделить на следующие отрезки:

1. 1973–2001 гг. – *начальный этап либерализации и информатизации.* Исследование показало, что значительное число авторов отмечают, что данный этап был ознаменован сменой Бреттон-Вудской системы на Ямайскую, одним из основных отличий которой является подчинение курсов валют законам рынка. Также в течение этого отрезка происходили либерализационные процессы национальных рынков. Также важным было введение в действие системы Intermarket Trading System, соединившей в единую информационную сеть все биржи США и позволяющей в режиме реального времени видеть наилучшие котировки по различным ценным бумагам на всех этих рынках.

2. 2001–2008 гг. – *этап кризисных шоков и рыночных пузырей.* В течение данного периода произошел пик кризиса интернет-компаний отчасти по причине неверной оценки активов компаний. В результате этого были приняты законы о разделении комиссий (Commission sharing agreement), согласно которым гарантированная часть брокерских отчислений, получаемых инвестдомами, идет на выплаты аналитикам. В итоге у инвесторов появилась возможность получать независимую аналитику, которая потенциально должна была предоставлять разносторонний взгляд на инвестиционную привлекательность интернет-компаний и дать возможность избежать надувания новых экономических пузырей в будущем. Также по причине того, что первое издание не учитывало многих факторов, в 2005 г. был введен Базель II, который пытался ограничить не столько бухгалтерский, сколько экономический (фактический) леверидж, а также содержал рекомендации по формализации оценки рисков с использованием методологии RiskMetrics.

3. 2008 г. – *настоящее время.* В результате произошедшего мирового финансового кризиса, а также пузыря, сформировавшегося на рынке акций интернет-компаний, были предприняты меры по улучшению рекомендаций Базельского комитета. Базель III был издан в 2010 г., что во многом определяет функционирование большей части финансовых организаций мира. Однако лишь незначительное число авторов отмечают зародившийся в то время парадигмальный сдвиг на фоне развития самоорганизующихся систем с использованием технологий распределенного реестра, фактически формируя безграничный и нецензурируемый способ создания новых цифровых активов.

Рассмотренные периоды позволили сегментировать и конкретизировать общие характеристики и причины развития и соответствующих качественных преобразований. Вследствие того, что общее развитие и трансформация подвержены в целом схожим факторам, однако большая часть исследований фокусируется на анализе факторов развития национальных рынков ценных бумаг, чьи результаты возможно экстраполировать на развитие глобального рынка.

Как правило, в экономической литературе описываются две группы факторов, влияющих на развитие фондовых рынков: макроэкономические и институциональные факторы. Макроэкономические факторы включают уровень экономического развития, инфляцию и потоки капитала и т.д., в то время как институциональные – отражают состояние регулирующих и надзорных учреждений, включающих законодательство и защиту прав собственности.

Макроэкономические факторы можно разделить на факторы спроса и предложения, так как они включают в себя различные аспекты функционирования рынка, напрямую либо косвенно влияющие на спрос и предложение. Спрос на ценные бумаги зависит от благосостояния населения, фазы экономического роста, наличия институциональных инвесторов и иностранных инвесторов. Предложение же, в свою очередь, – также стадией экономического роста, числом компаний и пр.

Институциональные факторы можно разделить на экономическую политику и непосредственно институты финансового рынка. Так, институты формируют инфраструктуру, в рамках которой функционирует рынок, а экономическая политика регулирует их деятельность. Все группы факторов формируют единую взаимозависимую систему.

Таким образом, объединенные результаты исследований можно изобразить в виде рис. 1, на котором отражены 4 группы факторов развития рынка ценных бумаг. Данные факторы формируют среду развития рынка ценных бумаг.

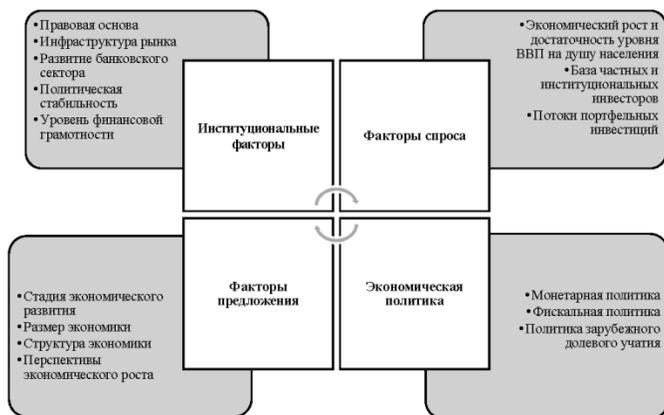

Рис. 1. Модель факторов развития мирового финансового рынка.
Разработано автором

Следующим аспектом является *трансформация мирового рынка ценных бумаг* – качественные фундаментальные изменения в принципах ведения экономической деятельности, связанной с приобретением, продажей, эмиссией ценных бумаг.

Большинство авторов среди современных тенденций развития экономики отводят ключевую роль расширению финансового сектора, что вызвано высвобождением капитала и человеческих ресурсов из индустриального сектора экономики в результате сервисизации. Хотя и принято считать, что развитие финансового рынка имеет вторичный характер по отношению к общему развитию экономики, в действительности ситуация на рынке ценных бумаг непосредственно влияет на реальный сектор экономики, предоставляя возможность привлечения инвестиционного капитала. Внедрение информационных технологий и инноваций в финансовой сфере, международная интеграция финансовых систем, либерализация финансовых рынков – все это ведет к возрастанию значения сферы финансовых услуг. По этой причине критически важно провести анализ ключевых тенденций развития и трансформации современного рынка ценных бумаг и использовать зарубежный опыт для развития национального рынка.

Основываясь на опыте перечисленных выше исследователей, а также собственных наблюдений, были выявлены факторы, оказывающие влияние на развитие и трансформацию мирового рынка ценных бумаг за последние несколько десятилетий. Факторы перечислены в порядке убывания, в зависимости от степени оказанного влияния.

Развитие информационных технологий и рост их роли. Наиболее радикальные трансформационные процессы произошли в конце XX в. и были связаны в первую очередь с развитием информационных технологий, проявляясь, прежде всего, в упрощении доступа пользователей к финансовым услугам и к информации. Данный фактор исследовали авторы [4–8], однако вследствие высокой скорости развития данной отрасли анализ данного фактора требует дальнейшего исследования и теоретического развития. При анализе зарубежного опыта следует оценить также потенциальное негативное влияние от развития технологий, данный аспект этого фактора наименее исследован.

Действительно, из рис. 2 можно увидеть, что доля населения мира с доступом в сеть Интернет росла на исследуемом промежутке времени экспоненциально и со значений меньше 0,5 % дошла до половины населения мира. Учитывая то, что в развитых странах данный индикатор имеет значение более 90 %, можно сделать вывод о критической важности адаптации финансового сектора к изменениям возможностей удаленного доступа к услугам различного характера.

Финансовые операции, покупку и продажу ценных бумаг возможно осуществить через сеть Интернет без необходимости размещения заявки у брокера по телефону. Снижение задержек в передаче данных до доли секунды убрало необходимость ведения торгов в биржевой яме, соответственно, снизилась асимметрия информации, так как все участники рынка

почти одновременно получают одинаковую информацию (за исключением инсайдерской торговли). В любой момент времени каждый из участников рынка может принять соответствующее инвестиционное решение с минимальной задержкой, в большинстве случаев зависящей только от человеческого фактора. Также без необходимости ручной обработки заявок увеличивается пропускная способность, что в значительной степени увеличивает ликвидность рынка, но в то же время и его волатильность. Данный фактор оказал наиболее значительное влияние на трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг, в целом расширив спектр инвестиционной деятельности и снизив входной порог.

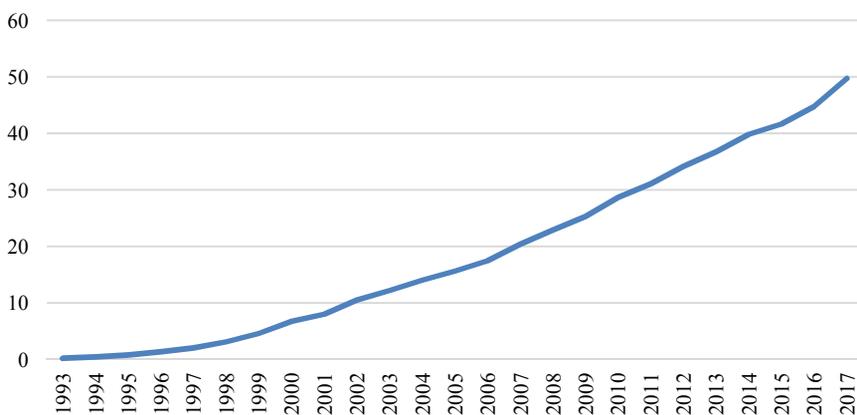

Рис. 2. Динамика доли населения мира с доступом в сеть Интернет, 1993–2017 гг.
Разработано автором на основе [3]

Постиндустриальный характер мировой экономики XXI в. Перемена экономической парадигмы в начале XXI в., характеризующейся не только уровнем экономического развития, но и восприимчивостью национальных экономических систем к инновациям, значительно увеличила роль финансового сектора. Постиндустриальная экономика характеризуется увеличивающейся ролью сферы услуг. В наибольшей мере постиндустриальная экономика сформировалась в странах с развитыми финансовыми рынками, что связано прежде всего с концентрацией капиталов. Но в начале XXI в. признаки формирования постиндустриального сектора экономики проявились во многих странах мира и практически во всех странах Европы, хотя и в разной степени, что определяется не только уровнем экономического развития, но и восприимчивостью национальных экономических систем к инновациям.

Из рис. 3 можно увидеть, что в действительности с 1998 г. происходило увеличение доли услуг в мировом ВВП. Данное наблюдение справедливо и для развитых стран в отдельности (за исключением того, что там доля услуг в ВВП более 70 %). При этом, исходя из линейной регрессии, можно сделать вывод о том, что с каждым годом в среднем доля увеличивалась на

0,136 %. Следует также обратить внимание на два экстремума, приходившихся на 2003 и 2009 гг., первый можно объяснить последствиями пузыря доткомов, а второй – финансовым кризисом.

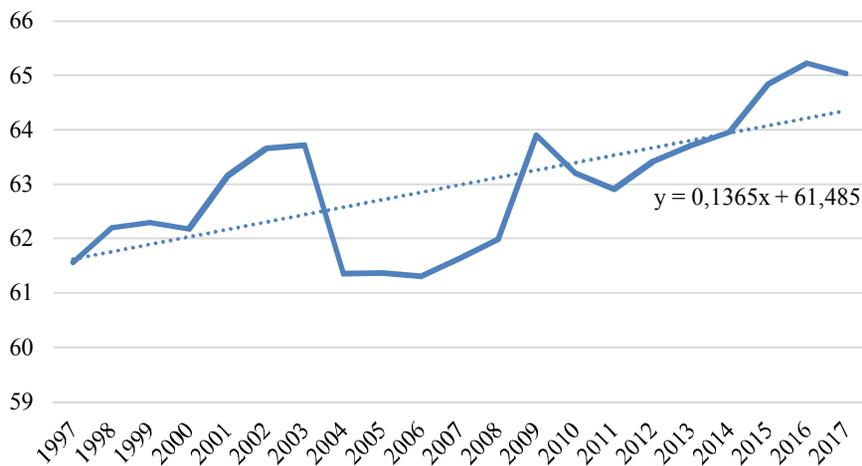

Рис. 3. Динамика доли услуг в мировом ВВП, 1997–2017 гг.
Разработано автором на основе [3]

Глобализация. Хотя наиболее значимые для глобализации действия и произошли в середине XX в., в начале XXI в. было принято значительное число мер по дальнейшему ее развитию, в особенности ее осознанному характеру, признанию ее истинных целей и подписанию соответствующих соглашений. Фактор, сопутствующий глобализации, – либерализация. Один из наиболее очевидных количественных факторов, подтверждающих растущую либерализацию, – значительное падение средних тарифных ставок (рис. 4). Данная тенденция имеет место не только для экспорта и импорта товаров, но также и услуг, которые включают в себя и финансовые услуги, и соответственно, возможности осуществления портфельных инвестиций.

Многие страны мира ослабляют защитные меры, предоставляя возможность иностранному капиталу поступать в экономику. Однако, несмотря на это, иные реагируют на данные изменения протекционистскими мерами, охватывающими в том числе и национальные рынки ценных бумаг, что оказывает непосредственное влияние на развитие мирового рынка ценных бумаг. Динамика протекционистских и либерализационных мер отражена на рис. 5, из World Investment Report 2018. Можно заметить, что перелом тренда произошел в послекризисные годы (2009–2010 гг.), что обусловлено переоценкой политики либерализации, фактически увеличивающей взаимозависимость со странами мира, тем самым подвергаящей страны большей экспозиции риску.

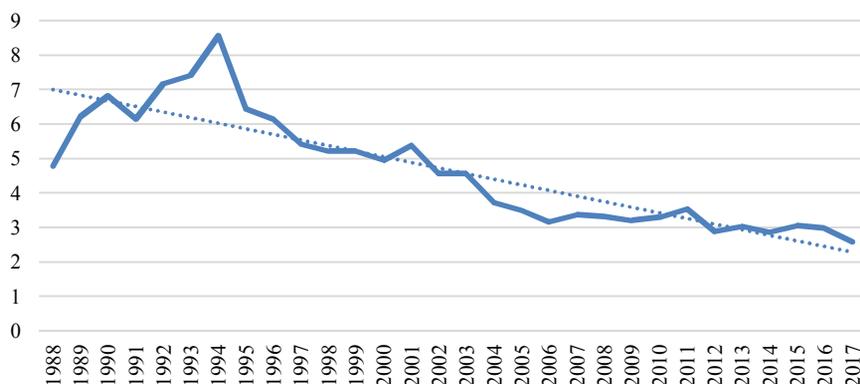

Рис. 4. Динамика среднемировых тарифных ставок по всем товарам, 1988–2017 гг.
Разработано автором на основе [3]

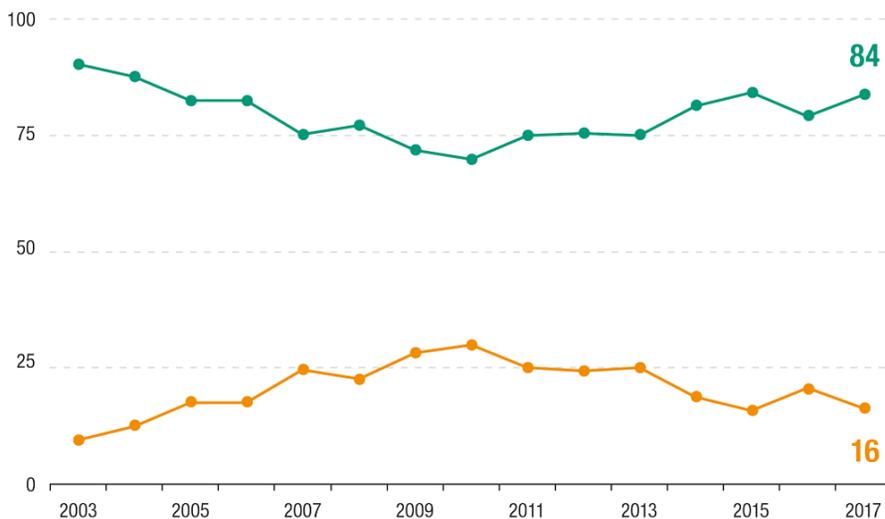

Рис. 5. Динамика изменений национальной инвестиционной политики (зеленая линия – либерализация, оранжевая – протекционизм), % стран мира, 2003–2017 гг.

Источник: [3]

Несмотря на то, что развитые страны пропагандируют идеи повсеместной либерализации, в WIR2018 отмечаются наиболее крупные примеры ограничений по портфельным инвестициям в США, странам ЕС и другим развитым странам. Такие меры являются зачастую «нетарифными» мерами и, согласно UNCTAD, включают в себя следующие причины:

- 1) национальная безопасность;
- 2) причины конкуренции;
- 3) по соображениям осмотрительности;
- 4) по другим нормативным причинам;
- 5) изъятие заявки в ожидании одобрения принимающей страны.

При этом ограничения затрагивали не только слияние и поглощение посредством приобретения мажоритарной доли акций, но также и приобретение долей менее 10 %. Основными отраслями, которые затронули подобные ограничения, являлись высокотехнологичное производство (полупроводники и электроника), финансовые услуги, услуги цифрового картографирования, службы безопасности и телекоммуникации.

Подобного рода протекционистские действия со стороны развитых стран являются скорее исключением из правил, однако показывают, что либерализация и свобода экономических взаимоотношений сохраняются до тех пор, пока удовлетворяются интересы государства.

Развитие новых рынков. В числе наиболее значимых факторов также присутствует ускоренный темп развития стран БРИКС и новых индустриальных стран. Данный фактор оказывает значительное влияние на мировую экономику XXI в. в целом и, в частности, на финансовый сектор. Так, среди стран – лидеров мирового рынка ценных бумаг с 1990 по 2018 г. (рис. 6, 7) появились Гонконг, Китай, Корея и Индия, что наглядно иллюстрирует рост рынков данных стран, в частности, с точки зрения фондового рынка.

Действительно, можно заметить, что Япония снизила долю в мировой капитализации, и США фактически стали рынком с наибольшей долей, превышающей 60 % капитализации мирового рынка ценных бумаг. Появление в списке лидеров новых стран создает предпосылки для увеличения инвестиционных потоков с эффектом снежного кома, когда растущие объемы инвестиций указывают на надежность рынка и соответственно привлекают новые инвестиции. Из рис. 8 можно увидеть, что рынок США все еще больше суммы всех развивающихся рынков.

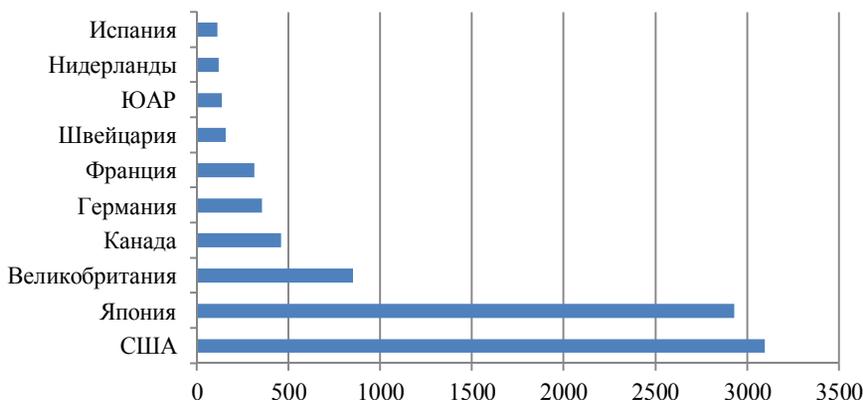

Рис. 6. Страны с наибольшей капитализацией рынков ценных бумаг, 1990 г., млрд долл. США. Разработано автором на основе [3]

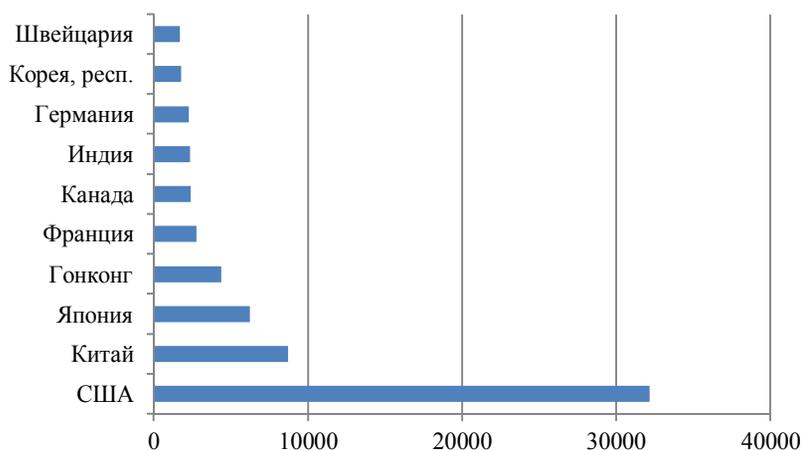

Рис. 7. Страны с наибольшей капитализацией рынков ценных бумаг, 2017 г., млрд долл. США. Разработано автором на основе [3]

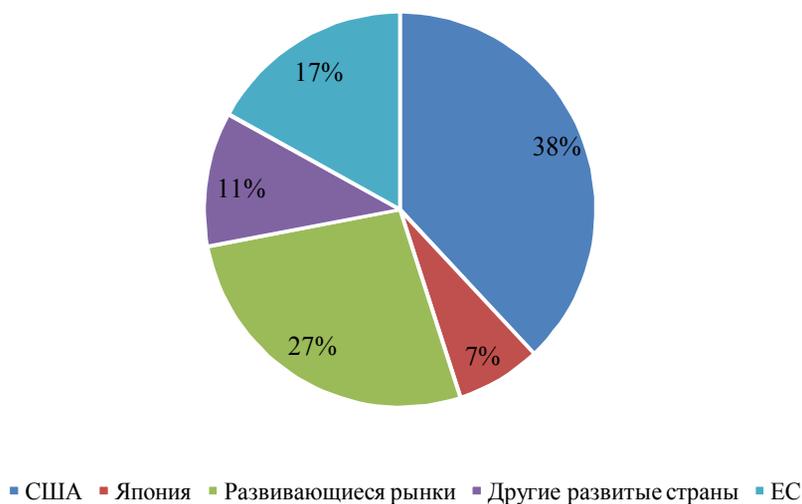

Рис. 8. Доли в общемировой капитализации рынков, 2020 г. Разработано автором на основе [3]

Данный фактор развития и трансформации мирового рынка ценных бумаг рассматривается в [9], однако требует дополнительного развития, в частности, анализа влияния новых рынков на развивающиеся страны, взаимозависимости рынков ценных бумаг разных стран мира в рамках исследования целесообразности диверсификации между разными странами в условиях глобализации.

Экологизация мировой экономики. Осознание пагубного влияния производства промышленных товаров без принятия мер по ограничению выбросов углекислого газа в атмосферу, а также стимулирования безотходного производства, альтернативных видов получения электроэнергии и т.д. также в значительной степени оказало влияние на развитие мировой экономики XXI в. и финансового рынка в частности.

Ориентация мировой экономики настоящего времени на экологизацию подтверждается значительным числом проводимых конференций, подписанных соглашений и принятых резолюций. В частности, следует отметить решения Всемирного саммита «Рио+10», проведенного в Йоханнесбурге в 2002 г. Данный саммит определил снижение загрязнения окружающей среды в качестве одного из приоритетов развития экономики. Также важную роль сыграла Конференция ООН по устойчивому развитию, проходившая в Рио-де-Жанейро в 2012 г., где был определен вектор социально-экономического развития с соответствующими целевыми ограничениями экологического характера.

Экологизация фактически не рассматривается как фактор развития и трансформации мирового рынка ценных бумаг вопреки тому, что оказывает значительное влияние, создавая предпосылки для появления новых рынков и типов ценных бумаг. Поэтому данный факт требует подробного изучения и анализа.

Трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг

Перечисленные факторы оказали значительное влияние на формирование, развитие и трансформацию мирового финансового рынка в целом и рынка ценных бумаг в частности, изменяя подход к его организации, регулированию, функционированию. Каждый из них в отдельности, а также их совокупность создали предпосылки для трансформационных процессов на мировом рынке ценных бумаг. Данные трансформационные процессы затрагивают как регулирующие органы, государства и их экономики, так и участников рынка, включая институциональных и частных инвесторов. Далее будут рассмотрены ключевые трансформационные процессы, сформированные под влиянием описанных выше факторов.

Дериватизация. Под влиянием роста роли финансового рынка, а также технологических возможностей увеличивается не только объем торгуемых производных ценных бумаг, но также их число и виды. Так, среди актуальных деривативов торгуются следующие типы:

- валютный своп;
- кредитный дефолтный своп;
- опцион;
- процентный своп;
- своп;
- свопцион;
- соглашение о будущей процентной ставке;

- форвард;
- фьючерс;
- контракт на разницу цен (CFD);
- персональный композитный инструмент (PCI);
- варрант;
- конвертируемые облигации;
- депозитарная расписка;
- кредитные производные.

При этом среди фьючерсов расширяется спектр базовых активов, к которым он может быть привязан, к примеру, с 1997 г. на Чикагской товарной бирже торгуются фьючерсные контракты на погоду. Подобные инструменты позволяют в наиболее простой форме хеджировать риски бизнесу, который зависит от погодных условий, избегая сложностей работы со страховыми компаниями.

Исследование данной тенденции широко представлено в экономической литературе, однако с учетом расширения возможностей токенизации и дериватизации можно предположить, что данная форма предоставления услуг будет принимать новые форматы, включая те, которые используют новые технологии, включая блокчейн и умные контракты. Данная сфера и направление развития недостаточно исследованы как отечественными, так и зарубежными авторами, что означает, что следует уделить этому дополнительное внимание.

Зеленые финансы. С ростом роли финансового рынка, а также осознания проблемы ограничения негативного влияния промышленности на экологию появился удобный инструмент. Считается, что зеленые финансы берут начало в 1990-х гг. и включают в себя экологически ответственные инвестиции, инвестиции, связанные с изменением климата, и иные финансовые механизмы улучшения состояния окружающей среды. К примеру, кредиты для целей, включающих в себя модернизацию на предприятиях с целью повышения энергоэффективности, размещение солнечных батарей, лизинг электромобилей, и другие проекты, которые недостаточно велики для получения доступа к рынку облигации, могут быть объединены и секьюритизированы в крупные пулы для выхода на рынок облигаций и последующей продажи институциональным и частным инвесторам. Таким образом, создается инструмент, упрощающий осуществление социально ответственных инфраструктурных инвестиций, в случае если многомиллионные вложения в какой-либо подобный объект институциональным инвестором могут быть оценены как высокорисковые либо низкодходные, следовательно, опасные для фондов вследствие того, что они могут оказать слишком сильное влияние на инвестиционный портфель. Дробление на небольшие долговые либо долевые ценные бумаги позволяет упростить доступ для инвестиций, что, во-первых, снижает риски для инвесторов и, во-вторых, увеличивает вероятность привлечения инвестиций без применения законодательных обязательств по осуществлению инвестиций подобного рода институциональными инвесторами и бизнесом.

Также, как следствие дериватизации практикуется торговля эмиссионными квотами, когда деривативы на право выброса загрязнений в атмосферу торгуются на рынке и предприятия вынуждены на свободном рынке приобретать их. В рамках Киотского протокола в настоящее время ведется активная работа по организации международной торговли разрешениями на выбросы углекислого газа. Этот механизм долгосрочного контроля выбросов показывает свою эффективность, так как предоставляет возможность оптимизации выплат экологических сборов. Так, в случае если компания планирует временно снизить производство, она может воспользоваться возможностью продать данное право либо снизить издержки, купив разрешение в момент ценовой просадки.

По причине актуальности экологических проблем и эффективности этой отрасли следует исследовать перспективы внедрения подобного опыта зарубежных стран мира в Республике Беларусь.

Изменение стратегий эмитентов и инвесторов. Появление новых рынков в числе лидеров формирует стратегии как эмитентов, так и инвесторов, так как появляются новые страны, в которых становится выгоднее проводить IPO, листинг ценных бумаг и прочие финансовые операции эмитентов, а инвесторы, преследуя цели минимизации риска либо максимизации доходности, могут принимать стратегию диверсификации между рынками различных стран либо стратегию агрессивных инвестиций на перспективных, но в то же время высокорисковых рынках.

В первую очередь, следует рассмотреть рост спекулятивных операций на финансовых рынках. Хедж-фонд классифицируется как спекулятивный тип фонда, так как он в меньшей степени регулируется, а также может реализовывать разные стратегии, в том числе высокочастотные, включающие в себя короткие позиции, использование плеча и прочие сугубо спекулятивные особенности трейдинга. Данную тенденцию можно отследить при помощи анализа числа хедж-фондов. Так, из рис. 9 видно, что общая стоимость активов в управлении хедж-фондов выросла с 100 млрд долл. США в 1997 г. до почти 3 трлн долл. (в 30 раз), пик 2007 г. описывается преддверием финансового кризиса. При этом, согласно данным Комиссии по ценным бумагам и биржам США, только в США с начала 2015 г. по второй квартал 2018 г. число хедж-фондов выросло с 8 849 до 9 297, что наглядно отражает рост институциональных спекулятивных фондов.

Также под влиянием дериватизации развиваются различные спекулятивные стратегии, использующие фьючерсы, опционы и другие производные ценные бумаги. При этом, в зависимости от рынка, оценочная доля спекулятивных позиций может достигать 90 % от всего открытого интереса. Спекулятивная позиция в данном случае – покупка дериватива, не подразумевающая хеджирование рисков поставки, изменение цены базисного актива, а лишь только получение прибыли в результате изменения цены актива. Это означает, что в XXI в. значительно возрастает роль финансового рынка как площадки для получения дохода посредством купли-продажи активов, нежели приобретения их в долгосрочное держание.

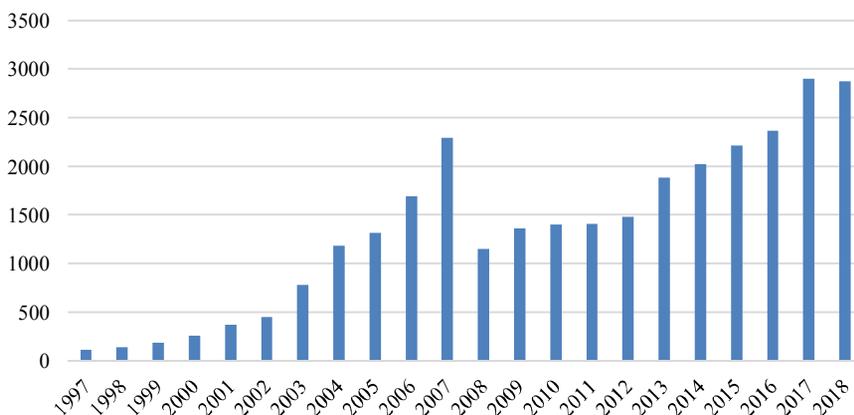

Рис. 9. Стоимость активов в управлении хедж-фондов мира, 1997–2018 гг., млрд долл. США. Разработано автором на основе [3]

Переход на цифровую форму активов. Одна из тенденций выражается в становлении формы долговых и долевых цифровых ценных бумаг, а также перехода уже существующих активов в цифровую форму посредством токенизации. Данная тенденция берет начало в 2009 г., когда появилась технология блокчейн, способная обеспечить надежность, защищенность, неизменность распределенного реестра. Учитывая робастность распределенного хранения цепочки блоков транзакций, в значительном числе стран мира фондовые биржи и реестродержатели постепенно переходят на блокчейн. Так, полный переход на единый реестр блоков транзакций с ценными бумагами смог бы снизить ежегодные издержки финансового сектора более чем на 100 млрд долл. США.

В рамках данной тенденции следует рассмотреть, во-первых, замену акций их цифровым аналогом с последующим проведением альтернативы первичного предложения акций, когда вместо ценных бумаг компании, зачастую работающие в сфере новых информационных технологий, предлагают инвесторам приобрести цифровые знаки. Основное отличие заключается, во-первых, в том, что приобретение подобных цифровых активов зачастую не имеет значительных ограничений и вследствие нецензурируемости блокчейна открыто для всех стран мира. Во-вторых, подобные токены могут иметь определенный функционал, быть дроблены вплоть до миллионных долей и соответственно предлагают более простую и удобную форму привлечения капитала и соответственно инвестиций.

По причине того, что ограничениям могут быть подвергнуты сами компании, правительства разрабатывают законодательные акты, ограничивающие проведение ICO, однако, осознав преимущества подобной системы, рождается альтернативная форма – TSO (предложение токенизированных акций), тем самым используя преимущества блокчейна, в то же время не оставляя компании в условиях полной свободы действий.

Автоматизация инвестиционной и спекулятивной деятельности. Под влиянием развития информационных технологий, роста спекулятивных сделок, общего числа участников рынка, а следовательно, и конкуренции, увеличилась роль наличия конкурентных преимуществ на рынке для сохранения прибыльности. Так, конкурентные преимущества можно разделить на незаконные (наличие инсайдерской информации) и законные, а именно: наличие опыта или более высокая скорость принятия решений. По этой причине, а также с целью снижения влияния человеческого фактора на принятие инвестиционных решений с начала 2000-х гг. сильное развитие получила сфера автоматизированного торгового программного обеспечения.

Данные информационно-технологические средства позволяют по заранее определенному алгоритму совершать сделки различного характера, включая внутридневные спекулятивные сделки, операции по ребалансировке инвестиционных портфелей, операций маркетмейкинга, статистического и процентного арбитража. Также с развитием области искусственного интеллекта данная область обрела большую гибкость в принятии решений. В действительности, около 75 % сделок с ценными бумагами США осуществляют роботизированные системы и, в последующем эта доля будет только возрастать по причине неконкурентоспособности аналитиков, торгующих без специальных средств.

Более наглядным образом трансформационные процессы и факторы можно изобразить в виде таблицы. Можно заметить, что некоторые факторы оказывают влияние на большинство трансформационных процессов.

Трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг и факторы, влияющие на их развитие

Факторы трансформации мирового рынка ценных бумаг	Взаимосвязь	Трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг
1) Развитие информационных технологий	1 d, f, g	a) Рост роли финансового сектора
2) Экологизация мировой экономики	2 b, c	b) Развитие «зеленых» финансов
3) Глобализация	3 a, e, f, g	c) Дериватизация
4) Постиндустриальный характер экономических отношений	4 a, f, g	d) Появление цифровых активов
5) Развитие новых рынков	5 e, f, g, a	e) Постепенная смена стран-лидеров
		f) Рост объема спекулятивных операций
		g) Автоматизация инвестиционной деятельности

Разработано автором.

Таким образом, изменения и трансформационные процессы мирового рынка ценных бумаг связаны в первую очередь с постиндустриальным характером мировой экономики XXI в. Несмотря на то, что принято считать, что развитие финансового рынка имеет вторичный характер по отношению

к общему развитию экономики, в действительности ситуация на рынке ценных бумаг непосредственно влияет на реальный сектор экономики, предоставляя возможность привлечения инвестиционного капитала и размещения временно свободных денежных средств субъектов. Внедрение информационных технологий и инноваций в финансовой сфере, международная интеграция финансовых систем, либерализация финансовых рынков – все это ведет к возрастанию значения сферы финансовых услуг. А с помощью информационных технологий не только значительно увеличилось возможности доступа к информации участников финансовых рынков, но и произошли существенные изменения в структуре этих рынков.

Следовательно, можно сделать вывод, что мировой рынок ценных бумаг претерпевает значительные изменения, которые вынуждают государства адаптировать регуляции, инвесторов – стратегии, а эмитентов – менять способ привлечения капитала, листинга и в целом системы долевых ценных бумаг.

Литература

1. Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг. Трансформационные процессы. М. : Экономика, 2010. 240 с.
2. World Bank open data. URL: <http://data.worldbank.org/> (accessed: 02.17.2019).
3. International Monetary Fund data. URL: <http://data.imf.org> (accessed: 02.17.2019).
4. Neal L. The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason. Cambridge University Press, 1993. 294 p.
5. Lawson L., Snyder M., McWilliams D. Big Bang 20 years on. New challenges facing the financial services sector. London : Centre for policy studies, 2006. 88 p.
6. Kamal A.E.-W. The Development of Stock Markets: In Search of a Theory // The Development of Stock Markets: In Search of a Theory. 2013. Vol. 3, № 3. P. 606–624.
7. Hobijn B., Jovanovic B. The Information-Technology Revolution and the Stock Market: Evidence // American Economic Review. 2001. Vol. 91. P. 1203–1220.
8. Kavun S. Analysis of the Global Stock Market Trends // Journal of Finance and Economics. 2015. Vol. 3. P. 67–71.
9. Баранов В.М. Тенденции развития мирового финансового рынка // Молодой ученый. 2017. № 17 (151). С. 327–332.

Transformation Processes of the World Securities Market: Causes, Factors, and Consequences for the Republic of Belarus

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 178–192. DOI: 10.17223/19988648/56/14

Aleksey D. Lukyanin, Belarus State Economic University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: a.lukyanin@gmail.com

Keywords: securities market, transformation, financial markets, factors, digitalization.

The article examines the modern transformation processes of the world securities market, identifies the main periods of segmentation, analyzes the factors that contributed to the transformation processes at each of the periods. The modern tendencies are investigated, the peculiarities and distinctive features of the modern stage of development are revealed. The issue of the digitalization of securities markets is considered.

References

1. Moshenskiy, S.Z. (2010) *Rynok tsennykh bumag. Transformatsionnye protsessy* [Securities Market: Transformation Processes]. Moscow: Ekonomika.
2. *World Bank Open Data*. [Online] Available from: <http://data.worldbank.org/> (date of access: 02.17.2019).
3. *International Monetary Fund Data*. [Online] Available from: <http://data.imf.org> (Accessed: 02.17.2019).
4. Neal, L. (1993) *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. Cambridge University Press.
5. Lawson, L., Snyder, M. & McWilliams, D. (2006) *Big Bang 20 years on. New challenges facing the financial services sector*. London: Centre for Policy Studies.
6. Kamal, A.E.-W. (2013) The Development of Stock Markets: In Search of a Theory. *The Development of Stock Markets: In Search of a Theory*. 3 (3). pp. 606–624.
7. Hobijn, B. & Jovanovic, B. (2001) The Information-Technology Revolution and the Stock Market: Evidence. *American Economic Review*. 91. pp. 1203–1220.
8. Kavun, S. (2015) Analysis of the Global Stock Market Trends. *Journal of Finance and Economics*. 3. pp. 67–71.
9. Baranov, V.M. (2017) Tendentsii razvitiya mirovogo finansovogo rynka [Trends in the world financial market development]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 17 (151). pp. 327–332.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 332.1

DOI: 10.17223/19988648/56/15

Н.Н. Яшалова, Д.А. Рубан

К ВОПРОСУ ЭКОЛОГИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена исследованию современного состояния инновационной деятельности и её влиянию на экологические показатели в субъектах Российской Федерации. В ходе исследования применялись статистические методы анализа, а также метод ранжирования. Рассматривались данные Росстата по ряду показателей инновационной деятельности и окружающей среды за 2010 и 2019 гг. по всем субъектам России. Полученные результаты свидетельствуют о незначительном улучшении инновационной активности в российских регионах за исследуемый период. Отмечено, что в регионах-лидерах по загрязнению окружающей среды инновационные показатели значительно уступают общероссийским. Такая ситуация не способствует переходу этих субъектов страны к низкоуглеродной экономике.

Ключевые слова: экономика, экология, инновационная активность, показатели, анализ, регион, низкоуглеродное развитие

Введение

В последнее десятилетие в Российской Федерации реализуется значительное количество программ и стратегий, ориентированных на снижение негативного воздействия от хозяйственной деятельности человека на окружающую среду. Среди них можно выделить Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., Стратегию развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г., Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2035 г., национальный проект «Экология» и др. В целом можно отметить, что в той или иной степени эти документы преследуют цель перехода российской экономики на экологоориентированный (низкоуглеродный, «зеленый») путь развития, предполагающий рациональное использование природных ресурсов. Несмотря на значительные предпринятые усилия государственных органов власти в этом направлении, положительные сдвиги в сторону экологизации («озеленения») происходят крайне медленно.

К тому же к проблемам качества атмосферного воздуха и воды, состояния почвенных и лесных ресурсов, роста твердых коммунальных отходов

добавилась еще одна глобальная угроза, связанная с изменением климата, одной из причин которой называют деятельность человека и связанное с ней увеличение выбросов парниковых газов. Согласно Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, выбросы парниковых газов в Российской Федерации достигли в 2019 г. 2119,4 млн т CO₂-экв., что почти на 8 % больше, чем в 2005 г. Наибольший удельный вес в распределении выбросов по секторам экономики занимают энергетика и промышленные процессы, на них приходится соответственно 78,7 и 11,2 % от всех выбросов [1]. По прогнозам Организации экономического сотрудничества, выбросы парниковых газов будут и дальше расти, ведь спрос на энергию постоянно растет [2].

Климатические проблемы заставили ученых, политиков, общественность по-новому взглянуть на экологическую обстановку в стране и более серьезно задуматься о направлениях сохранения и восстановления окружающей среды. К примеру, разработан проект так называемой Климатической стратегии РФ до 2050 г. [3], направленной на укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата. Несмотря на возможную потребность в корректировке этого документа, его положительное влияние очевидно, в том числе и в качестве маркера сдвига государственного управления в сторону экологизации.

При этом не стоит забывать, что меры по охране окружающей среды, борьбе с изменениями климата и его последствиями не должны снижать темпы экономического развития стран, так как качество жизни населения, проживающих в них, определяют не только экологические факторы, но и социально-экономические. В этом случае без активизации инновационной деятельности предприятий-загрязнителей нереально выполнить экологические цели и осуществить переход к низкоуглеродной экономике.

Ко всему вышесказанному можно добавить тот факт, что согласно Международному индексу экологической эффективности стран (EPI)-2020, который рассчитывался для 180 государств на основании 32 индикаторов, характеризующих состояние окружающей среды и жизнеобеспеченности её экосистем, Российская Федерация заняла 58-е место. Лидерами этого рейтинга ежегодно выступают европейские страны с высоким уровнем жизни и пониманием экологических проблем. Так, в 2020 г. в первую пятерку попали Дания, Люксембург, Швейцария, Великобритания, Франция [4], т.е. те страны, которые наиболее эффективным образом реализуют программы и политики по устойчивому развитию. Заметим, что согласно Глобальному инновационному индексу-2020, который был сформирован для 131 страны на основании 80 показателей по ресурсам и результатам инноваций, Дания занимает 6-е место, Люксембург – 18-е место, Швейцария – 1-е место, Великобритания – 4-е место, Франция – 12-е место. Российская Федерация в данном рейтинге находится на 47-й позиции [5]. При этом стоит отметить, что такие результаты не учитывают разную стоимости жизни, равно как и разную потребности в экологизации. Тем не менее они демонстрируют взаимосвязь инновационной деятельности и экологи-

ческой ситуации в странах. Следовательно, решение экологических и, в частности, климатических проблем может стать возможным благодаря активизации внедрения технологических инноваций и управления ими, что также подтверждается результатами новейших исследований [6–8] (при этом национальная экономическая модель оказывает влияние на действенность данного фактора [9]).

Подобного рода инновации (в нашем случае «зеленые» технологии) должны внедряться, в первую очередь, в производственные процессы с целью повышения энергоэффективности и уменьшения негативного воздействия на окружающую среду. Более того, можно предположить, что открытость к любого рода инновациям сама по себе формирует «прорывное» мышление, которое жизненно необходимо в качестве предпосылки для экологизации хозяйственной деятельности. При этом недавнее исследование показало, что общественная поддержка экологизации не оказывает решающего воздействия на внедрение экологических инноваций [10].

В рамках настоящего исследования проведем статистический анализ показателей инновационной активности организаций в субъектах Российской Федерации и рассмотрим их взаимосвязь с основными экологическими показателями – выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сбросами загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы.

Теоретический обзор

Экологические инновации способствуют ускоренному переходу экономики к широкомасштабной экологической устойчивости. Именно инновационная деятельность помогает предприятиям адаптироваться к меняющимся условиям, что подтверждается исследованиями российских и зарубежных ученых.

Интерес к экологическим инновациям со стороны научного сообщества и практиков особенно возрос в последнюю четверть XX в. Стоит отметить, что российские ученые особое внимание в своих исследованиях уделяют привязке экологических инноваций к конкретному виду экономической деятельности, например: дорожному строительству [11], индустрии туризма [12], жилищно-коммунальному хозяйству [13], нефтехимической промышленности [14], металлургии [15], строительству [16] и т.д. Ученые отмечают, что экологические инновации позволяют добиться снижения потребления природных ресурсов, электроэнергии и минимизировать вредное воздействие каждой конкретной отрасли на окружающую среду.

На региональном уровне экологические инновации чаще всего рассматривают как некий инструмент для обеспечения устойчивого развития субъекта Российской Федерации. К примеру, исследования такого рода проведены О.П. Хандаковой [17] для Республики Саха (Якутия), А.М. Торцевым и Т.В. Торцевой [18] для арктических регионов РФ, Е.А. Мерзляковой и Т.С. Колмыковой [19] для субъектов Центрального федерального округа РФ, С.Н. Митяковым и др. [20] для регионов Приволжского федерального округа.

Не меньшее внимание вопросам инновационной активности в решении проблем окружающей среды уделяют зарубежные ученые. Так, влияние экологических инноваций на экономические и экологические показатели корейских компаний в Китае проводили китайские исследователи под руководством Х. Лонга [21] и сделали вывод, что подобного рода инновации оказывают большее воздействие именно на экологические показатели.

Совместное исследование, выполненное в результате коллаборации ученых из Китая, Ирландии, Испании, Германии под руководством М. Тан, показывает, что экологические инновации оказывают положительное влияние на финансовые результаты деятельности компаний [22].

К интересным выводам приходит американский ученый К. Брюнель, считая, что экологическая политика стимулирует национальную экономику за счет инноваций, производства технологий и торговли ими [23].

Дж. Аббас и М. Сасан исследовали роль управления знаниями на крупных производственных и обслуживающих пакистанских компаниях на зеленые инновации и корпоративное устойчивое развитие и пришли к выводу, что зеленые инновации укрепляют потенциал корпоративного устойчивого развития [24].

Китайские ученые Ф. Чжан и Л. Чжу при исследовании корпоративного устойчивого развития на 259 производственных компаниях выявили, что давление со стороны потребителей оказывает положительное влияние на экологические инновации [25].

Ученые из Франции и Катара М. Монго, Ф. Белаид, Б. Рамдани исследовали влияние экологических инноваций на выбросы CO₂ в 15 странах ЕС и сделали вывод, что в долгосрочной перспективе они влияют на снижение выбросов углерода [26].

В статье китайских и турецких ученых делается вывод о положительном влиянии «зеленых» инноваций в странах Большой семерки [27]. При этом важно принимать во внимание, что повсеместное внедрение этих инноваций может иметь и негативные следствия – например, связанные с занятостью [28]. Минимизация этих следствий возможна за счет дополнительных усилий, в том числе со стороны государства.

Таким образом, многочисленные отечественные и зарубежные исследования подтверждают прямую зависимость между инновационными и экологическими задачами предприятий и территорий. В настоящей статье представлены материалы исследования по инновационной деятельности в региональном разрезе. Особое внимание уделено анализу инновационной активности в тех российских регионах, которые на протяжении последнего десятилетия вносят наибольший вклад в загрязнение окружающей среды.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования были рассмотрены статистические данные по следующим показателям:

1. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников.
2. Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты.
3. Затраты на инновационную деятельность организаций.
4. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации.

Информационный массив данных сформирован по 83 субъектам РФ в 2010 г. и по 85 субъектам РФ в 2019 г. Источником информации являются данные Федеральной службы государственной статистики. Для обработки первичной информации применялся MS Excel.

По каждому из первых трех вышеназванных показателей в результате ранжирования были выбраны пять субъектов Российской Федерации, в которых за рассматриваемый период абсолютное значение показателя было наибольшим. Помимо этого, для этих регионов рассчитан вклад каждого из них (удельный вес) в значение соответствующего показателя в целом по стране. Далее проведен сравнительный анализ рассчитанных показателей за 2010 и 2019 гг. и показаны произошедшие изменения за исследуемый временной период.

Для четвертого показателя построена простая группировка российских регионов по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации. Показаны структурные изменения в инновационной деятельности организаций РФ в 2019 г. по сравнению с 2010 г.

Результаты исследования

Согласно полученным в табл. 1 данным, можно сделать ряд выводов. В частности, затраты на инновационную деятельность организаций в Российской Федерации в текущих ценах выросли за 2010–2019 гг. почти в пять раз, а с учетом инфляционного фактора, по расчетам авторов, – в 2,8 раза. При этом отметим, что за рассматриваемый период поменялась первая «пятерка регионов» с наибольшим значением показателя. Исключением стал только город Москва, который за десятилетие усилил свои позиции и в 2019 г. возглавляет рейтинг по затратам на инновационную деятельность организаций. Доля г. Москва в общероссийском показателе возросла в 4,6 раза и составила 26,4%. Кроме этого субъекта Российской Федерации, центром притяжения затрат на инновации стали Нижегородская и Московская области, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан. Суммарно эти 5 из 85 субъектов страны концентрируют на своих территориях 53 % от всех затрат, связанных с инновационной деятельностью организаций.

В целом по стране за десятилетний период количество выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников сократилось на 1,8 млн т, или на 9,4 %. Что касается пяти субъектов Российской Федерации, лидирующих по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух, то здесь за рассматриваемые временные периоды ситуация практически не

изменилась. Возглавляет рейтинг Красноярский край, доля которого в общероссийском показателе увеличилась в 2019 г. по сравнению с 2010 г. на 1,1 % и составляет 14,1 %. Суммарно эти 5 из 85 субъектов страны концентрируют на своих территориях 41 % от всех выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников.

Таблица 1. Результаты статистического анализа

Показатель	Значение показателя в целом по РФ		Субъекты РФ с наибольшим значением показателя		Доля субъекта РФ в общероссийском показателе, %	
	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.
Затраты на инновационную деятельность организаций	400,8 млрд руб.	1 954,1 млрд руб.	Челябинская область	г. Москва	9,9	26,4
			Липецкая область	Нижегородская область	6,6	7,9
			г. Москва	Московская область	5,7	6,8
			Свердловская область	Санкт-Петербург	5,6	6,4
			Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Республика Татарстан	5,2	5,5
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	19,1 млн т	17,3 млн т	Красноярский край	Красноярский край	13,0	14,1
			Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Кемеровская область	11,1	10,2
			Кемеровская область	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	7,3	7,3
			Свердловская область	Свердловская область	6,1	5,2
			Ямало-Ненецкий автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	4,6	4,4
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты	16,5 млрд куб м	12,6 млрд куб м	г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	8,1	7,7
			Московская область	Московская область	7,9	6,9
			г. Москва	г. Москва	5,5	6,5
			Краснодарский край	Краснодарский край	5,2	5,8
			Челябинская область	Свердловская область	5,1	4,5

Рассчитано авторами по данным Росстата.

По сбросам загрязненных сточных вод ситуация также относительно стабильна. Основными загрязнителями в 2010 и 2019 гг. являлись г. Санкт-Петербург, Московская область, г. Москва, Краснодарский край. Челябинская и Свердловская область также попали в рейтинг в 2010 и 2019 гг. соответственно. Пятерка лидеров из 85 субъектов Российской Федерации дает приблизительно треть всех сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. За исследуемый период показатель по загрязнению водоемов сократился на 3,9 млрд м³, или на 23,6 %.

В целом по Российской Федерации можно заметить положительную динамику как по затратам на инновационную деятельность организаций, так и по экологическим показателям. Поэтому в определенной степени можно утверждать, что увеличение затрат на инновации способствует улучшению экологической обстановки в стране. В связи с этим необходимо увеличивать финансирование инновационной деятельности.

Стоит отметить, что в региональном разрезе наблюдается ситуация, когда наиболее «грязные» субъекты Российской Федерации не считают нужным увеличивать должным образом затраты на инновации. К примеру, доля Краснодарского края в затратах на инновационную деятельность по Российской Федерации в 2019 г. составляет лишь 3,6 %, Кемеровской области – 5,2 %, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра – 1,6 %, Краснодарского края – 1,4 %. Учитывая, что инновационные затраты в большей степени связаны с деятельностью расположенных на территории российских регионов предприятий и организаций, можно утверждать, что далеко не все крупнейшие загрязнители природы готовы инвестировать денежные средства в инновационные проекты либо осуществляемая ими инновационная деятельность не отражается на экологической обстановке в регионах.

Для изучения инновационной активности предприятий в субъектах страны представим группировку регионов по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации (табл. 2). Именно технологические инновации в большей степени влияют на снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, а также сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты.

Анализ статистических данных за 2010 и 2019 гг. демонстрирует, что за десятилетний период в России вырос на 10,6 % средний удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации. Приоритетной группой в 2010 г. являлась та, в которую вошли 59 регионов страны с удельным весом организаций, осуществляющих технологические инновации, не превышающим 9 %. В 2019 г. ситуация во многом улучшилась (см. табл. 1): 37 и 32 субъекта РФ попали в группы «от 9,1 до 18,0 %» и «от 18,1 до 27,0 %» соответственно. Также отметим, что если в 2010 г. половина субъектов страны имела менее 6,7 % организаций с технологическими инновациями, то в 2019 г. медианное значение рассматриваемого показателя возросло до 17,9 %, что свидетельствует о том, что в половине всех российских регионов более 17,9 % организаций имеют технологические инновации. Стоит отметить, что количество субъектов Российской Федерации,

в которых доля организаций, осуществляющих технологические инновации, составляла до 9,0 %, сократилось на 52 региона.

Таблица 2. Распределение субъектов Российской Федерации по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации

Показатель	2010 г.	2019 г.	Абсолютное отклонение
Количество субъектов Российской Федерации	83	85	+ 2
до 9,0 %	59	7	- 52
от 9,1 до 18,0 %	22	37	+ 15
от 18,1 до 27,0 %	2	32	+ 30
от 27,0 до 36,0 %	0	8	+ 8
свыше 36,1 %	0	1	+ 1
Средний удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %	7,7	18,3	+ 10,6
Медианное значение удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, %	6,7	17,9	+ 11,2
Максимальное значение удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, %	26,5	45,1	+18,6
Минимальное значение удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, %	0,0	1,5	+ 1,5

Рассчитано авторами по данным Росстата.

Если рассматривать в разрезе отдельные субъекты страны, то в 2010 г. лидерами по рассматриваемому показателю выступали Магаданская область (26,5 %), Пермский край (19,3 %), Томская область (15,5 %), Чувашская Республика (13,7 %), Республика Татарстан (12,9 %). Спустя десятилетие пятерка лидеров практически полностью изменилась за исключением одного региона. Возглавляют список города Москва (45,1 %), Санкт-Петербург (33,7 %), Севастополь (33,3 %), Чувашская Республика (33,6 %) и Республика Мордовия (34,8 %).

При сопоставлении данных табл. 1 и 2 также обращает на себя внимание тот факт, что кроме городов Москва и Санкт-Петербург, другие субъекты страны – лидеры по загрязненным – не имеют высокого удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации. В частности, значение рассматриваемого показателя в 2019 г. для Красноярского края составляет 14,6 %, Ямало-Ненецкого автономного округа – 13,2 %, Кемеровской области и Краснодарского края – по 10,3 %, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра – 9,5 %.

Таким образом, проведенный анализ статистических данных позволяет говорить о том, что за исследуемое десятилетие инновационная активность российских предприятий несущественно, но возросла. Также за этот период в стране улучшились показатели по выбросам загрязняющих веществ в

атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, и по сбросам загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты.

Однако очень важно, чтобы технологические инновации и уровень инновационной активности в большей степени преобладали бы в тех российских регионах, в которых сосредоточены крупные предприятия-загрязнители.

Обсуждение и заключение

Экологические проблемы порой не так заметны для общества, как инфляционные скачки или ситуация с COVID-19, которые вызывают большую неопределенность для общества и экономики, чем грязные воздух и вода. Однако ухудшение экологической ситуации бесспорно влечет за собой снижение качества жизни населения в субъектах Российской Федерации. Поэтому любой скептицизм по отношению к «зеленой» экономике или низкоуглеродной экономике должен постепенно отходить на задний план.

Очевидно, что переход к такой экономике не произойдет одномоментно. Сегодня новые предприятия создаются сразу с учетом новых технологий, однако количество таких хозяйствующих субъектов все еще не столь велико. Технологические инновации и прогрессивные технологии в целом становятся всё более востребованными для перехода к экологоориентированной экономике, при которой производство товаров и услуг должно сопровождаться низкими выбросами углерода и других загрязняющих веществ.

Помимо установления государством императива по построению такой экономики одновременно с реализацией соответствующих инициатив, можно отметить и еще ряд факторов, усиливающих спрос на экологические инновации в России. С одной стороны, это позиция крупнейших отечественных корпораций, которые чаще, чем в мире, заявляют о своей ориентации на «зеленую» экономику [29]. С другой стороны, это общественный интерес, особенно со стороны молодого поколения [30]; любопытно отметить, что россияне нередко даже переоценивают свой интерес в этом отношении [31], создавая «избыточный» спрос на экологизацию.

В свете полученных результатов видится необходимым конкретизировать понятие об экологических инновациях. Зачастую они сводятся к технологическим решениям. Не ставя под сомнение важность последних, стоит отметить, что построение полноценной «зеленой» экономики невозможно без формирования механизмов, которые, с одной стороны, способствуют разработке, трансферу и внедрению этих решений, а с другой – делают социально-экономическую систему восприимчивой к ним. В этой связи технологические инновации должны быть дополнены инновациями в корпоративном и государственном управлении, т.е. их экологизацией. Также актуальной видится экологизация национальной и региональных инновационных систем, касающаяся как предмета их деятельности, так и «философии» устройства, а также механизмов взаимодействия между многочисленными акторами этих систем, включая предприятия и организации,

финансовые институты, органы власти и т.п. Первоочередной задачей видится формирование в регионах России площадок «зеленого» взаимодействия участников инновационных процессов, что вполне может быть обозначено в программах регионального развития.

В ближайшее время важно создать условия для деятельности коллабораций по совместным исследованиям в сфере охраны окружающей среды, энергетики и климатологии с целью разработки и масштабирования низкоуглеродных технологий. В помощь им должны развиваться цифровые технологии, благодаря которым будет происходить быстрый обмен и анализ экологических данных.

Литература

1. *Национальный доклад* о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом. URL: <http://www.igce.ru/performance/publishing/reports/> (дата обращения: 25.10.2021).

2. *Перспективы* окружающей среды ОЭСР на период до 2050 года: последствия бездействия. URL: https://www.oecd.org/env/outreach/OECD%20outlook%20to%202050_Highlights_RUS.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

3. *Проект* Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

4. *2020 EPI Results*. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/component/epi> (дата обращения: 25.10.2021).

5. *Глобальный инновационный индекс–2020*. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения: 25.10.2021).

6. *Su C.-W., Naqvi B., Shao X.-F., Li J.-P., Jiao Z.* Trade and technological innovation: The catalysts for climate change and way forward for COP21 // *Journal of Environmental Management*. 2020. Vol. 269. P. 110774.

7. *Adenle A.A., Azadi H., Arbiol J.* Global assessment of technological innovation for climate change adaptation and mitigation in developing world // *Journal of Environmental Management*. 2015. Vol. 161. P. 261–275.

8. *Irlandoust M.* The renewable energy-growth nexus with carbon emissions and technological innovation: Evidence from the Nordic countries // *Ecological Indicators*. 2016. Vol. 69. P. 118–125.

9. *Mikler J., Harrison N.E.* Varieties of Capitalism and Technological Innovation for Climate Change Mitigation // *New Political Economy*. 2012. Vol. 17. P. 179–208.

10. *Fernandez S., Torrecillas C., Labra R.E.* Drivers of eco-innovation in developing countries: the case of Chilean firms // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 170. P. 120902.

11. *Лукашевич О.Д., Фролова Е.А., Лукашевич В.Н.* Экологические инновации дорожного строительства в контексте решения глобальных экологических проблем // *Химия. Экология. Урбанистика*. 2020. Т. 2020-1. С. 142–146.

12. *Елфимова Ю.М., Михайлова К.Ю., Радишаускас Т.А.* Экологические инновации как основа устойчивого развития предприятий туристской индустрии // *Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки*. 2018. № 1 (45). С. 16.

13. *Ярославцев А.В.* Экологические инновации в ЖКХ: особый вклад в улучшение качества жизни горожан // *Власть и управление на востоке России*. 2017. № 2 (79). С. 182–185.

14. Кудрявцева С.С., Шинкевич М.В., Гарипова Г.Р. Экологические инновации предприятий нефтехимической промышленности в достижении целей устойчивого развития // *Современные наукоемкие технологии*. 2020. № 8. С. 51–56.

15. Федоренко И.Н., Кузнецова Э.С. Инструменты стимулирования экологических инноваций в металлургической отрасли // *Экономика природопользования*. 2020. № 4. С. 4–15.

16. Аверина Т.А., Лесных Н.Ю. Мониторинг внедрения экологических инноваций в строительной сфере в Российской Федерации // *ФЭС: Финансы. Экономика*. 2019. Т. 16, № 10. С. 60–66.

17. Хандакова О.П. Развитие экологических инноваций в Республике Саха (Якутия) // *Актуальные проблемы современной экономики*. 2020. № 9. С. 285–291.

18. Торцев А.М., Торцева Т.В. Экологические инновации в регионах Арктической зоны Российской Федерации // *Региональная экономика: теория и практика*. 2019. Т. 17, № 8. С. 1577–1592.

19. Мерзлякова Е.А., Колмыкова Т.С. Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики // *Регион: системы, экономика, управление*. 2019. № 3. С. 104–111.

20. Митяков С.Н., Митякова О.И., Митяков Е.С., Аленкова И.В. Инновационное развитие регионов России: экологические инновации // *Инновации*. 2018. № 3. С. 72–78.

21. Long X., Chen Y., Du J., Oh K., Han I. Environmental innovation and its impact on economic and environmental performance: evidence from Korean-owned firms in China // *Energy Policy*. 2017. Vol. 107. P. 131–137.

22. Tang M., Walsh G., Lerner D., Fitza M.A., Li Q. Green innovation, managerial concern and firm performance: an empirical study // *Business Strategy and the Environment*. 2018. № 27 (1). P. 39–51.

23. Brunel C. Green innovation and green Imports: links between environmental policies, innovation, and production // *Journal of Environmental Management*. 2019. Vol. 248. P. 109290.

24. Abbas J., Sağsan M. Impact of knowledge management practices on green innovation and corporate sustainable development: a structural analysis // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 229. P. 611–620.

25. Zhang F., Zhu L. Enhancing corporate sustainable development: stakeholder pressures, organizational learning, and green innovation // *Business Strategy and the Environment*. 2019. Vol. 28 (6). P. 1012–1026.

26. Mongo M., Belaid F., Ramdani B. The Effects of Environmental innovations on CO₂ Emissions: Empirical evidence from Europe // *Environmental Science and Policy*. 2021. Vol. 118. P. 1–9.

27. Qin L., Kirikkaleli D., Hou Y., Miao X., Tufail M. Carbon neutrality target for G7 economies: Examining the role of environmental policy, green innovation and composite risk index // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 295. P. 113119.

28. Aldieri L., Vinci C.P. Green economy and sustainable development: The economic impact of innovation on employment // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. P. 3541.

29. Molchanova T.K., Yashalova N.N., Ruban D.A. Environmental concerns of Russian businesses: Top company missions and climate change agenda // *Climate*. 2020. Vol. 8. P. 56.

30. Zibenber A., Greenspan I., Katz-Gerro T., Handy F. Environmental Behavior Among Russian Youth: The Role of Self-direction and Environmental Concern // *Environmental Management*. 2018. Vol. 62. P. 295–304.

31. Valko D. Environmental attitudes and contextual stimuli in emerging environmental culture: An empirical study from Russia // *Sustainable Production and Consumption*. 2021. Vol. 27. P. 2075–2089.

On Greening National and Regional Innovation Systems in the Context of a Low-Carbon Economy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 193–206. DOI: 10.17223/19988648/56/15

Natalya N. Yashalova, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: natalij2005@mail.ru

Dmitry A. Ruban, Moscow State University of Technologies and Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: ruban-d@mail.ru

Keywords: economy, environment, innovation activity, indicators, analysis, region, low-carbon development.

The article examines the current state of innovation and its impact on environmental performance in the constituent entities of the Russian Federation. Innovation helps to accelerate the economy's transition to broad-based environmental sustainability. Innovation helps businesses adapt to changing conditions. The analysis of domestic and foreign studies confirms the direct relationship between innovation and environmental objectives of enterprises and territories. In the course of the study, statistical methods of analysis were used, as well as a ranking method. The data of the Federal State Statistics Service on a number of indicators of innovation activity and the environment for 2010 and 2019 for all constituent entities of Russia were considered. MS Excel was used to process the primary information. The results obtained indicate a slight improvement in innovation activity in Russian regions over the study period. Also, during this period, the country has improved indicators on emissions of pollutants into the air from stationary sources, and on discharges of contaminated wastewater into surface water bodies. However, not all major environmental pollutants are ready to invest in innovative projects, or their innovative activities do not affect the ecological situation in the regions. In regions leading in terms of environmental pollution, innovative indicators are significantly inferior to the all-Russian ones. This situation does not contribute to the transition of these subjects of the country to a low-carbon economy. It is necessary to form in the regions of Russia platforms for “green” interaction of participants in innovation processes, which can be indicated in regional development programs. It is also important to create conditions for the activities of collaborations on joint research in the field of environmental protection, energy and climatology in order to develop and scale up low-carbon technologies.

References

1. Israel Institute of Global Climate and Ecology. (n.d.) *Natsional'nyy doklad o kadastre antropogennykh vybrosov iz istochnikov i absorptsii poglotitelyami parnikovyykh gazov, ne reguliruemyykh Monreal'skim protokolom* [National report on the inventory of anthropogenic emissions from sources and removals by sinks of all greenhouse gases not regulated by the Montreal Protocol]. [Online] Available from: <http://www.igce.ru/performance/publishing/reports/> (Accessed: 25.10.2021).
2. Organisation for Economic Co-Operation and Development. (2012) *Perspektivy okruzhayushchey sredy OESR na period do 2050 goda: posledstviya bezdeystviya* [OECD Environmental Outlook to 2050. The Consequences of Inaction]. [Online] Available from: https://www.oecd.org/env/outreach/OECD%20outlook%20to%202050_Highlights_RUS.pdf (Accessed: 25.10.2021).
3. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (n.d.) *Proekt Strategii dolgosrochnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyykh gazov do 2050 goda* [Draft Strategy for the Long-Term Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050]. [Online] Available from: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (Accessed: 25.10.2021).

4. Environmental Performance Index. (2020) *2020 EPI Results*. [Online] Available from: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/component/epi> (Accessed: 25.10.2021).

5. Gershman, M.A. et al. (2020) *Global'nyy innovatsionnyy indeks – 2020* [Global Innovation Index – 2020]. [Online] Available from: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (Accessed: 25.10.2021).

6. Su, C.-W. et al. (2020) Trade and technological innovation: The catalysts for climate change and way forward for COP21. *Journal of Environmental Management*. 269. p. 110774. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110774

7. Adenle, A.A., Azadi, H. & Arbiol, J. (2015) Global assessment of technological innovation for climate change adaptation and mitigation in developing world. *Journal of Environmental Management*. 161. pp. 261–275. DOI: 10.1016/j.jenvman.2015.05.040

8. Irandoust, M. (2016) The renewable energy-growth nexus with carbon emissions and technological innovation: Evidence from the Nordic countries. *Ecological Indicators*. 69. pp. 118–125. DOI:10.1016/j.ecolind.2016.03.051

9. Mikler, J. & Harrison, N.E. (2012) Varieties of Capitalism and Technological Innovation for Climate Change Mitigation. *New Political Economy*. 17. pp. 179–208. DOI: 10.1080/13563467.2011.552106

10. Fernandez, S., Torrecillas, C. & Labra, R.E. (2021) Drivers of eco-innovation in developing countries: the case of Chilean firms. *Technological Forecasting and Social Change*. 170. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120902

11. Lukashevich, O.D., Frolova, E.A. & Lukashevich, V.N. (2020) Road construction ecological innovations in context of solving global environmental problems. *Khimiya. Ekologiya. Urbanistika*. 1. pp. 142–146. (In Russian).

12. Elfimova, Yu.M., Mikhaylova, K.Yu. & Radishauskas, T.A. (2018) Ekologicheskie innovatsii kak osnova ustoychivogo razvitiya predpriyatiy turistskoy industrii [Ecological innovations as a basis for sustainable development of tourism industry enterprises]. *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza (Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaystvom). Ekonomicheskie nauki – Bulletin Peoples' Friendship Institute of the Caucasus (The Economy and National Economy Management). Economic Sciences*. 1 (45). pp. 121–127.

13. Yaroslavtsev, A.V. (2017) Ekologicheskie innovatsii v ZhKKh: osoby vklad v uluchshenie kachestva zhizni gorozhan [Ecological innovations in housing and communal services: a special contribution to improving the quality of life of citizens]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2 (79). pp. 182–185.

14. Kudryavtseva, S.S., Shinkevich, M.V. & Garipova, G.R. (2020) Environmental innovations in the petrochemical industry in achieving the goals of sustainable development. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 8. pp. 51–56. (In Russian). DOI: 10.17513/snt.38172

15. Fedorenko, I.N. & Kuznetsova, E.S. (2020) Tools for stimulating environmental innovations in the metallurgical industry. *Ekonomika prirodopol'zovaniya*. 4. pp. 4–15. (In Russian). DOI: 10.36535/1994-8336-2020-04-1

16. Averina, T.A. & Lesnykh, N.Yu. (2019) Monitoring vnedreniya ekologicheskikh innovatsiy v stroitel'noy sfere v Rossiyskoy Federatsii [Monitoring the introduction of environmental innovations in the construction sector in the Russian Federation]. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya – FES: Finance. Economy. Strategy*. 10 (16). pp. 60–66.

17. Khandakova, O.P. (2020) Development of environment innovations in the republic of Sakha (Yakutia). *Aktual'nye problemy sovremennoy ekonomiki – Actual Issues of the Modern Economy*. 9. pp. 285–291. (In Russian). DOI: 10.34755/IROK.2020.71.31.039

18. Tortsev, A.M. & Tortseva, T.V. (2019) Environmental innovation in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice*. 8 (17). pp. 1577–1592. (In Russian). DOI: 10.24891/re.17.8.1577

19. Merzlyakova, E.A. & Kolmykova, T.S. (2019) Circular reproduction and environmental innovations in ensuring sustainable growth of the regional economy. *Region: sistema, ekonomika, upravlenie – Region: State and Municipal Management*. 3. pp. 104–111. (In Russian).
20. Mityakov, S.N. et al. (2018) Innovative development of the regions of Russia: environmental innovations. *Innovatsii – Innovations*. 3 (233). pp. 72–78. (In Russian).
21. Long, X. et al. (2017) Environmental innovation and its impact on economic and environmental performance: evidence from Korean-owned firms in China. *Energy Policy*. 107. pp. 131–137.
22. Tang, M. et al. (2018) Green innovation, managerial concern and firm performance: an empirical study. *Business Strategy and the Environment*. 27 (1). pp. 39–51.
23. Brunel, C. (2019) Green innovation and green Imports: links between environmental policies, innovation, and production. *Journal of Environmental Management*. 248. p. 109290.
24. Abbas, J. & Sağsan, M. (2019) Impact of knowledge management practices on green innovation and corporate sustainable development: a structural analysis. *Journal of Cleaner Production*. 229. pp. 611–620.
25. Zhang, F. & Zhu, L. (2019) Enhancing corporate sustainable development: stakeholder pressures, organizational learning, and green innovation. *Business Strategy and the Environment*. 28 (6). pp. 1012–1026.
26. Mongo, M., Belaïd, F. & Ramdani, B. (2021) The Effects of Environmental innovations on CO2 Emissions: Empirical evidence from Europe. *Environmental Science and Policy*. 118. pp. 1–9.
27. Qin, L. et al. (2021) Carbon neutrality target for G7 economies: Examining the role of environmental policy, green innovation and composite risk index. *Journal of Environmental Management*. 295.
28. Aldieri, L. & Vinci, C.P. (2018) Green economy and sustainable development: The economic impact of innovation on employment. *Sustainability*. 10.
29. Molchanova, T.K., Yashalova, N.N. & Ruban, D.A. (2020) Environmental concerns of Russian businesses: Top company missions and climate change agenda. *Climate*. 8.
30. Zibenberg, A. et al. (2018) Environmental Behavior Among Russian Youth: The Role of Self-direction and Environmental Concern. *Environmental Management*. 62. pp. 295–304.
31. Valko, D. (2021) Environmental attitudes and contextual stimuli in emerging environmental culture: An empirical study from Russia. *Sustainable Production and Consumption*. 27. pp. 2075–2089.

УДК 330.342

DOI: 10.17223/19988648/56/16

М.Г. Григорьева, М.К. Барсик, Л.И. Ткаченко

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ МАСШТАБОВ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Актуальность настоящей статьи заключается в раскрытии негативного влияния теневой экономики на национальные экономики различных государств, которое зависит от её масштабов. К настоящему моменту существует множество методов измерения масштабов теневой экономики, каждому из которых присущи свои недостатки и которые обладают некоторыми преимуществами. В статье представлена обширная классификация методов измерения масштабов теневой экономики. Проведен анализ каждого представленного метода. Выявлены недостатки и проблемы применения методов, а также предложен комплексный подход к их использованию.

Ключевые слова: теневая экономика, методы измерения теневой экономики, «итальянский метод», метод МИМС, цифровая экономика

Теневая экономика сегодня является частью экономики многих стран. Последствия теневой экономической деятельности затрагивают абсолютно все сферы жизни как конкретного человека, так и экономики региона, государства и международного сообщества. Эти последствия трудно измерить конкретным показателем из-за низкой степени изученности и отсутствия официальной статистики по теневым доходам. Теневая экономика искажает информацию, используемую при оценке благосостояния страны, которая используется для выработки экономической политики. Существует множество подходов к анализу и изучению теневого сектора. На данный момент это явление слабо изучено. На текущий момент отсутствуют точные методы подсчета и анализа результатов незаконной экономической деятельности.

Ежегодно объем теневой экономики в мире составляет 10–12 трлн долл. добавленной стоимости, что равносильно экономике США, которая имеет самый большой ВВП в мире [14, с. 45].

Теневая экономика (деятельность), развивается параллельно официальной экономике, приобретая всё большие масштабы. Размеры теневого сектора варьируются от 3 до 80 % от валового продукта в зависимости от страны и времени, но всегда и во всех экономиках мира он, безусловно, присутствует [1, с. 105].

Целью написания настоящей статьи является исследование методических аспектов измерения масштабов теневой экономики, выявление проблем в столь сложном и многогранном процессе и предложение путей их решения.

При написании статьи были использованы специальные методы исследования, такие как метод интуитивной аналитики, описательно разъяснительный способ теоретизирования; общенаучные методы: метод анализа, классификации, моделирования, аналогии, конкретизации, цитирования.

Необходимо констатировать, что взгляды ученых на понятие и специфику теневой экономики зачастую расходятся по причине неоднозначной трактовки самого этого понятия. В изучении данного феномена можем выделить два способа понимания самого явления. Наиболее популярным является подход, разграничивающий всю хозяйственную деятельность на формальную и неформальную экономики.

Таким образом, теневой сектор определяется как совокупность доходов, не включенных в официальную статистику, не отраженных в ВВП, а значит, – «теневых». Другой же подход рассматривает экономические отношения на микроуровне и позиционирует экономику как систему отношений всего хозяйственного сектора страны, в том числе формального и неформального, т.е. совокупность легальных и нелегальных связей. Теневой сектор в этом случае определяется как подсистема целостного хозяйствования внутри страны.

Первый подход четко делит экономику на два сектора и характеризует каждый в отдельности, а второй рассматривает формальную и неформальную экономики как одну систему взаимоотношений.

Глубинное изучение неформального сектора экономики поможет понять, как функционирует формальная, т.е. «белая» экономика.

Структура и пути взаимодействия формальной (легальной) экономики с неформальным (нелегальным) сектором представлены на рис. 1.

Любая теневая экономическая деятельность направлена на повышение качества собственной жизни и уровня благосостояния, где выгода от преступления сопоставляется с имеющимися рисками. Причины ухода в теневую экономику прослеживаются в психологии максимизации выгоды.

Например, существует взаимосвязь легального и нелегального источников доходов. Оценивая свои шансы получения дохода в легальной деятельности, человек ставит на противоположную чашу весов возможность получения этих же средств в нелегальной (теневой) деятельности. Объективно сравниваются затраченные ресурсы, сроки их окупаемости, риск «провалить» дело и прочие факторы. Таким образом, уход от налогообложения и прочие экономические преступления являются реакцией предпринимателя, который стремится увеличить свои доходы (полезность), снизить риски и издержки своей деятельности. Так, экономическую доходность деятельности можно описать формулой [3, с. 68]

$$EU = pU(Y-f) + (1-p)U(Y), \quad (1)$$

где EU – доход, полученный от экономического преступления; p – вероятность обнаружения факта сокрытия преступления; f – размер штрафа за экономическое правонарушение; U – функция полезности; Y – доход

Эта простая формула помогает понять мотивы и факторы преступного поведения. Ясно, что величина EU складывается из двух факторов, а именно величины ставки налогообложения и желания минимизировать издержки. Величина p определяется тяжестью нарушения, мерами безопасности со стороны уклоняющегося и размером санкций, применяемых к нарушителю [3, с. 68].

Рост теневой экономики становился заметен уже в 1970-е гг. В 1973 г. теневой сектор в СССР равнялся всего примерно 3 % ВВП. Ближе к концу 1980-х гг. объем теневого сектора составлял уже около 10–15 % валового национального продукта. К середине 1990-х гг. объем теневой экономики базировался около 25 % ВВП и к концу его объем составил уже 40–45 % ВВП. В период с 2004 по 2007 г. объем теневой экономики составлял 49 % ВВП [1, с. 105].

На текущий момент Россия входит в число стран с самым высоким уровнем теневой экономики, ее объем составляет 33,6 трлн руб. (рис. 2).

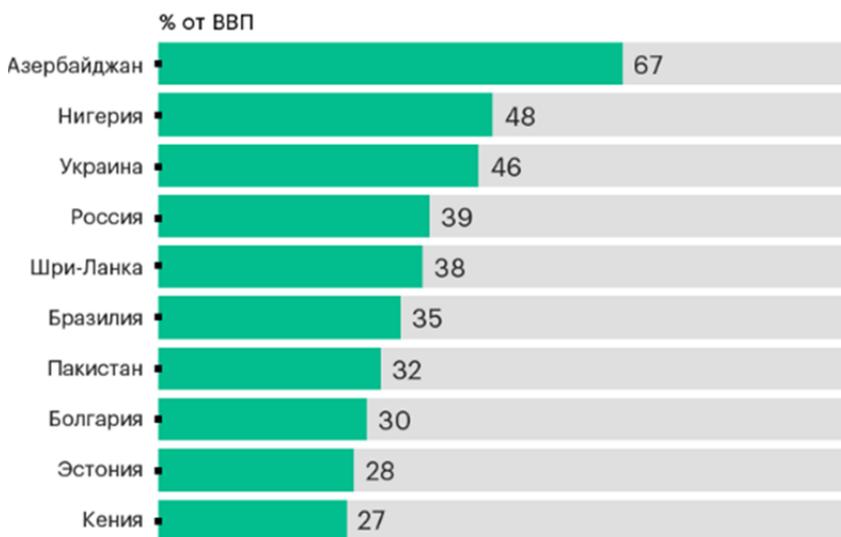

Рис. 2. Страны с крупнейшей теневой экономикой, 2016 г. [4]

В процессе исследования масштабов теневой экономики, возникли различные подходы к ее измерению. Ниже приведена классификация методов измерения теневой экономики, которые поделены на две большие группы: микрометоды и макрометоды (рис. 3).

Микрометоды предполагают различные социологические исследования, проверки, опросы, т.е. непосредственное наблюдение. Эти методы не позволяют решить широкий круг задач из-за низкой эффективности и дороговизны, а также зачастую из-за недостоверности полученной информации (субъективное отношение исследователя).

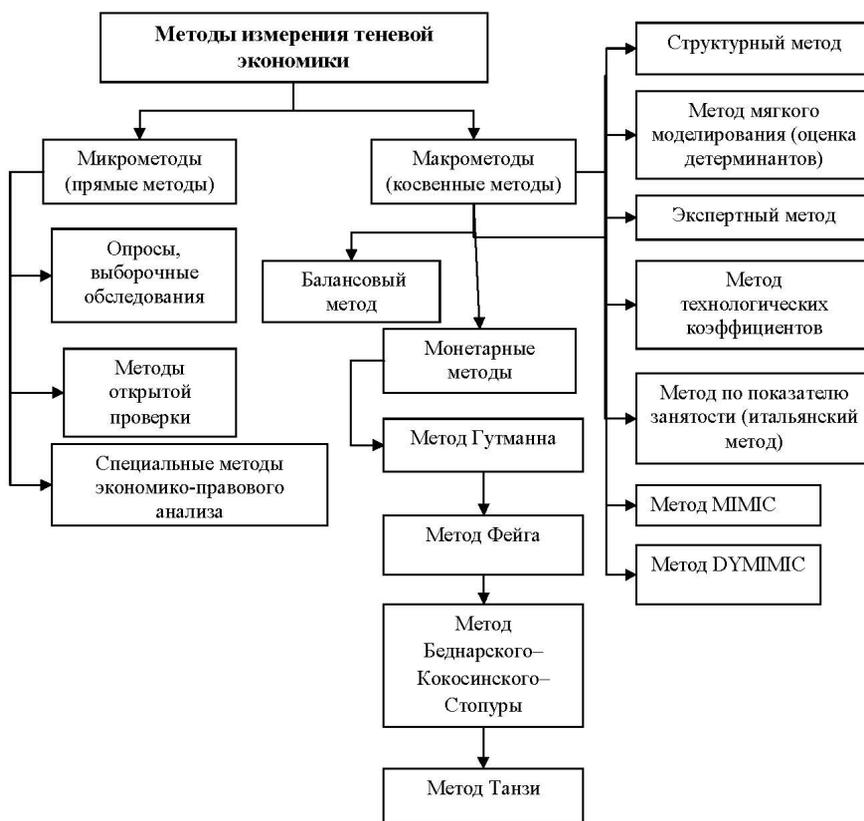

Рис. 3. Классификация методов измерения теневой экономики.
Составлено авторами по [5, с. 235–236; 6, с. 40–41]

Можно выделить такие микрометоды:

1. Опросы, выборочные обследования – анонимное исследование. Проводятся путем интервьюирования, как правило, с целью выявления потребности и заинтересованности населения в конкретном товаре или услуге. Также помимо простых потребителей респондентами могут являться очевидцы каких-либо событий, люди, которые принадлежат определенному социальному классу, профессии, делу, а также люди, включенные в нелегальные экономические отношения, или те, кто пострадал от них.

2. Методы проверок. Проводятся какими-либо контролирующими органами с целью обнаружения нарушений: санитарных норм, пожарной безопасности (заведения общественного назначения), финансового законодательства (банки) и т.д.

3. Специальные методы экономико-правового анализа. Необходимы для выявления более скрытых данных при работе с бухгалтерским учетом или документами. Проводятся путем выявления несоответствий по сравнению с реальной картиной. С помощью данных методов можно моделировать

возможное поведение теневой деятельности, но к числу их недостатков данного метода можно отнести невозможность оценить объем этой деятельности.

Макрометоды сводятся к сравнению данных макроэкономических показателей с данными служб официальной статистики, налоговых, финансовых служб. К ним, в частности, относятся:

1. Балансовый метод. Основан на сравнении статистических данных об одних и тех же макроэкономических показателях.

2. Монетарные методы. При совершении различных операций в теневой экономике отдается предпочтение наличным деньгам. Несоответствия вычисляются путем подсчета денег в обращении: рассматривается соотношение количества наличности у населения с вложениями в банки. Впервые этот метод был описан Ф. Коганом, в дальнейшем его развили и применили П. Гутманн, Э. Фейг в попытке количественно измерить объем теневой экономики, затем метод получил свое применение в разработках Беднарского–Кокосинского–Стопуры для измерения теневой экономики в странах Восточной Европы. Дальнейшее развитие метода последовало в работах В. Танзи, который предложил уравнение регрессии, отражающее оценку спроса на валюту, но оно подверглось критике со стороны других исследователей.

Д.Е.А. Джайлз доработал метод в своих исследованиях, однако ряд критики со стороны других ученых продолжается. Результаты применения данного метода представлены в табл. 1.

Таблица 1. Теневая экономика в России, в % от ВВП [7]

Год	Теневая экономика в России, % от ВВП	
	Нижняя граница	Верхняя граница
2001	11,49	15,23
2002	11,40	15,02
2003	13,65	17,77
2004	14,16	18,75
2005	13,44	17,58
2006	14,86	18,99
2007	17,60	21,56
2008	16,44	20,00
2009	18,34	23,04
2010	19,27	24,14
2011	21,26	26,18
2012	19,67	23,31
2013	20,98	25,15
2014	20,18	24,33
2015	22,40	26,39
2016	24,14	28,44
2017	24,87	29,34
2018	23,65	28,03
1-й кв. 2019	25,51	29,97
2-й кв. 2019	24,77	29,24

3. «Итальянский» метод. В соответствии с этим методом производится опрос домашних хозяйств и занятого населения о количестве отработанных часов (табл. 2). Рассчитывается по формуле

$$X_{employment} = \frac{Uilo - Ufsz}{L - Ufsz}, \quad (3)$$

$Uilo$ – количество безработных; $Ufsz$ – количество безработных на учете в службе занятости; L – экономически активное население (занятые + безработные).

Таблица 2. Показатели занятости для расчета на конец месяца

Дата	Количество занятых, млн чел.	Количество безработных, млн чел.	Безработных на учете в службе занятости, млн чел.	Экономически активное население (занятые + безработные)
2020 г., январь	71,4	3,5	0,7	74,9
2020 г., сентябрь	70,5	4,8	3,7	75,3

Составлено авторами по [8, с. 1].

Численность занятости в теневой экономике по данному методу составляет на конец января 2020 г. 37,7 тыс. чел. Расчет представлен ниже (результат округлен до тысяч человек).

$$X_{employment} = \frac{3,5 - 0,7}{74,9 - 0,7} = 0,0377 \text{ млнчел.} = 37,7 \text{ тыс. чел.} \quad (4)$$

По состоянию на конец сентября 2020 г. аналогичный показатель составляет 15,6 тыс. чел.

$$X_{employment} = \frac{4,8 - 3,7}{75,3 - 3,7} = 15,6 \text{ тыс. чел.}, \quad (5)$$

4. Метод технологических коэффициентов. Показывает динамику какой-либо промышленной отрасли на основе наблюдений за потреблением электроэнергии, перевозками грузов. При подсчете измерения берется во внимание отношение высокого развития отрасли и адекватная рыночная цена. Данный метод имеет узкую направленность и применим только по какой-либо одной хозяйственной отрасли.

5. Экспертный метод. Этот метод можно применять в оценке ко всем видам теневой экономики, но только в сочетании с какими-то иными методами, которые позволяют получить базовую (официальную) оценку, на основе которой эксперты могут высказать свои суждения. Этот метод при расчете требует увеличения числа индикаторов, а также их доработки, более обоснованного метода перехода из нечетких множеств в четкие эквиваленты.

6. Метод мягкого моделирования. Основан на выделении ряда вероятных причин теневой деятельности и придании каждой из них определенных весов в общей формуле.

7. Структурный метод. Основан на использовании информации о размерах «теневой» экономики в различных секторах с перевешиванием «отраслевых» оценок по доле этих секторов в ВВП.

8. Метод множественных индикаторов с множественными причинами (Multiple Indicator-Multiple Cause – MIMIC). Данный метод относится к измерению цифровой теневой экономики. Детально он описывается в работах ряда исследователей, таких как Trevor Breusch, Friedrich Schneider, Andreas Buehn, Claudio E. Montenegro и др. В основе метода лежит идея о том, что необходимо использовать несколько существующих макроэкономических показателей, которые наилучшим способом отражают характеристики теневой экономики конкретного региона, страны, и принимать их для оценки масштабов теневой активности [9, p. 1–35; 10, p. 4–48].

9. Метод динамический мультииндикаторно-мультифакторный (Dynamic Multiple Indicator-Multiple Cause – DYMIC). В отличие от других методов оценки теневой экономики, использует как причины, которые приводят к росту теневой экономики, так и показатели, в которых влияние теневой экономической деятельности может проследиваться одновременно. Данный метод можно разбить на две части: модели измерения и модели структурных уравнений. Первая связывает ненаблюдаемые переменные с наблюдаемыми показателями на рынках денег, товаров и труда. Во второй части указываются причинно-следственные связи между ненаблюдаемой переменной теневой экономики. Т. Бреуш предполагает, что применение модели MIMIC, которая предназначена для психометрических приложений, для оценки теневой экономики не подходит, отмечая, что пионерские результаты Ф. Хейнеманн нестабильны в условиях незначительных изменений либо в периоде данных, либо в группе выбранных стран [11, p. 127–139]. Результаты данных методов представлены в табл. 3.

Таблица 3. Прогнозные значения объема цифровой теневой экономики, % ВВП

Страна	2011 г.	2016 г.	2017 г.	2020 г.	2025 г.
Италия	26,24	26,32	26,5	26,56	26,37
Азербайджан	47	67,04	66,12	56,73	58,38
Бразилия	35,57	34,76	34,75	34,48	34,2
Великобритания	11,83	11,47	11,29	11,19	10,83
Украина	45,16	45,96	46,12	46,1	45,98
Нигерия	50,73	48,37	47,7	46,99	46,11
Польша	24,59	23,68	23,42	22,95	22,13
Россия	39,33	39,07	39,29	39,37	39,3
Япония	10,22	10,08	9,89	9,42	7,86
Сингапур	11,57	12,54	12,88	13,36	14,06
Канада	14,82	14,4	14,15	13,95	13,8
Литва	27,87	26,27	26,01	25,54	25,79
США	8,2	7,78	7,69	7,42	6,94
Южная Африка	23,48	23,29	23,33	23,71	24,19
Мир в целом	23,1	22,66	22,5	22,11	21,39

Составлено авторами по [12, p. 11–13].

По прогнозам экспертов АССА, Россия за последние 10 лет удерживает стабильную динамику в ряде значений, превышающих 39 % объема теневого роста, из-за чего можно судить об устоявшейся системе теневых экономических отношений. Но в целом по миру эксперты дают прогноз на снижение теневой экономики, что отмечается в ряде других стран, исключая Россию. Данные прогнозы являются относительными из-за трудности получить достоверные данные. Метод MIMIC на сегодняшний день является лучшим в применении, так как охватывает всю теневую деятельность.

По нашему мнению, классические методы оценки цифровой теневой экономики в какой-то степени устарели, так как существующие методы не в полной мере отражают особенности данного явления. Учитывая специфику цифровой теневой экономики, целесообразно ее оценку проводить в следующих направлениях:

- 1) уровень распространения цифровых технологий;
- 2) мотивация участия граждан в теневой экономике;
- 3) барьеры для дальнейшего развития цифровой теневой экономики.

Цифровая экономика оказывает заметное влияние на все сферы жизнедеятельности. Эксперты считают, что использование в коммерческом секторе современных информационных технологий способствует усилению конкуренции, появлению угроз со стороны транснациональных корпораций, повышению зависимости от иностранных производителей. Кроме того, цифровая трансформация связана с такими социальными рисками, как сокращение рабочих мест, рост социальной напряженности, вызванной невозможностью трудовой и профессиональной самореализации, тотальным контролем поведения.

Организации вынуждены учитывать тенденции развития рынка и внедрять новые технологии, иначе они рискуют отстать от лидеров, проиграть в конкурентной борьбе и попросту уйти с рынка. Для коммерческих организаций цифровая трансформация также имеет две стороны. С одной стороны, современные технологии способствуют автоматизации рутинных процессов, повышению управляемости и оперативности процессов, прозрачности организационной деятельности. С другой стороны, информационные технологии развиваются очень быстро, требуя постоянных расходов на внедрение, тестирование, обучение персонала, материально-техническое и технологическое обеспечение.

К сожалению, необходимо констатировать, что значительная доля людей занята в неформальном секторе экономики страны. За период с 2016 по 2019 г. их число варьируется от 18 до 22 % (рис. 4). В 2019 г. их численность увеличилась почти на 1,5 млн чел. и составила 22,0% от общей численности работников [8].

В добавление к этому наблюдается существенная зависимость между показателями неформальной занятости от сезонности выполняемой работы. Она обычно увеличивается весной и летом, так как большая доля неформальных работников занята в сельском хозяйстве. Однако сравнение с аналогичным кварталом прошлого года позволило выявить рост 3,9 %.

Можно констатировать, что доля работников, занятых в неформальном секторе экономики, ежегодно увеличивается на 1 процентный пункт. Своего пика он достиг в 2016 г., когда российская экономика искала возможности выхода из рецессии.

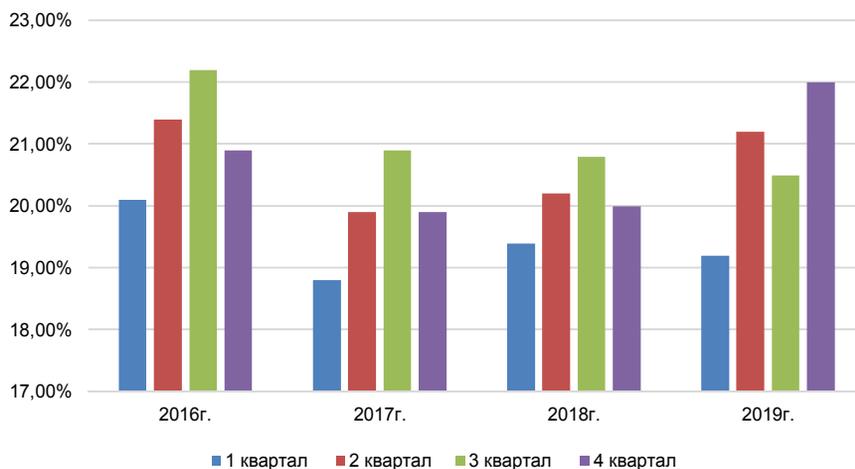

Рис. 4. Доля занятых в неформальном секторе экономики, % от всех занятых [8]

Существует значимая корреляция между показателями неформальной занятости и сезонностью выполняемой работы. Обычно она увеличивается весной и летом, так как значительная доля неформальных работников занята в сельском хозяйстве. Из этого следует вывод о том, что доля граждан, занятых в неформальном секторе экономики, каждый год увеличивается на 1 %. В 2016 г. теневая экономика, ввиду выхода страны из рецессии, достигала своего пика.

Снижение доходов населения является существенным фактором оттока трудовых ресурсов в теневой сектор экономики. Такая взаимосвязь прослеживается в период 2017–2020 гг. (рис. 5). Разница за период с I квартала 2017 г. по I квартал 2020 г. показывает, что среднедушевые денежные доходы населения увеличились на 3 755,00 руб., однако если брать в расчет динамику с конца года (IV квартал 2017 г. – III квартал 2020 г.), то наблюдается спад доходов населения на 1 576,00 руб. Таким образом, наблюдается циклический характер динамики от начала года к концу. Важно заметить, что не менее существенный фактор – это уровень инфляции, который проявляется в повышении цен на товары и услуги, опережающем незначительный рост среднедушевых доходов населения [8].

Из-за отсутствия рабочих мест с более высокой зарплатой на рынке труда люди ищут дополнительный доход, при этом они не имеют официального статуса работника на том или ином предприятии.

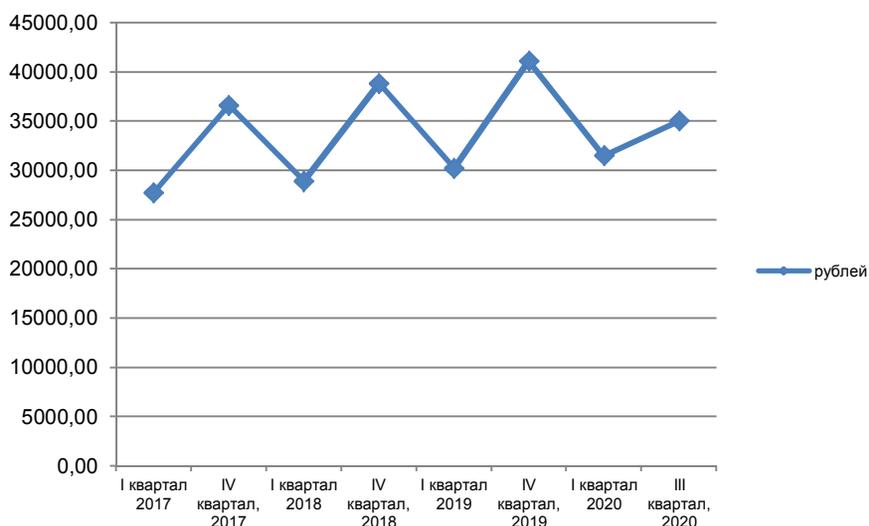

Рис. 5. Среднедушевые денежные доходы населения, руб.
Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [8]

Экономические преступления являются последствием развития теневой экономики, которые являются частью преступности и связаны с экономическими отношениями в обществе.

Их ранжирование по наиболее распространенным видам преступлений отражено на рис. 6.

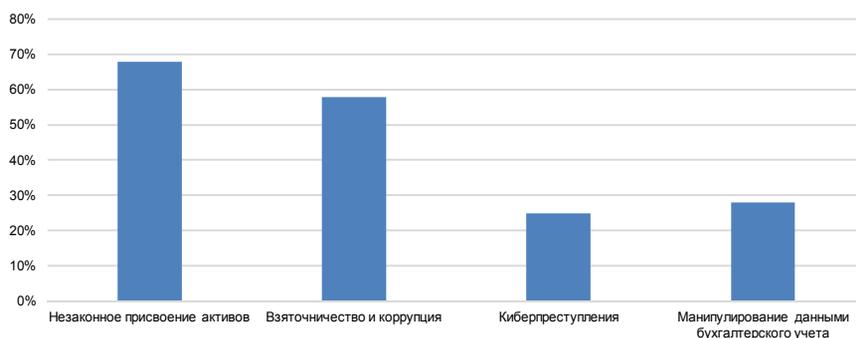

Рис. 6. Виды и структура экономических преступлений по РФ за 2020 г. [8]

68 % от общей доли экономических преступлений приходится на незаконное присвоение активов. Незаконное присвоение активов связано с хищением, растратой денежных средств, материальных и нематериальных активов.

58 % от общей доли экономических преступлений приходится на взяточничество и коррупцию.

28 % от общей доли экономических преступлений приходится на манипулирование данными бухгалтерского учета, которое проявляется в недостоверном отражении показателей бухгалтерской отчетности. Все эти экономические преступления имеют отражение в виде искаженной информации в базах данных, которые на сегодняшний день подвержены легкому изменению. Мошеннические схемы разнообразны.

Важнейшим инструментом в решении этой проблемы можно считать контроль за достоверным формированием данных с применением обоснованных штрафных санкций к ответственному исполнителю.

Трудно оценить качество мониторинга как формы контроля над подведомственными органами. Низкий уровень контроля правового регулирования всех электронных процессов создает почву для развития цифровых теневых отношений.

Законодательно прописанные инструменты контроля над качеством формирования данных в бухгалтерской и других формах отчетности позволят снизить уровень преступлений, связанных с манипулированием данными. Необходимо создать условия для основного требования – объективное и достоверное отражение происходящих процессов финансово-хозяйственной деятельности. Унификацию отчетных данных (таксономию) можно рассматривать в качестве инструмента для повышения достоверности учетной информации. Детализированная информация также может способствовать максимальной точности получаемых выводов в отношении пресечения преступлений, связанных с манипулированием данными отчетности.

Решить данную проблему можно, сделав все транзакции, которые осуществляет бизнес, прозрачными для заинтересованных пользователей.

Современные технологии регистрации транзакций (технологии распределенного реестра), не позволяющие внести изменения в зарегистрированные сделки без того, чтобы эти изменения были доступны всем участникам этой сделки, позволили бы решить проблему бесконтрольного искажения данных. Отсутствие возможности фальсификации данных позволило бы контролировать коррупционные проявления, нецелевое использование бюджетных средств и другие проявления противозаконных действий.

Применение современных технологий позволит повысить уровень доверия граждан к государству.

Аналитики утверждают, что внедрение новых технологий значительно повысит доходы финансового сектора, где также возможны проявления теневого сектора экономики (рис. 7).

Любое явление имеет две стороны. То же самое можно сказать и про цифровую экономику. В качестве негативного фактора необходимо отметить, что с развитием цифровой экономики также происходит модернизация теневой цифровой экономики, которая в своей сфере использует новейшие цифровые технологии, что позволяет дистанционно, без обнаружения правоохранительными органами и оставления даже материального следа правонарушителя, совершать незаконные экономические сделки.

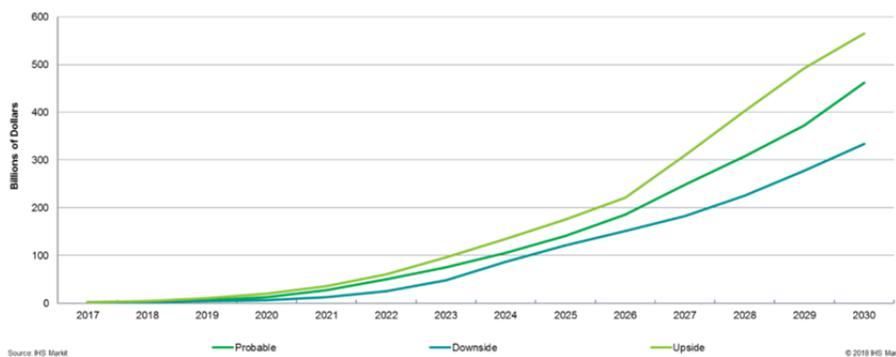

Рис. 7. Прогноз IHS Markit по доходам финансового сектора от внедрения технологии блокчейна [13]

Некоторые специалисты в сфере информационных технологий свои навыки, знания и умения используют, работая на бенефициаров теневой цифровой экономики, так как вознаграждение в этом секторе экономики на порядок выше.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие меры по снижению уровня теневой экономики:

- совершенствование контрольных мероприятий в фискальной сфере;
- использование современных технологий для мониторинга незаконной деятельности и увеличения доходов населения, что вероятно приведет к снижению уровня коррупции;
- устранение нелегального рынка труда, позволяющего значительно сократить долю теневой экономики;
- сокращение наличного денежного обращения в стране и контроль за ним как причины и следствия коррупционных действий;
- повышение уровня кибербезопасности в стране, который выступает сдерживающим фактором для масштабного роста цифровой теневой экономики.

Литература

1. *Кондратьева Е.А.* Теневая экономика: проблемы оценки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-problemy-otsenki-1/viewer> (дата обращения: 05.05.2020).
2. *Avdiyskiy V.I., Bezdenezhnykh V.M.* The Structure of Financial Flows in the Shadow Economy and Methods of Their Assessment. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2018%20%E2%84%965.pdf> (дата обращения: 27.11.2020).
3. *Овсянникова И.П.* Теневая экономика : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2015. 160 с.
4. *Макаров О., Фейнберг А.* Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 05.05.2020).
5. *Эрембетова Л.Х.* Косвенные измерители теневого сектора экономики. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_4_79.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

6. *Kosach O.F.* Современные методы аналитической оценки теневой экономики и их совершенствование. URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/73113/1/Kosach_O.F._s._37_41.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

7. *Оценка теневой экономики в России.* Технические детали. URL: <https://zen.yandex.ru/media/statruss/ocenka-tenevoi-ekonomiki-v-rossii-tehnicheskie-detali-5de14cf3df944400b256c4b5> (дата обращения: 28.11.2020).

8. *Федеральная служба государственной статистики (Росстат).* URL: <https://rosstat.gov.ru/about> (дата обращения: 28.11.2020).

9. *Breusch T.* Estimating the Underground Economy using MIMIC Models. URL: <https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/em/papers/0507/0507003.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).

10. *Schneider F., Buehn A., Montenegro C.E.* Shadow Economies All Over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/46435608_Shadow_Economies_All_Over_the_World_New_Estimates_for_162_Countries_from_1999_to_2007 (accessed: 01.06.2017).

11. *Schneider F., Savasan F.* Dymimic Estimates of the Size of Shadow Economies of Turkey and of Her Neighbouring Countries. URL: https://www.researchgate.net/publication/228346926_Dymimic_Estimates_of_the_Size_of_Shadow_Economies_of_Turkey_and_of_Her_Neighbouring_Countries#pf10 (дата обращения: 28.11.2020).

12. *Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025.* ACCA. 2017. P. 11. URL: https://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy-report.pdf (дата обращения: 06.08.2020).

13. *TADVISER Blockchain.* URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_\(Blockchain\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_(Blockchain)) (дата обращения: 28.11.2020).

14. *Кизон Е.А.* Теневая экономика в современных условиях // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 1 (5). С. 44–48.

Problems of Measuring the Scale of the Shadow Economy and Ways to Solve Them

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 56. pp. 207–222. DOI: 10.17223/19988648/56/16

Mariia G. Grigorieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariia.grigoreva.g@gmail.com

Mutasem K. Barsiq, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mutasem.barsiq@gmail.com

Liudmila I. Tkachenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ludmila.i.tkachenko@gmail.com

Keywords: shadow economy, shadow economy measurement methods, “Italian method”, MIMIC method, digital economy.

The shadow sector can be defined as a set of incomes that are not included in official statistics and not reflected in the GDP. The article aims to study the methodological aspects of measuring the scale of the shadow economy, identify problems in this complex and multifaceted process, and suggest ways to solve them. Special (intuitive analytics, descriptive explanatory method of theorizing) and general (analysis, classification, modeling, analogy, concretization, citation) research methods were used to reach the aim. The relevance of the study consists in revealing the negative impact of the shadow economy in various states, which depends on its scale. To date, there are many methods for measuring the scale of the shadow economy; each of them has its own disadvantages and advantages. This article presents an extensive classification of these methods. Each method is analyzed; the shortcomings and problems of applying the methods are identified; and a comprehensive approach to their use is proposed. The article also discusses the Multiple Indicators, Multiple Causes (MIMIC) method of measuring the shadow digital activity. As a result of the study, it is inferred that the existing signif-

ificant number of studies on the topic and the variety of methods they use indicate the absence of a single unified methodology for identifying both quantitative and qualitative assessments of the scale of the shadow economy. The use of different methods in assessing the shadow economy in Russia also gives different results. Direct methods, as a rule, give an underestimate, and indirect methods, methods of hidden variables, soft modeling, structural methods reflect an overestimate. In this regard, in order to obtain a more objective assessment of shadow economic activity, it is advisable to use various methods in the construction of econometric models that include various factors, then compare the results obtained, and analyze secondary information sources. It is also revealed that not all methods of measuring shadow economic activity are applicable in Russia and in the regions. To date, there is no assessment of the measurement of shadow economic activity by region. In view of the fact that there has been a sharp leap in the development of digitalization in the economy, a shadow digital economy has formed in parallel to it. To some extent, the problem of measuring digital shadow activity can be solved using the MIMIC method by developing new indicators that characterize the causes of the emergence of shadow digital activity.

References

1. Kondrat'eva, E.A. (2011) Shadow economy: Problems of evaluation. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomicheskie nauki" – RGGU Bulletin. Economics Series*. 10 (72). pp. 103–113. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-problemy-otsenki-1/viewer> (Accessed: 05.05.2020). (In Russian).
2. Avdiyskiy, V. I. & Bezdenezhnykh, V. M. (2018) The Structure of Financial Flows in the Shadow Economy and Methods of Their Assessment. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 5 (11). pp. 6–15. [Online] Available from: <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2018%20%E2%84%965.pdf> (Accessed: 27.11.2020). (In Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-5-6-15
3. Ovsyannikova, I.P. (2015) *Tenevaya ekonomika* [Shadow Economy]. Rostov-on-Don: Rostov State Transport University.
4. Makarov, O. & Feynberg, A. Rossiya voshla v pyaterku stran s krupneyshey tenevoy ekonomikoy [Russia has entered the top five countries with the largest shadow economy]. *RBC*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bfff> (Accessed: 05.05.2020).
5. Erembetova, L.Kh. Kosvennye izmeriteli tenevogo sektora ekonomiki [Indirect meters of the shadow sector of the economy]. *Almanac of Modern Science and Education – Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 4. pp. 234–236. [Online] Available from: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2012_4_79.pdf (Accessed 28.11.2020).
6. Kosach, O.F. (2016) Sovremennye metody analiticheskoy otsenki tenevoy ekonomiki i ikh sovershenstvovanie [Modern methods of analytical assessment of the shadow economy and their improvement]. *Bukhgalterskiy uchet i analiz*. 11. pp. 37–41. [Online] Available from: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/73113/1/Kosach_O.F._s._37_41.pdf (Accessed: 28.11.2020).
7. Stat.Russ. (2019) Otsenka tenevoy ekonomiki v Rossii. Tekhnicheskie detail [Assessment of the shadow economy in Russia. Technical details]. *Yandex Zen*. [Online] Available from: <https://zen.yandex.ru/media/statruss/ocenka-tenevoi-ekonomiki-v-rossii-tehnicheskie-detali-5de14cf3df944400b256c4b5> (Accessed: 28.11.2020).
8. *Federal State Statistics Service (Rosstat)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/about> (Accessed: 28.11.2020). (In Russian).
9. Breusch, T. (2005) *Estimating the Underground Economy using MIMIC Models*. [Online] Available from: <https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/em/papers/0507/0507003.pdf> (Accessed: 28.11.2020).
10. Schneider, F., Buehn, A. & Montenegro, C.E. (2010) *Shadow Economies All Over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007*. [Online] Available from:

https://www.researchgate.net/publication/46435608_Shadow_Economies_All_Over_the_World_New_Estimates_for_162_Countries_from_1999_to_2007 (Accessed: 01.06.2017).

11. Schneider, F. & Savasan, F. (2007) Dymimic Estimates of the Size of Shadow Economies of Turkey and of Her Neighbouring Countries. *International Research Journal of Finance and Economics*. 9. pp. 126–143. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/228346926_Dymimic_Estimates_of_the_Size_of_Shadow_Economies_of_Turkey_and_of_Her_Neighbouring_Countries#pf10 (Accessed: 28.11.2020).

12. ACCA. (2017) *Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025*. [Online] Available from: https://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy-report.pdf (Accessed: 06.08.2020).

13. TADVISER. Gosudarstvo. Biznes. Tekhnologii [TADVISER. State. Business. Technologies]. (2020) *Blokcheyn* [Blockchain]. [Online] Available from: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_\(Blockchain\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_(Blockchain)) (Accessed: 28.11.2020).

14. Kizon, E.A. (2013) Shadow economy in the modern conditions. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve – Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*. 1 (5). pp. 44–48. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДОВА Ирина Борисовна – доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск). E-mail: i.b.adova@edu.nsuem.ru

АЛИ-АСКЯРИ Сарваз Ахмедович – кандидат экономических наук, доцент, Центр дополнительного профессионального образования ООО (г. Новосибирск). E-mail: arim@inbox.ru

АСТАХОВА Ирина Александровна – кандидат экономических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет (г. Майкоп). E-mail: Irene-77@mail.ru

БАРСИК Мутасим Камаль – студент Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: mutasem.barsiq@gmail.com

БОЙЦОВА Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономии экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: boitsova07@list.ru

ВОСКАНЯН Роза Оганесовна – кандидат экономических наук, доцент Департамента финансового и инвестиционного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: rose.01@mail.ru

ГАЗИЗОВА Майя Ривелевна – аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: gazizovamaiya@mail.ru

ГОНЧАРОВА Ксения Сергеевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

ГОРОШКО Надежда Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, регионоведения и туризма, Новосибирский государственный педагогический университет, доцент кафедры гигиены и экологии, Новосибирский государственный медицинский университет (г. Новосибирск). E-mail: goroshko1@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Мария Григорьевна – студентка Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: maria.grigoreva.g@gmail.com

ДАНИЛОВСКИХ Татьяна Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: tatyana.danilovskih@vvsu.ru

ЗАЗДРАВНЫХ Алексей Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономии экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: apkreforma@mail.ru

ИБРАГИМОВ Гариб Насир Оглы – Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск). E-mail: i.b.adova@edu.nsuem.ru

КАЛАБИНА Елена Георгиевна – доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: Kalabina@mail.ru

КАПОГУЗОВ Евгений Алексеевич – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск). E-mail: egenk@mail.ru

КРАСНОВ Олег Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, АО «ВНИГРИ-Геологоразведка» (г. Санкт-Петербург). E-mail: okrasnov@vniгри.ru

ЛУКЪЯНИН Алексей Дмитриевич – аспирант, Белорусский государственный экономический университета (г. Минск). E-mail: lukanin@gmail.com

МИНГАЗОВА Олеся Николаевна – старший преподаватель кафедры экономики машиностроения, Альметьевский филиал ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ» (г. Альметьевск). E-mail: kmolesia@yandex.ru

ОГАНЯН ДИАНА АКОПОВНА – студентка, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: diysrf@edu.vvsu.ru

ПАЦАЛА Сергей Викторович – старший преподаватель кафедры географии, регионоведения и туризма, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск). E-mail: s-pacala@mail.ru

РУБАН Дмитрий Александрович – PhD, доцент, Московский государственный университет технологий и управления (г. Москва). E-mail: ruban-d@mail.ru

САЛИХОВ Валерий Альбертович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке (г. Новокузнецк). E-mail: salihov-va@yandex.ru

ТКАЧЕНКО Людмила Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и учета Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: ludmila.i.tkachenko@gmail.com

ЦИТЛЕНОК Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: vladim.tsitlenok@yandex.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Владимирович – доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) (г. Москва). E-mail: vols85-85@mail.ru

ЧУПИН Роман Игоревич – кандидат социологических наук, научный сотрудник, ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: roman-chupin@ya.ru

ШУТОВ Олег Леонтьевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Майкопский государственный технологический университет (г. Майкоп). E-mail: oshutov68@gmail.com

ЮДИНА Светлана Валентиновна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики машиностроения, Альметьевский филиал ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ» (г. Альметьевск). E-mail: yudina100700@gmail.com

ЯШАЛОВА Наталья Николаевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления, Череповецкий государственный университет (г. Череповец). E-mail: natalij2005@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2021. № 56

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 29.11.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 14,1; усл. печ. л. 18,3. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4841.

Дата выхода в свет 10.12.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru